

十

面

伏

埋

骨

肉

皮

毛

髮

膚

十

面

伏

埋

骨

肉

皮

毛

髮

膚

Annotation

Для дедушки Фэнга и его внучки призраки и демоны — дела обычные, прямо скажем. Гораздо сложнее избежать внимания убийц и мафии.

Все имена и названия выдуманы, все совпадения случайны.

Из предупреждений — нехронологическое повествование и насилие. Произведение довольно мрачное, жесткое и, вероятно, неприятное, впечатлительным людям лучше его не читать.

chromewitch

Духов день

*Я б грустила, но что мертво — не заслужит почестей:
Эта дружба уже отправилась в мир иной.*

Рэй Фейра

Семейный магазинчик дедушки Фэнга назывался «И Дин Хо» — и если прочитать и произнести название мог любой хоть сколько-то образованный хинсанец, то о значении слов оставалось лишь догадываться. Резной барельеф в три иероглифа неизменно привлекал внимание и заставлял вспоминать легенду о возникновении Хины и Слове.

Мол, к будущему императору, а тогда лишь местячковому князю, светлоглазому Хин Су Чжоу, пришла ведьма, древняя старуха, рожденная степной волчицей в первую ночь сотворения людей. Была она столь огромна, что следы ее становились колодцами, и так страшна, что даже солнце пряталось от ее взгляда. Но не испугался князь и велел накормить ведьму, как подобает, и приветствовать как дорогую гостью. Двадцать овец съела ведьма, да сотню кур, да куропаток и перепелов без числа, да выпила десять бочек вина и десять пива, а после посмотрела на Су Чжоу и начала говорить. Сказала, что года не пройдет, как кони Су Чжоу истопчут земли на сотни тысяч му окрест, и вся эта земля станет принадлежать семье Хин, и это будет только началом. Сказала также, что запишет предсказание полностью, на сотни лет вперед, дайте лишь бумагу и чернильный камень. Принесли ей листы, принесли пергаментные свитки, принесли скатки шелка на много чжан, но все было мало — ведьма лишь качала головой и щелкала длинными когтями, выбивая из-под них застрявшие кости. А после, убедившись, что нет подходящего листа, написала предсказание прямо на полу дворца своим длинным когтем. Один иероглиф, но вместивший в себя все, столь сложный, что Су Чжоу за всю жизнь разобрал лишь одну сотую его часть.

И одной сотой, как говорили, хватило ему, чтобы всегда угадывать мысли собеседника, чтобы понимать языки людей, зверей и демонов, чтобы с легкостью влюблять в себя и убивать словом. Чтобы завоевать и объединить все племена, все дома и все народы в одну империю — Хина.

Как повелось, с годами легенда выродилась в фарс. Первый дом Хин Су Чжоу, Синий Дворец, стал музеем. Музей — а с ним и пол, а с полом и Слово — чудом пережил войны и революции, оберегаемый как историками и искусствоведами, так и простыми суеверными людьми. Последние до сих пор слышали, как ведьма Ассима — к безымянной великанше быстро пристало ушманское имя, так как пришла она из степей, — плюет в потолок косточками перепелок, сытая и довольная. Даже когда империя стала федерацией, и государственным указом к фамилии первого императора добавили фамилию первого реформатора, сделав из Хины Хинсан, — даже тогда музей устоял, хотя за упоминание призрака Ассымы и волшебства Слова могли и выпороть.

Годами позже цензоры перестали драть три шкуры за неположенные настоящему хинсанцу слова и мысли, и о иероглифе на полу Синего Дворца опять заговорили. Слепой дед из Ушмы утверждал, что ладонями прочел Слово и теперь может предсказывать будущее. Зрячая девушка из аймака Лушунь даже записала предсказания — с дедовскими они

разнились, ну так и ясно, ведь правильно-то расшифровала Слово лишь она. Четверо лингвистов из столичного университета защитили диссертации на тему Слова и выпустили книгу «Предсказания Синего Дворца на каждый день». Правда, в самом университете об этих докторов наук никто ничего не слышал, ну да ладно, тираж-то отлично разошелся.

Ближе всего к правде, по мнению Ронги, подошел какой-то журналист с новостного сайта, написавший крохотную заметку об абракадабрах. Там он справедливо заметил, что во всех культурах существуют «магические» наборы букв или звуков, подобные хинсанскому Слову. Просто в иероглифических системах это выглядит загадочнее и внушительнее. Так и легендарное Слово, при желании и знании первой школы письма, легко раскладывалось на слоги, пусть и было их неприлично много и прочитать их можно было несколькими способами. Но вместе звуки не значили ничего, были совершеннейшей белибердой, выуживать из которой что-то хоть немного знакомое — дело заведомо глупое и бессмысленное. Абракадабра. Хинсанская. Почти святая.

Магазинчик И Дин Хо был связан со всем этим, хоть и весьма отдаленно. Нимало не смущаясь дурной славой и закрывая глаза на вереницу жуликов, якобы расшифровавших Слово, дедушка Фэнг заявлял, что его три иероглифа с вывески к ведьме Ассиме имеют самое что ни на есть прямое, наипрямейшее отношение. Мол, шла обратно эта ведьма, сытая да добрая, и споткнулась о дерево, вывернутое с корнем недавней бурей. Рассвирепела ведьма, да и со злости начертила на бревне три иероглифа — не таких сложных, как Слово, и совсем маленьких, но очень страшных. Кто поймет их значение и скажет вслух, тот умрет и вместе с собой мир заберет. Ни много ни мало!

Почему во дворце Ассиме никакой бумаги не хватило, а тут на деревяшке слова уместила? Потому что во дворце большим пальцем писала, а тут мизинчиком, а они даже у ведьм-великанш маленькие да изящные. Зачем же ты, старый, на виду такую страшную штуку держишь? Ага, поверил! Тут, видишь, посложнее... На все вопросы у дедушки Фэнга был ответ, и то, что орудие уничтожения всего мира он держит на виду и открытым всем ветрам, он объяснял любовью к людям. При том, что любой знакомец Фэнга, хозяина И Дин Хо, рисковал умереть со смеху, услышав о фэнговом человеколюбии.

И с этого объяснения следовало начинать, если рядом с магазином появлялся турист. Это Ронга, ни на что не годная дочь барсука, все же знала.

— Как и Слово из Синего Дворца, наша вывеска предсказывает будущее, — заявила Ронга после дежурного поклона. — Вот что первым разберете и прочитаете, то и будет вашей судьбой.

Она как раз отодвинула складные ставни, скрывавшие две витрины, и повесила табличку «Открыто» на дверь, когда в конце улицы появилась туристка. Высокая, красивая, с аккуратным рюкзачком и любопытным взглядом, она Ронге понравилась — во-первых, бесшумностью, а во-вторых, одиночеством. Группы людей Ронга переносила плохо. К тому же, и на заявление о чудодейственных свойствах доски девушка отреагировала, на взгляд Ронги, правильно — не стала прикидываться, будто бы разбирается в хинсанской иероглифике, а с усмешкой достала из рюкзачка планшет и сфотографировала надпись. Приложение начало обрабатывать фото.

— Только так и выживала в Чжоулане, — немного смущенно пояснила девушка.

Чжоулань — это понятно, старая столица, родина Хин Су Чжоу, тот же Синий Дворец, туда все туристы и бегут в первую очередь, как бы ни зазывали их в столицу новую. Да только в Чжоулане почти все популярные среди туристов места — с дублированными

надписями на дивэе, а его сейчас знает любой, кто путешествует дальше родины. Ронга попыталась вспомнить, когда Чжоулань стал так популярен, а чтобы скрыть замешательство, спросила наугад:

— Вы к нам из Дива?

— Конечно же! — кивнула девушка, как должное принимая и догадку, и то, что девчонка из хинсанской провинции говорит на дивэе. Разумеется, она из Дива. Конечно же, откуда же еще ей быть. Разве существуют в мире страны, кроме Дива и Той Страны, Которую Дивэец Изволил Посетить?... «Что-то не то, — подумала Ронга, начиная глохнуть из-за стучащей в висках крови. — Совсем не то». Слишком уж много самодовольства. Над этой чертой дивэйцев — считать, что все в мире существует лишь ради них, прекрасных, — в Хинсане посмеивались, но Ронга все чаще отмечала, что дивэйское самодовольство уже больше стереотип, чем реальность. Слишком крепко все переплелось в современном Хинсане, слишком много разных людей и культур столкнулись, да и Див десять лет назад обломал зубы, попытавшись влиять на ослабленную революцией страну.

Вот оно!..

Десять лет назад. Десять. Как минимум. Тогда у Дива и его жителей, приезжающих в Хинсан, поубавилось наглости.

— А в твоё время, — вкрадчиво сказала Ронга, — разве было такое? Совсем недавно же появились.

И кивнула на планшет.

Девушка медленно подняла голову и уставилась на Ронгу не моргая. Улыбнулась — сначала чуть неуверенно, покраснев, будто лучи заката плеснули на белый снег, потом посмелее. А потом — еще смелее. Улыбка ширилась, как прореха в старой ткани, и влажно блестя под алыми губами мелкие белые зубки.

Ронга помимо воли взглянула на вывеску. И Дин Хо. Одного рода с легендарным Словом. Говорят, Хин Су Чжоу без капли крови все племена подчинил. Врут наверняка. Но попробовать стоит.

— Уйдешь сама, — сказала Ронга, — цветов принесу на могилу. Вина принесу. Чего хочешь. А нет — сожгу и пепел развею.

— Так и сожжешь? — закривлялась девица, так и эдак изгибая необычайно гибкую шею, подпрыгивая то на левой ноге, то на правой.

— Так и сожгу, — спокойно повторила Ронга. Девица захихикала громко, визгливо, уронила на землю планшет. Экран был темный — как Ронга и думала, призрак впустую водил пальцем по экрану. Он протянул к Ронге обе руки. Та приготовилась, затаила дыхание...

— А не сожжет, так я тебя сам найду, паскуда!..

Над головой Ронги стремительно пролетел грубо сколоченный табурет и врезался точнехонько в лоб девушки. Хихиканье быстро перешло в визг. Сжав кулаки, вытянув тонкую шею, полуприсев и так застыв, будто приклеенная, девушка завизжала на одной ноте, разбивая утреннее оцепенение городка.

— Ну! — прервала ее Ронга, несильно хлопнув по щеке. — Пошла!

И подставила руки под рухнувшее тело.

Вздохнув, Ронга отволокла девушку к магазину и уложила на лавке. Вернулась за планшетом и табуреткой. На ножке были вырезаны слова. Два слова, если точнее, столь грязные, что Ронге даже в мыслях сложно было их произнести. Примечательные разве что

тем, что написаны были почерком коу-шу. Иначе говоря, письмом духов.

Дедушка Фэнг умел появляться эффектно.

Повыскакивавшем из постелей соседям Ронга объяснила, что это птица кричала. Чайка. Далеко? Так потому и кричала, что в такую даль залетела. А у девушки — солнечный удар. Случается.

Спустившись, дедушка Фэнг даже взглядом не удостоил туристку. Молча потянулся к жердине под козырьком, где покачивались на длинных алых шнурах деревянные дощечки. Тонкие морщинистые руки с блестящей, будто маслом смазанной, темной от загара кожей ловко подтянули чуть ослабленный узелок, пальцы паучьими лапками пробежали по деревянным кромкам, и дедушка довольно кивнул. Все в порядке, не отвалится.

Как человек суеверный — а трудно быть иным, если у тебя духи под окнами вопят, — дедушка Фэнг давным-давно вырезал обереги с именем своим и внучкиным и каждое утро проверял, не пора ли обновить дощечки. Свое имя он написал письмом старой школы, так как открыто презирал все реформы — просто потому что они реформы; имя внучки — третьим алфавитом династии Сан, так как Ронга, по мнению деда, принадлежала и прошлому, и будущему, а потому современная, но не так давно отмененная как «полная предрассудков» система письма подходила ей как нельзя лучше.

Только разобравшись с оберегами, дедушка Фэнг повернулся к Ронге и туристке. Лицо его медленно менялось от сердитого к жалостливому, впрочем, человек несведущий ни за что не разобрал бы перемен в морщинистом и темном, как печеное яблоко, лице.

— Завари-ка чаю, девочка, — сказал дедушка Фэнг. — Очнется, слаба будет.

Ронга молча скользнула в магазинчик и дальше, в кухню, полускрытую перегородкой с полками, заставленными фигурками богов и божков всех религий былых и нынешних. Возвращаясь с подносом и глиняными чашками, она еще увидела сквозь витринные стекла, как дедушка Фэнг говорит что-то, как дрожит его горло и как закатываются глаза под веки. Повозилась с дверью, пытаясь и открыть, и не уронить поднос, — вот и нет ничего, просто дед причитает да по-старчески охает над очнувшейся девушкой.

Та перестала лепетать что-то на своем — такую быструю речь Ронга разбирала с трудом — и, наморщив лоб, на позорном хинсанском спросила, что случилось.

— Язык не ломай, — вздохнув, сказал дедушка на дивэе, что от него приравнивалось к несравненному дару. — Солнечный удар с тобой случился. Шла-шла и вдруг упала. Сама, что ли, не помнишь?... Вот так-так...

Озадачившись на вид, почти как сама девушка, Фэнг взял чашку и отпил, взглядом указав на поднос в руках Ронги. Туристка автоматически взяла чай и отпила в свою очередь. Ох, дурная... Пьет что ни попадя у незнакомцев...

— Больше так не делай, — сообщила Ронга, усевшись рядом с ней на лавку. — Дедушка никогда чай не испортит, а вот кто другой может и подмешать чего.

— Внучка дело говорит.

На два голоса они быстро объяснили запутавшейся девушке, что не помнит она ничего из-за жары, а то и из-за выпитой недавно воды в соседнем городе Мидзин. Но ничего, дедушка тут все знает и подскажет, как обратно вернуться. Как выяснилось, ничего гостя не знала о городе, куда завел ее мертвец. Помнила, что вышла, едва отъехав от Мидзина, чтобы посмотреть гору Мин-О, дожидаться заказанную накануне машину и отправиться севернее, в провинцию Иньцы с горячими источниками и храмом Плясуньи Пэн-Пэн, а очнувшись уже здесь, уставшая с мозолями на ногах.

— Вот так-так, — повторил дедушка Фэнг многозначительно. — Так может, и не зря тебя сюда недобрая завела. Что дарить будешь Плясунье, подумала? И как твои ноги больные подлечить я уж знаю.

Ронга поняла, что пора убираться. У дедушки Фэнга так хорошо выходило продавать, зазывать и уговаривать, что любой другой мигом оказывался лишним.

Нет, Ронга, конечно, тоже умела — научилась за годы в магазинчике... И сезон нынче хороший, и погода прекрасная, и день-то какой удачный, и все-все вот самым лучшим образом сложилось именно сейчас. Как раз серебрянка отцвела, а она, как известно, всего пару дней в году цветет и срок высчитывается по лунному календарю. Как, не знаете? Лучшее же средство, чудодейственный рецепт долголетия! Местные раскупают в миг, на продажу не остается! Да. Потому и в Мидзине не слышали — ни пучка не доходит. Будете жить долго, как знаменитая сосна с острова Хинбао. Не слышали легенду? Вот запись, а вот гравюра, оригинальная, не сомневайтесь. Не верите в легенды, возьмите сувенир. Ценная древесина, красный бук. Дощечки с вашим именем или именем возлюбленного. Все вместе — на двойной и с узором, шелковые шнуры в подарок, чтоб в доме повесить. За десяток минби напишем священную сутру на настоящем хинсанском пергаменте, любым из двадцати восьми почерков. Жаба предсказаний на каждый день в году. Яшмовая дорожка, но есть стеклянные — целый выводок, хватит и себе, и друзьям. Да-да, конечно, кто же верит в предсказания в наш век, но цитаты на крохотных жабьих свитках изящны и точны, и принадлежат величайшим умам эпохи Сан...

Так вот, дедушка Фэнг зубы заговаривал куда как лучше. И высказывания дяди Тухтырбека и соседки, тетушки Ондзин, в его исполнении и впрямь казались изречениями благословенных старцев Сан. Ронге мастерства не хватало и не хватит в ближайшие годы — она и сама это понимала. Во взгляде нет-нет да мелькало презрение, услужливая улыбка становилась усталой — покупатели перемен не замечали, но чувствовали и невольно задумывались, а так ли им нужен этот горшочек времен династии Чжоу или гадательные монетки с гравировкой драконов. Да и у Ронги ко всем подход был один, если вообще был. А вот дедушка Фэнг — он по-всякому умел. Вот и сейчас за две минуты уже и успокоил туристку, и убедил, что солнечный удар — лучшее, что с ней случилось в этом путешествии, и уже сговорился отдать ей «за бесценок» багряный шарф с подвесками-птичками, какие Плясунья Пэн-Пэн всегда очень любила.

Ронге пора было уходить. Пораньше, чтобы отыскать мертвеца до ночной смены. Хорошо хоть, по словам туристки, выходило по пути — Ронга как раз работала в Мидзине. Она кивнула деду, быстро собралась, не забыв про еду и сменную одежду, и бодро побежала вниз по улице, к станции электропоездов.

— Поесть не забудь! — прокричал дедушка ей вслед, прекратив на секунду навешивать туристке на уши гроздь отборной хинсанской лапши.

Совесть не мучила ни Ронгу, ни дедушку Фэнга. Слишком привыкли. Как сказали бы добрые люди, «сердцем очерствели». Жить на что-то надо, и раньше, как говорил дед, все было гораздо проще. Вот ты честно говоришь, что прогнал, мол, мертвеца — и люд тебе вместе со спасибоми несет и риса, и вина, и мяса, и амулеты сам берет, а о скидках даже не думает. А теперь попробуй, скажи — хорошо если в управу не пожалуются.

Ронга сама б не поверила во все это. До сих пор, бывало, просыпалась и думала, что не было ничего такого. Приснилось. И дедушка всего лишь дедушка, чудной и сварливый старик, рассказывавший ей байки в детстве.

Однако вот она — реальность. И Ронга едет в скоростной электричке, как обычно, два часа до Мидзина, и в туннеле на середине пути темнеет — и вместе с ее лицом, безмятежным и юным, в стеклах отражаются выпученные глаза, распахнутые рты, белая, в крови, кожа. Прошлогодняя катастрофа. С каждым днем — Ронге хочется так думать — лиц все меньше. Ронга прикидывает, что бы прикупить в Мидзине, если останется свободное время — может, взять острой копченой курицы, которую дедушка так любит? Или зацепить тот лавандовый крем для рук, который присмотрела себе позавчера в торговом центре? — и выходит за станцию до Мидзина, чтобы найти мертвеца... Совсем обычная жизнь. Земная.

...Далеко ходить не пришлось.

Она сидела на скамейке на станции — сильно несвежая, серая, с вздыбленными остатками волос и зияющими провалами на месте глаз. Голая, ссохшаяся, в грязи и гнили, и... странная. Страннее обычного. Будто бы с трудом держалась, будто бы вот-вот рука или нога отвалится. Мертвая постоянно ощупывала себя, водила черными ладонями по тщедушному телу. Лихорадочно, быстро, испуганно.

— Сожжешь? — чуть не плача, спросила мертвячка. — Как обещала?

И Ронга поняла, что не сможет. Так вот, секунды хватило, чтобы понять — тут что-то хуже, чем простая злоба. Не духи, не демоны, нет. Просто... что-то страшнее.

Люди?...

— Нет. Скажи, где искать — похороню.

Она хотела еще спросить, отчего мертвячка только теперь встала. Судя по телу, умерла она давненько. Но выяснилось это тут же, с ответом мертвой.

— Искать, — сказала она, — надо будет долго.

И вновь, как раньше, как рядом с И Дин Хо, нелепо задержалась, затряслась, заплясала на месте, только теперь полусгнившие губы застыли в скорбной гримасе. Кто-то убил ее и разрезал тело на двенадцать кусков. Разбросал как раз недалеко от станции, на Мин-О, невысокой горе, поросшей лесом, в одноименном парке. Она не могла встать раньше — она собирала свое тело. По куску в год. По куску в один день в году — Духов день, праздник почитания мертвых, когда эти самые мертвые могут свободно ходить по человеческой земле. А после двенадцати лет ждала еще месяц, чтобы прошла рядом девушка, подходящая ей по возрасту.

— Я в Жу шла, — с обидой в голосе сказала мертвая. — Домой, к родителям.

— Так тебя там и приняли. — Сочувствовать Ронга давно разучилась. Нервов не хватит всем сочувствовать. — Дуй отсюда... куда там вам принято. Останки соберу, похороню. Могло быть хуже. Порезали бы на сто частей и разбросали бы в степи... Постой, так ты из Жу? Я ставила на Див.

— Бессердечная! — Мертвая собралась было обидеться, но в очередной раз придержала на месте руку и передумала. — Из Жу. Но в Диве училась. Долго. Приехала вот...

Приехала, пару месяцев дома побыла и отправилась соседей смотреть. Отец сказал, что настроения подозрительные ходят, год-другой и будет гражданская война в Хинсане. Как бы потом вовсе въезд не закрыли... Съездила. Не вернулась. А расследование как началось, так и закончилось — прав был отец, только со временем чуть-чуть промахнулся. Очень быстро в Хинсане некому стало заботиться об интересах приезжих.

Как обычно, Ронге стало дурно не от близости мертвецов, а от близости живых — таких живых, что убивают. А потом еще и спокойного посмертия лишают. Осознанно или нет, из-за отклонений в психике, а все одно — страшно. От мертвецов Ронга могла защититься, от

живых...

— Показывай, — сказала она мертвой, раскачивающейся перед ней на тонких как веточки ногах. Кажется, она собрала ступни неправильно, правую вместо левой приставила. — Время у меня есть.

Мертвячка сначала не верила, шла вперед и оглядывалась, а потом припустила бегом, повизгивая от радости. Это выглядело бы чудесно, очень живописно и ярко — летнее утро, бег сквозь высокую траву к видневшейся вдали горе, поросшей изумрудным лесом... Если бы не серая гноющаяся спина впереди Ронги да не омерзительный запах.

На входе в парк пришлось заплатить. Мертвячка корчила за спиной кассира рожи. Жуткие, но привыкшей уже к ее гниющему лицу Ронге они показались уморительными.

— Меня зовут Кенха, — сказала мертвячка внезапно.

— Да мне плевать, — ответила Ронга, начав подниматься по извилистой парковой тропе.

Но внимание Кенхе не требовалось, только возможность говорить. Показывая дорогу, Кенха не затыкалась ни на минуту. Говорила, что ни в чем нужды не знала и все-все ее любили. Да и не просто как милую девушку знали, а прямо по-настоящему любили, даже мальчишка один все клялся... Говорила, что получила лучшее образование и кроме жу, хинсанского и дивэя знала еще ушманский и письмо старой школы. А вот в мертвецов, говорила, вообще никогда не верила, даже в детстве смеялась. Она вообще любила посмеяться и пошутить. Говорила, что заметила девчонку из Дива, когда та присела и стала листать фотографии на планшете. Штука интересная, Кенха такие только самые-самые первые в Диве видела, очень себе хотела. Отец обещал подарить по приезду, но слово не сдержал, а она обиделась. Она вообще часто обижалась по поводу и без, даже перед зеркалом выражение лица репетировала, смотри-смотри, я покажу... Ронге совсем не хотелось смотреть на надутые губки и нахмуренные бровки полусгнившего трупа, но кто когда ее спрашивал?

— Фотографии, — сказал Кенха, вдруг перестав дурачиться. — У этой, из Дива... Я смотрю, а там она и люди. Веселые, улыбаются. Обнимают ее. Тоже из Дива, но не родственники. Слишком непохожи. Она улыбнулась и давай печатать, быстро так. Шутки какие-то, «я скучаю», еще... Она замолчала ненадолго, наблюдая, как Ронга раскапывает ладонями землю.

— У тебя друзья есть? Или только этот мерзкий дед?

— На себя посмотри.

— У меня нет. И никогда не было.

Уже немного зная Кенху, Ронга ничуть не удивилась этому признанию. Это только в сказках герои помогают душам невинным и прекрасным, с каких сторон ни посмотри.

— Не буду я тебе подругой, Кенха. Мы... немного разные, видишь ли.

Кенха пробурчала что-то вроде «Так уж трудно, что ли» и на целых пять минут замолчала, сгорбившись и опустив голову. Ронга за это время успела выудить из земли кость и резиновую подошву. Добавила в пакет.

— Мои любимые кроссовки были, — пробормотала Кенха. — Красивые, папа подарил...

Ронга вздрогнула. Горечь прорвалась сквозь голос Кенхи стремительно и внезапно... чтобы тут же исчезнуть без следа.

— Бессердечная! — повторила Кенха, когда Ронга подняла голову и взглянула на нее.

И язык показала. Вернее, то, что от него осталось.

Кенха, несомненно, притворялась. Она и при жизни была притворщицей и лгуньей. Только вот теперь она, ужаснейшая из актрис, притворялась грустной и обиженной, чтобы Ронга не воспринимала всерьез ее грусть и обиду.

Ронга ничего не могла с собой поделать — ей нравились люди, которые вдруг оказывались сложнее, чем она привыкла думать. И Кенха подкупила ее этим враньем, готовая быть в ее глазах легкомысленной дурочкой, только чтобы случайная знакомая не заметила ее отчаянья.

— Кенха!

Чудом удалось вставить имя в поток речи. Кенха от неожиданности даже остановилась на полушаге.

— Слушай, вряд ли я смогу что-то для тебя сделать, но попытаюсь. Дело о твоём убийстве наверняка закрыто за давностью, но у дедушки есть друзья в полиции и...

Кенха расхохоталась. Мимо по дорожке прошли двое резвых пенсионеров с палками для ходьбы. Покосились на Ронгу и неосознанно обошли по дуге Кенху.

— Да я даже знаю, кто он! — сквозь хохот вскрикнула Кенха. — Я знаю его лицо, его имя!

«...И все же ты не мстить шла, милая Кенха, — подумала Ронга оцепенело, подавленная тем, как плохо думала о мертвой девушке. — Не мстить, а посмотреть на родителей». Редкость, большая редкость. В мире духов месть заставляет мертвых подниматься даже чаще, чем любовь.

— Я скажу им.

Серая голова Кенхи, неестественно выгнутая в приступе смеха, резко встала на место. Лицо исказилось, будто Ронга вдруг сделала мертвой очень, очень больно.

— Твоим родителям. Скажу, что ты спокойна... когда ты будешь спокойна. И...

Ронга прикинула, снова возвела в уме все то, что выяснила о Кенхе за это короткое знакомство.

— И не скажу, кто убийца.

Кенха кивнула после долгой паузы.

— Не хочу чтобы они мстили или искали, с ума сходили всю жизнь. Скажи, что со мной все хорошо, но только если они все еще меня ищут. Если нет, то и не напоминай.

— Конечно.

Кенха больше не говорила. Разве что по делу. Вместе они разыскали все, что осталось на горе Мин-О от нее, двадцатидвухлетней актрисы, погибшей от рук Суджан Вона, члена мидзинской мафиозной группировки «Красный песок». Услышав имя и название, Ронга чудом не сбилась с «Сопровождения к мертвым», которое читала по памяти. Дочитала, сложила на дно вырытой ямки все найденные кости и вещи Кенхи, принялась закапывать.

— Что-то случилось?

Кенха тоже была достаточно чуткой, чтобы подмечать даже мелкие изменения.

— Думаю вот... — пришлось соображать быстро. — Думаю, а как тебе эта мода на перламутровую помаду? Как раз лет десять-пятнадцать назад была.

Мертвячка не сразу поняла, к чему Ронга ведет.

— Или вот, Джин Хэнмо — красавчик, правда? — продолжила она. — Особенно в «Легенде о Су Чжоу». Моя первая детская любовь, практически, все стены плакатами увешала.

— Красавчик, — неуверенно, тихо и радостно согласилась Кенха. — Я в кино на «Легенду» как раз ходила. Три раза!

— А я по телику все повторы смотрела...

— И помада — отвратительная. Терпеть ее не могла!

— Ты представляешь, говорят, что опять скоро в моду войдет...

— Ни за что не пользуйся, тебе не пойдет! — Кенха засмеялась, и если бы не провалы вместо глаз, то выглядела бы совсем не страшно. — И кожу подлечи, у тебя слишком сухая. Крем такой, не знаю, есть ли сейчас... «Красавица Улянь», вот, вспомнила. Попробуй обязательно.

Они поговорили еще немного, пока Ронга не торопясь закапывала ямку с костями Кенхи. Как подруги поговорили, смеясь и подшучивая друг над другом.

С последней горстью Кенха исчезла.

Ни вспышек, ни ветра, ни потусторонних звуков. Ронга подумала, что надо бы заплакать, чтобы Кенха, если хоть что-то осталось еще от нее, увидела, что по ней плачет подруга. Единственная ее подруга, так вышло.

Вместо этого Ронга, сидя на коленях, уперлась руками в землю, безо всякого выражения глядя на эту незаметную могилу. Всем сочувствовать — не хватит нервов, по всем рыдать — не хватит слез. Она тоже умела врать, вот и пришлось прикинуться, будто она только хотела помочь чем-то несчастной Кенхе. Будто хотела подружиться.

А вовсе не пыталась поспешно скрыть, что название «Красный песок», равно как и имя «Суджан Вон», ей очень хорошо знакомы.

2. Гампр матушки Венлин

Если подумать, то к призракам привыкнуть было совсем не сложно. Ронга испугалась-то ровно один раз, первый. Молчать потом — вот это стало испытанием.

Тогда в Мадару каждое лето приезжали дети, близняшки Нуми и Нускра, погодки Ронги и внучатые племянницы дяди Тухтырбека, и Вэй Ляо с соседней улицы, на два года младше. Прибегали втроем к И Дин Хо и канючили, чтобы дедушка Фэнг отпустил внучку погулять. Дедушка ворчал из любви к ворчанию и оставлял на лавке у магазинчика здоровенный кусок медового хлеба, явно слишком большой для одной только Ронги. «Вместо обеда возьми, я отдельно греть не буду!» и липкие от меда ладони...

В то лето дедушка то и дело напоминал Ронге не рассказывать друзьям ничего про помершего полгода назад гампра и матушку Венлин. Как будто чувствовал — а может, чувствовал и впрямь, — что Ронга вот-вот проговорится. В конце концов, огромный, сильный и удивительно терпеливый к детям пес по кличке Хан был всеобщим любимцем, и так хотелось поделиться... Выплакаться, может. Сейчас Ронга уже не могла вспомнить, отчего так горело в ней, ребенку, это желание все-все рассказать. Не задержался бы здесь Хан и вовсе, не вернулся бы, если бы Ронга, по дурости своей, не позвала его в Духов день.

Признаться, Ронга сама себя больше корила, чем дедушка. Тот промолчал — поздно объяснять, поздно готовить, ребенок вон сам до всего дошел, только с последствиями разбираться и осталось. Ронга тогда училась на дому, так как школа в Мадаре давно закрылась, а для самостоятельных поездок в Мидзин она еще не доросла. Заканчивался первый месяц лета, а с ним и занятия, до дедушкиных глупостей с Духовым днем Ронге не было никакого дела, и все ее мысли занимал только скорый приезд друзей. Ожидание омрачало лишь то, что больше нельзя будет забежать во двор матушки Венлин и погладить недавно поевшего, а потому ленивого и особенно доброго пса.

Гуляя по полупустому городку, Ронга по привычке дошла до знакомого белого домика с белым же забором и кустами самшита. Легко было вспоминать, как подскакивает пес и начинает вилять хвостом, видя знакомых людей, даже если просто проходят они мимо забора. Как матушка Венлин, не отрываясь от шитья или грядок, зычно кричит: «Ха-а-ан! Ха-а-анушка, не к тебе! Не встречай, не к тебе!». Этот ее крик каждый в Мадаре знал. Навсегда в ушах.

Ха-а-анушка, не к тебе!..

Матушка Венлин съехала после смерти любимого пса — как будто разом лишилась всех сил, обычно бодрая и жизнерадостная. Дедушка сказал, уехала к сыну в столицу, потому что не могла больше вести хозяйство. И замолчал. Дедушка Фэнг мог ворчать и ругаться просто так, от широты души, а молчать вот так — поджав губы, замерев, только медленно качая головой, — лишь из-за очень серьезного беспокойства или неодобрения.

Ронге тоже не нравился сын матушки Венлин. Никому не нравился. Хоть и видели его жители Мадары всего пару дней... Всего пару дней! Именно на пару дней за все-все годы, сколько матушка Венлин жила в Мадаре, появился у нее в гостях родной сын.

Ронга запомнила молодого Шенву. Они как раз столкнулись у белого домика, Ронга еще подумала — куда он, взрослый, тоже с Ханом играть удумал, что ли?... Хан вскочил и завилял хвостом, матушка Венлин привычно открыла рот — и вдруг подняла глаза на чужака, на скрипнувшую калитку. Вскочила, роняя вязанье, и остолбенела на несколько

секунд, прижимая ладони к губам. Первым, что у нее вырвалось, было тихое: «Шенву-у!». И это последнее «...ву-у!» походило на скулеж, жалобный-жалобный. А потом — рыдания, в которых матушка Венлин почему-то ничего сыну сказать не могла. Сквозь слезы, совсем другим, незнакомым, высоким и горестным голосом кричала только: «Ха-а-ан! Ха-а-анушка! Ой, к тебе! Встречай! К тебе!». Хан оголтело носился вокруг Шенву, шедшего очень медленно. Парень неуклюже отбивался от ласки пса, Венлин кричала, Ронга смотрела через калитку во все глаза. Не до конца осознавая, что видит, но уже испытывая к этому отвращение. Понимала, что это что-то чуждое, непонятное, очень такое... взрослое. И повзрослому уродливое. Неправильное. Ненормальное. Что там было с ними? Что бы ни было, а обычно сыновья не стыдятся матерей, не идут к ним так неохотно, не обнимают отчужденно, будто изо всех сил стараясь поменьше прикасаться к... этому. Этому странному, старому, бесформенному, в синем халате, до сих плачущему: «Ха-а-ан! Ха-а-анушка! К тебе!». Шенву с облегчением отодвинулся от матери и с презрительной ухмылкой стал осматривать сад. Ронгу он не заметил — та припустила бегом от картины, свидетельницей которой нечаянно стала, не желая ни видеть их всех, ни слышать.

...Так вот, его приезд Ронга застала. Из-за его приезда, уже второго, позвала в Духов день Хана. Увидела, как из подкатившей к белому домику машины вышел знакомый парень, подошла, вежливо поздоровалась и спросила, все ли хорошо у матушки Венлин. А Шенву возьми да брось:

— Сдохла старая, туда и дорога.

У Ронги слезы из глаз брызнули. Даже не из-за смерти — не были они с матушкой такими уж друзьями, чтобы рыдать. Из-за воспоминаний. Из-за того самого презрения, с которым глядел красивый, глянцевого весь Шенву на старую мать. Из-за ее глупых затяжных рыданий. Из-за ее жуткого превращения — из бойкой шумной бабки в скулящую старуху.

Она знать не знала, есть ли причины у Шенву быть таким. Не знала, в чем виновата и виновата ли вообще матушка Венлин. Только разозлилась сильно и, глядя как по-хозяйски, уперев руки в бока, заходит Шенву в знакомый двор, зашептала яростно:

— Хан! Ханушка, слышишь? К тебе! К тебе!..

Шенву поднес к уху телефон и стал что-то объяснять про площадь, состояние, цену... А от будки уже мчался к нему огромный пес гампр.

...Он успел выхватить кусок мяса у него из плеча. При жизни палево-желтый, а теперь белый...

...потом красный...

Ронга кричала громче ошалевшего, поседевшего в миг парня. Меньше чем за минуту весь город, казалось, бросился к вопящему Шенву, который катался по земле в тщетных попытках отбиться от твари, которой никак не мог быть добрый-добрый Хан. Пес повернул голову и уставился на Ронгу, которую взрослые все пытались увести от беды. Вместо воя или скулежа из пасти вырвался трубный рев.

Пес прыгнул, и толпа разметалась по сторонам. Вроде как бросились по делам — кто помогать кричащему Шенву, кто в дом за бинтами, кто в больницу на своих двоих припустил, даром что уже вызвали. На Ронгу и пса никто не взглянул.

Только дедушка.

Только дедушка Фэнг произнес что-то из-за ее спины, и Хан исчез на втором прыжке.

Дедушка объяснил потом, что духов-то и в обычные дни лучше не звать, а уж в их заветный праздник — тем более. Сказал, глупо считать, будто угадаешь, что у того или

другого призрака на уме. Сказал, может, это и не Хан вовсе был. А может, и был. Может, при жизни Шенву обидел чем-то пса или хозяйку, матушку Венлин... Может, просто добрый Хан послушался злую, злую Ронгу.

Одно хорошо — Шенву выжил. Уже вечером дедушка позвонил в мидзинскую больницу, куда Шенву перевели из местной, и все разузнал, чтобы успокоить внучку. Выжил, все с ним прекрасно, в больнице полежит — может, поумнеет и передумает дом продавать, материно наследство.

Постепенно воспоминание стало еще одной страницей детства. В чем-то даже приятной. Ронга быстро убедила себя, что Шенву чем-то заслужил злость Хана. И что Хан совершенно точно не собирался нападать на нее там, у белого домика матушки Венлин. Молчать об истории было трудно, но дедушка часто напоминал о такой необходимости, и расстраивать его Ронга не хотела...

Позже стало ясно — дедушка боялся не того, что Ронга расскажет друзьям про Хана, а того, что дети случайно донесут до нее всю правду. Услышат про призрака, расскажут родителям, те вспомнят матушку Венлин и Шенву... Вспомнят, что за машиной вернулась заплаканная девушка в белом траурном платке. А потом и сплетники подоспеют. Слово там, слово здесь — и услышит Ронга от приятелей, что Шенву скончался в той больнице. От потери крови и травм.

Да еще странность — будто ночью выпотрошил его кто-то.

Волк, что ли, в Мидзине разгуливал?...

Это все Ронга узнала уже в двенадцать, когда стала ездить в среднюю школу. Байка о Шенву стала чем-то вроде городской легенды.

...Ронге сложно было молчать.

Сначала — молчать в незнании, перед друзьями. Позже — молчать в ужасе, перед дедушкой. Дядя Тухтырбек, большой знаток собак, заходил в гости и любил повспоминать Хана. Мол, гампр — знатная порода, и тот пес был ух как хорош! Не пора ли и вам двоим кого завести?...

«Тш-ш, старый, — отвечал дедушка, косясь в сторону молчаливой внучки. — Нам бы за собой уследить да за гостями всякими...»

«Шенву, — шептала Ронга каждый Духов день. — Шенву, Шенву! Ну прости ты меня, прости!». А он молчал. Молодой, совсем седой, белый и красный.

Ронга спрашивала, что сделать, как вину искупить — хмурился все и тщетно пытался собрать обратно разорванный свой живот и стелющиеся по полу кишки. Однажды она со своим «прости» совсем близко подошла, загребла руками чужие внутренности, всунула в дыру. Не уместились. Выскользнули из ладоней.

А Шенву — даже в лице не изменился.

Не звать его и не просить Ронга не могла, вымолить прощение — не умела.

Зато больше она ничего не боялась. Совсем ничего. И ко всему привыкла.

3. Кувшинки

Мадара была центром хинсанского аймака Коулань, граничащего с Ушмой, но вся слава и богатство торгового города, связующего звена между двумя странами, всецело принадлежала соседу-Мидзину. Многие и знать не знали, что Мидзин — центр торговый, а исторический — и потому гораздо более важный со всех, ну совсем всех сторон, — именно Мадара. Дедушка Фэнг, всем и каждому готовый рассказать о красоте и долгой истории родного города, молниеносно выходил из себя, стоило кому-то неосторожно назвать Мадару провинцией, которой она и являлась, даже при всей своей исторической ценности.

Летом Мадара напоминала пряник в блестящей глазури — горячий, только из печи, в потеках сахара и взбитого яйца. На асфальте оставались следы, как в тесте, разогретая краска, казалось, вот-вот стечет по стенам домов, а черные крыши готовы были хрустнуть и осыпаться, как тонкая хлебная корочка, вздувшаяся над мякишем. Дома дышали, дома плавились и дома иссыхали в солнечной печи, и каждый человек казался сытым и от сытости ленивым, даже если на деле был голоден. Ведь разве можно голодать в этом горячем пряничном городке?

В такие дни Ронге всегда было сложно отправляться работать в «Лилии». Молоденькие девушки уходят из такого сказочного городка разве что к другим, еще более сказочным, местам. Навстречу приключениям, мечтам, любви... В «Лилиях» можно было найти разве что первое. Строго говоря, многие догадывались о сути этого заведения уже из названия — слишком много мифов о прудах и водяных духах знал Хинсан. Лилейные девы с кожей нежной, как лепестки, среди этих духов однозначно преобладали.

От И Дин Хо вниз к станции, в горячий вагон и до пригорода Мидзина. Район назывался Мидзинкуо, или, коротко, Микуо, что по старой школе значило просто «Западный край Мидзина». Название приобретало зловещий окрас, только если знать, что во время зарождения Хины западная сторона считалась несчастливой, так как именно на западе терялось Солнце. Долгое время слово «западный» в географии городов и вовсе игнорировали... Потом решили, что это может не понравиться послам Западной Жу, да и благородная наука о движении небесных тел распространилась, однако современный Микуо все равно навевал мысли о далеком и мрачном прошлом. Пожалуй, это был самый темный и таинственный район Мидзина. Популярный среди субкультур, шумный и злой, он быстро стал центром незаконной торговли в постреволюционные времена и преодолел тяжелые годы повсеместной цензуры и чисток, осмеливаясь бунтовать. Бунты иногда перерастали в анархию и фактическое правление мафиозных группировок, что окутало Микуо ореолом романтики, как «единственный островок свободы в железном кулаке правительства».

Последние два года, впрочем, Микуо молчал, успокоившись и осев, как пена в стакане густого темного пива. Знакомый Ронги в полицейском участке без обиняков заявлял, что выкошенная постреволюционным правительством коррупция быстро вернулась, и Микуо, фактически, купила мафия и теперь изо всех сил старается сделать Микуо элитным кварталом, а не вечно мятежной окраиной с дурной славой. Однако человеческая память и молва оказались стойкими, и даже строительные компании перестали рассматривать запад как площадку для новых кварталов. Быстрый и яркий Мидзин рос лишь в три стороны из четырех, Микуо, старомодный и порочный, тщетно пытался прорваться обратно в его границы, прикидываясь раскаявшимся сыном, вернувшимся в семью, но подобная ложь пока

что никого не могла обмануть.

«Лилии» были банями и борделем. Как и везде в стране, где проституции официально не существует, для секса за деньги использовались эвфемизмы — здесь, само собой, это называлось «сорвать кувшинку» — а хозяйка всячески подчеркивала, что совсем никого не принуждает к продаже собственного тела. В принципе, так и было — просто разница между оплатой работнице и «кувшинке» отличалась настолько, что первые стремительно переходили во вторые.

Устроившись туда, Ронга почти сразу избавилась от зачатков снобизма по отношению к подобным девушкам. В свободное время они ничем не отличались от нее, а непривычное поначалу, абсолютно бытовое, как пол протереть, отношение к сексу скоро стало казаться естественным и даже более приятным для Ронги, чьи познания в сексуальной сфере ограничивались неловкими первыми опытами, любовной лирикой и эротическими трактатами начала династии Сан. Еще одна часть ее жизни, не отличающейся простотой и ясностью, вдруг стала понятной, разложенной на расходы и доходы, и Ронга нашла это замечательным.

Время от времени сталкиваясь с «кувшинками» за работой — что было неизбежно, если ты безликий слуга, обязанный поддерживать неземную чистоту райских прудов, — Ронга пришла еще к одной неожиданной мысли. Образы местных девушек таили в себе больше поэзии, чем образы влюбленных под луной. Тяжелая и мистическая атмосфера «Лилий» с их широкими плитами серого гранита, тусклым светом, темными дорожками для слуг, черными от искусственной старости деревянными мостками и белоснежными девами в одинаковых бесстрастных масках влияла на постоянных работников самым прямым образом. Они сами себе казались выступающими в театре — теней или традиционном, зависело лишь от обязанностей. Ронга была тенью, «кувшинки» — актрисами. Цветами, феями, оборотнями, призраками, водяными духами. Персонажами нарисованными и написанными, сказанными и спетыми — только не настоящими людьми. Возможно, в этом был секрет успеха «Лилий» и гениальность их хозяйки, мадам Чен. Недаром залы звались «Семь облаков», «Семь завес», «Семь дверей», «Семь ветров». «Семь дверей я закрою за собой, семь завес падут предо мной, семь облаков поднимут меня, семь ветров унесут меня» — строки поэмы-заклинания, популярного во время второго императора Сан, означали отрешенность от этого мира в плотной связи с ним же.

Тело мое здесь, а душа далеко.

Душа моя сокрыта.

Весь мир бережет ее.

...Сладкие слова.

Ронга держалась на позиции обычной служанки из-за нескольких причин. Во-первых, у нее было жилье, пусть и в Мадаре, а значит большая часть расходов исключалась. Во-вторых, с детства занятая вопросами вроде оживших мертвецов и пожирающих плоть духов, она испытывала мало страсти к вещам и деньги тратила только по необходимости. В-третьих, ей и так было мучительно стыдно за обман дедушки. Гордости среди этих причин не было — Ронга не задумывалась о подобном, воспринимая собственную жизнь по принципу «я берег, но разольется река — стану дном». Улян У Кими, брат-философ династии Хин,

беспрекословно принял отречение от королевской фамилии. Сейчас Ронга может позволить себе жизнь берега. Переберется выше в половодье, но если случится наводнение, она будет дном. Дном с вязким илом и стайками рыб, но той же землей, как ни посмотри.

Многим «кувшинкам» было бы легче жить с подобной философией, это Ронга тоже не могла не заметить. Иногда пыталась донести. Осторожно. Улянь У Кими и «Поэма Семи» безызвестного автора со свистом прошли по рукам нелюбимых дочерей и забытых сестер, зачастую даже плохо умеющих читать. Дедушка думал, что внучка работает медсестрой после курсов, тогда как на самом деле Ронга начала работать в «Лилиях» еще во время учебы, как раз для того чтобы эту учебу оплатить, а позже осталась. Но курсы Ронга все-таки завершила, а потому часто помогала девушкам, если клиенты оказывались слишком грубы.

Неудивительно, что она быстро стала любимицей, поначалу с непониманием, а потом с благодарностью впитывая ту искреннюю ласку, на которую «кувшинки» были способны.

Как многим людям, часто встречающим мертвецов, Ронге всегда было мало живого тепла.

Поэтому каждый день, придя в «Лилии», она крепко обнимала отдыхающих в раздевалке девушек, которые, стоило Ронге только показаться в дверях, протягивали к ней мягкие белые руки, приветливо кивала их более сдержанным приятельницам и расцеловывала свою самую близкую подругу, Ру-Мейру, которую благодаря имени и миленькому, почти детскому личику звали Руру, что значит «голубенок». На самом деле, они не были подругами — Ронга называла ее так про себя за неимением подходящего слова. Просто так вышло, что из всех они лучше всего друг друга знали, невольно, но все-таки проникнув в чужую жизнь дальше положенного.

Началось с того, что в один из дней гость схватил за руку Ронгу, спокойно меняющую жасминовые конусы в курительницах. Мадам Чен всегда предупреждала посетителей, что о «дополнительных услугах» необходимо договариваться до посещения купален, но это ублюдка не смутило. Столько грязи Ронга не слышала еще никогда. У нее хватило бы сил вырваться, но жалобы, скорее всего, привели бы к высокому штрафу. Да, мадам Чен была более-менее честной хозяйкой — не позволяла гостям наглеть или отправляла к особо влиятельным и потому наглым только «кувшинок», — но все-таки и гостям старалась угодить изо всех сил. Где-то за пять секунд борьбы с тошнотой у Ронги созрел смелый план. Приложив неслыханные усилия, вспомнив все что наблюдала здесь в исполнении «кувшинок», Ронга ласково заверила мужчину, что подготовится и придет буквально через минуту.

В раздевалке была Руру, Исинь и Хуанг-Вэй. Исинь была очень высокой, а Хуанг-Вэй обладала невозможно белой кожей и косами до пояса. И ту, и другую невозможно было спутать с Ронгой. Зато Руру походила на нее ростом и фигурой, да вдобавок недавно подстригла волосы по моде, до плеч, и высветлила до темной рыжины. Со спины Руру вполне могли спутать с Ронгой, а большего последней и не требовалось. Все работницы «Лилий» носили одинаковые белые маски, так что «кувшинка» вполне могла бы заменить служанку.

Ронга понимала, что поступила паршиво, высказав свою просьбу при любивших ее Исинь и Хуанг-Вэй. Руру вовсе не хотелось становиться изгоем в коллективе, отказав всеобщей любимице... Ронга поступила отвратительно.

Но, благо, в отличие от других своих отвратительных поступков, тут она смогла искупить вину.

Случай представился сам собой — младшая сестренка Руру, Ру-Мейлян, как-то явилась в «Лилии». Как выяснилось из разговора, ради которого Ронге пришлось сесть на корточки и пожертвовать бойкой девочке свой обед, поискать сестру здесь ее надоумил пьяный «дядя». Кто он такой? Зачем так поступил? Что происходит в семье Ру-Мейру?... От всех этих вопросов Ронге заранее стало тошно. Руру не обрадовалась бы ни вопросам Ронги, ни, уж тем более, визиту сестренки, поэтому Ронга три часа прятала Ру-Мейлян по подсобкам и кладовкам, на ходу выдумывая небылицы и игры и пытаясь оторвать Ру-Мейру от работы так, чтобы не вызвать подозрений у других «кувшинок». Ру-Мейлян убедилась, что старшая сестра работает на ужасно важной работе и не стоит сюда больше приходить, никто не узнал о случившемся, и отношения между Руру и Ронгой стали чуть-чуть теплее.

А после случилась Иджи Хонг Хуань. Первая красавица страны... Времен расцвета династии Хин.

В Золотой век Хины красавицы из публичных домов нередко выступали связными и шпионками в политических играх двора, и Иджи Хонг Хуань была лучшей из них. Говорили, что благодаря красоте, изяществу и уму она даже очевидно проигрышные комбинации оборачивала собственным успехом. Однако никаких талантов ей не хватило, чтобы войти в императорский дом даже наложницей. История знала множество случаев, когда проститутки становились младшими женами, а Иджи Хонг Хуань, по всем источникам, затрагивающим такую деликатную тему, была беззаветно предана восьмому принцу, Хин Му Нишану. В несравненной красоте и блестящем уме Иджи Хонг Хуань никто не сомневался, так что догадки строились вокруг принца — самые разные, от шантажа Западной Жу до, самое популярное, гомосексуальности Му Нишана, который так и не оставил после себя наследников.

И в современности в каждом фильме или сериале, посвященном тому времени, если не на первом плане, то на втором или третьем обязательно встречалась фигура Иджи Хонг Хуань — непревзойденной красавицы, искусной во всем, самоотверженно любящей, но бесконечно несчастной в любви.

История земной богини завершалась всегда одинаково — ссылкой подальше от Чжоуланя. Сейчас за право зваться последним домом легендарной красавицы боролись как минимум три города... Как выяснилось, Мидзин победил, пусть Ронга и не могла это никому рассказать. Иджи Хонг Хуань вернулась в этот мир на песни празднующих Духов день «кувшинок» и не пожелала уходить, увидев такое чудесное заведение как «Лилии».

Они тогда, с разрешения мадам Чен, закрыли зал Семи завес. По случаю духовного праздника, посетителей в таком приземленном месте было немного. Они погасили свет и стали опускать в купальни светильники в форме цветов. Кувшинок, как раз. Старый обычай, гадание на любовь и долгую жизнь. Гадающим девам требовалось быть непорочными, а воде проточной, но они тогда просто веселились. Хихикали, уморительно серьезно «предсказывали», пошло шутили... тихо пели.

Ронга, смущенная тем, что ее пригласили посмеяться с ними, заметила в углу зала высокую фигуру в отблесках золота и на миг удивилась, кто же в «Лилиях» успел так вычурно вырядиться и нацепить столько украшений.

Потом фигура выступила вперед. Ронга с другого конца зала разглядела лицо в бело-красном макияже и узнала в нем призрака.

Иджи Хонг Хуань и впрямь была поразительно красива, а от каждого ее движения веяло изяществом и игривостью. Тяжелые одежды с длинными рукавами и бесконечным подолом

совсем не мешали ей двигаться легко и плавно, голова с высокой тяжелой прической, украшенной золотыми гребнями и шпильками, держалась прямо и естественно, и Ронга могла бы поклясться, что бесплотность призрака не играет тут никакой роли, — только лишь грация и привычка. Легкими шажками Иджи Хонг Хуань приблизилась к бассейну со светильниками-кувшинками и склонилась над сидящим на бортике девушкам, Вэйти, Ноангой и бабочкой Дзю. Ронга испугалась на секунду, но красавица лишь улыбнулась и провела рукой над ними, уходя. Ткань мазнула по спинам девушек, Вэйти чуть вздрогнула и оглянулась, потирая плечо, но ничего не увидела. Чуть дальше сидела Исинь, опустив в воду полуобнаженную ножку, и эта картина явно понравилась Иджи Хонг Хуань — пару минут, пока Ронга боялась даже дышать слишком громко, призрачная дева сидела на коленях, опустив в воду рядом с ногой Исинь узкую белую ладонь. Наконец, она вытащил руку, стряхнув тяжелые капли, и провел пальцами по лодыжке Исинь, отчего та улыбнулась. Невидимая Иджи Хонг Хуань повторила ее улыбку и поднялась, бросив на Ронгу насмешливый взгляд.

— Не уташу я их в воду, не бойся, — шепнула красавица с другого края купальни.

Волосы Хуанг-Вэй, как раз скользнувшей в зал и подобравшей с пола свой светильник, привели ее в восторг. С горящими глазами она подняла прядь и взглянула на Ронгу, словно показывая — «Смотри, какая красота!». А потом небрежно повертела в руках и оставила брошенную белую маску. Девушки, увлеченные светильниками и болтовней, ничего не заметили.

Ронгу прошиб пот — мало того, что призрак появился, так он, судя по всему, может воздействовать на окружающих. Вряд ли сил Иджи Хонг Хуань хватит, чтобы поднять, например, стол, но вот опрокинуть курильницу, разбить вазу... бросить нож, схватить за ногу под водой... Чудный вечер стремительно оборачивался катастрофой, и словам духа Ронга не верила. Может, при жизни красавица была самой добротой во плоти, но призраки редко остаются неизменными, особенно после стольких лет посмертия. Призрак, при жизни бывший святым, вполне мог совершить что-то дикое, чудовищное, а последний злодей вдруг проявить милосердие. К тому же, дух всегда мог захватить чужое тело — а где как не в борделе Иджи Хонг Хуань могла найти подходящую, похожую на нее девушку?

Ронга стала размышлять, как бы разделить девушек и призрака, а самой сбегать достать из рюкзака киноварь и начертить пару обережных заклинаний. Оставлять дух наедине с живыми она опасалась.

А Иджи Хонг Хуань уже приблизилась к ней и села между ней и Ру-Мейру, заинтересовавшись сережками последней. Ронга смогла разглядеть ее вблизи, и дыхание ее несколько раз прервалось.

То, что Ронга издавна приняла за пудру, оказалось ее голой кожей — безупречно матовой, гладкой и белой. Черные стрелки и красные тени подчеркивали темные глаза. Тонкие и прямые брови придавали ее лицу вид бесстрастной и безупречной маски, когда не двигались уголки губ. Каждая черта была тонкой и ровной — ее лицо хотелось рисовать. Тушью, легкими и длинными линиями.

Четыре халата Иджи Хонг Хуань надевала так, чтобы выступающие края ворота и рукавов давали оценить красоту перехода оттенков — от нежно-алого ближе всего к телу до кроваво-красного верхнего. Из-под нижнего слоя ткани выглядывала, целомудренно застегнутая под самое горло крохотными золотыми пуговицами, нательная шелковая рубашка внезапного красного цвета. Нижнее белье, особенно в эпоху Хин, традиционно

шилось из светлых тканей и без застежек. Ярко-красная рубашка Иджи Хонг Хуань смотрелась как кровь, как девичество, как... беззащитность под всеми этими слоями ткани. Смелость костюма, его двойные смыслы и противоречивые значения даже Ронгу, равнодушную к женским прелестям и насмотревшуюся всякого в «Лилиях», заставили задуматься — а как же выглядит полностью нижний наряд красавицы и какова она в нем. Какое же впечатление производила Иджи Хонг Хуань на своих современников, если даже Ронга, девушка из будущего, чуть не впала в ступор от созерцания одного лишь ее костюма? Верхнее безрукавное платье, как и широкий пояс, сдерживающий халаты, тоже было ярко-красным, как будто Иджи Хонг Хуань хотела вся исчезнуть в этом цвете, видеть его и только его кругом. Второй ее страстью было, очевидно, золото. Густое золотое шитье по верхнему платью и поясу заставляло ткань едва ли не хрустеть, многочисленные украшения в прическе, на шее, пальцах и запястьях не смотрелись вульгарно только благодаря красоте и утонченности носившей их женщины.

— Красиво, правда? — спросила Иджи Хонг Хуань, не отвлекаясь от разглядывания сережки Ру-Мейру. Ронга поняла, что бездумно трогает расшитый край ее воротника и поспешно отдернула руку. — Всегда любила золото, и этот наряд был моим лучшим... Ах, милый, милый! Убив, хоть позаботился о том, чтобы на небо я вошла императрицей!

Иджи Хонг Хуань звонко рассмеялась, прикрывая рот рукавом, а Ронга замешкалась немного, переводя про себя слова старохинского, и потому не сразу осознала, что тайны прошлого вот так просто могут ей открыться. Легендарную красавицу убили — в этом сходились все источники. А вот причины убийства или личность убийцы...

— Это сделал... Хин Му Нишан? — тихо спросила она.

Ру-Мейру удивленно взглянула на нее над плечом Иджи Хонг Хуань.

— Вспомнила подходящие заговоры, — Ронга поспешила объяснить свое бормотание на малознакомом языке. — Дедушка рассказывал, как раз к Духову дню.

Иджи Хонг Хуань чуть приподняла бровь, словно удивляясь тому, что Ронга вынуждена скрываться, но не стала заострять на этом внимание.

— Хин Му Нишан, — вместо этого повторила она, с нежностью, будто целуя воздух каждым движением губ. — Конечно же, не мог он лично прийти в мою последнюю обитель. Его человек... Ах! И это!

Выражение ее лица мигом сменилось на испуганное. В ту же секунду вода в бассейне вздулась горбом, а горб обернулся тяжелым белым покрывалом, отчего-то не тонущим. Девушки непонимающе уставились на внезапные волны, Исинь интуитивно убрала из воды ногу, Ронга подскочила, выплевывая слова настоящего заклинания, но дух оказался быстрее. Ру-Мейру вскрикнула и скользнула под воду, и только Ронга успела заметить, что за подол ее потянула белая ткань. Заплясали и опрокинулись светильники на воде, закричали девушки, охваченные внезапным ужасом, Ронга прыгнула в воду... И с удивлением поняла, что вместе с ней в черной воде алеет во всех своих одеждах Иджи Хонг Хуань. Кто из них освободил Ру-Мейру от призрачной хватки, Ронга так и не поняла, только всегда перед глазами кроме белой ткани была и красная, в густом золотой шитье.

Ронга вытащила Руру с помощью уже пришедших в себя, засуетившихся девушек. Вэйти и Дзю бросились объясняться за всех перед мадам Чен, остальные, убедившись что Руру в порядке, тоже поспешили разойтись. Как бы милые посиделки не обернулись руганью и штрафами — мадам Чен явно не обрадовалась долетевшим крикам...

Никто не видел, как взлетело над купальней огромное белое покрывало. Никто не

видел, как встала на краю бассейна Иджи Хонг Хуань, мертвая красавица в алых одеждах.

— Нет! — сжав кулаки, вскрикнула она. — Никогда я не позволю своему страху убивать этих милых дев!

Покрывало вздулось парусом и ринулось на нее, в одно мгновение спеленало, сдавило, опутало руки, залепило рот и нос. Иджи Хонг Хуань поднялась и забилась в воздухе, тщетно пытаясь освободиться. Края покрывала извивались, словно все это происходило под водой.

Не думая, Ронга подпрыгнула, одной рукой вцепилась в ткань и потянула тело на себя, а другую поднесла ко рту и вцепилась зубами в большой палец. Покрывало отпуская лицо Иджи Хонг Хуань тяжело, как будто кожу приходилось сдирать с каждым движением, но Ронга все-таки сумела освободить рот женщины и сунуть между ее белых зубов свой окровавленный палец.

В тот же миг покрывало упало на пол и скользнуло в воду.

Ронга рассмотрела свой палец — укусила так сильно, что ноготь треснул посередине. Зарастать будет долго, больно и уродливо.

— Как ты это сделала? — поразились Иджи Хонг Хуань, проводив покрывало злым взглядом.

— Ну, я-то никаких тряпок не боюсь, — пожала плечами Ронга. — Ты могла бы попробовать вселиться в меня или Руру, чтобы избежать его, но не стала. Это... хороший поступок. Неожиданный. Ронга уже примерно догадалась, что произошло с красавицей века назад.

Бывает так, что призраком становится не человек, а вещь. Так, впитав ужас тонущей Иджи Хонг Хуань, покрывало стало монстром, вечно сопровождающим ее. Ронга, поделившись с призраком частью себя, позволила Иджи Хонг Хуань прикинуться человеком, причем, шаманкой, способной этих призраков гонять в хвост и гриву. На какое-то время это обмануло вещь-убийцу.

— Спасибо, — сказала Иджи Хонг Хуань. — Благодарю драгоценную духовидицу.

И поклонилась, сложив руки у пояса, как было принято в Хине. И не так, как Ронга видела в исторических сериалах.

— Да не за что, — ответила она, шмыгнув носом. — Это одеяло еще прогнать надо.

Руру за все это время не произнесла ни слова и не двинулась с места. Сначала сидела у стены, сплевывая воду, потом таращилась на Ронгу, которая прыгала, боролась и говорила с воздухом, зачем-то кусав себя до крови.

— Ты в порядке?

Руру посмотрела на нее, как на идиотку.

— Кто из нас сошел с ума? — спросила Руру. — Ты или я? Ведь я... Я видела что-то там, под водой. И я не сама так упала, как бы я могла?...

Руру говорила сбивчиво, задыхаясь, не веря в собственные слова и делом пары минут было бы убедить ее, будто все это ей померещилось. Даже прыгающая и дерущаяся с невидимкой Ронга. Но тут Иджи Хонг Хуань решила, что достаточно отблагодарила Ронгу, и вставила свое:

— Я спасла ее, так пусть отдаст серьги!

— Что?

— Сережки! Они мне нравятся, хочу такие.

— Я принесу тебе лучше.

— Или упокоишь вместе с покрывалом! Хочу сейчас и именно эти. Иначе пойду и

утоплю кого-нибудь, я могу. Забери их, ты явно выше ее в обществе, так просто возьми.

— Утопишь?...

Строго говоря, она и впрямь могла. Иджи Хонг Хуань оказалась на редкость сильным призраком. К «кувшинкам» она проявила трогательную симпатию, но ничто не мешало ей убить кого-то из гостей. Особенно, если он походил на ее убийцу или подославшего его Хин Му Нишана.

— Это призрак? — меж тем спросила поднявшаяся на ноги Руру. — П-правда, призрак?

— Правда, призрак, — согласилась Ронга обреченно. — И он хочет твои серьги.

Она думала, что Руру убежит, но вместо этого девушка дрожащими руками вынула из ушей сережки и протянула Ронге. Ронга в свою очередь отдала их призраку. Иджи Хонг Хуань хихикнула и быстро спрятала одну маленькую подвеску в кармашек на рукаве, а вторую принялась разглядывать на свету, радостно щурясь.

Руру отлично видела, как серьги исчезли с ладони Ронги, но, к большому облегчению последней, не упала в обморок и не завопила.

Так, они сорвали один из занавесов, отперли одну из дверей. Сами того не желая, узнали друг о друге слишком много правды. В мрачном и порочном мире «Лилий», в мире-театре на воде и лжи — это было довольно болезненным.

Руру после того происшествия сказала простывшей на пару дней, после чего вернулась, отвела Ронгу в сторонку и протянула ей золотое кольцо.

— Подумала, что пара сережек — слишком малая цена за мою жизнь, — ответила она на немой вопрос.

Иджи Хонг Хуань к тому времени уже набралась сил настолько, что смогла бы воровать, но Ронга уговорила ее этого не делать, объяснив, что тогда пострадают столь полюбившиеся ей девушки.

— Ей не нравится, — сказала Ронга. — Слишком грубое. И, слушай, только не вздумай использовать меня как медиума!

Руру серьезно кивнула и продолжила время от времени приносить золотые вещи. Некоторые Иджи Хонг Хуань забирала без тени смущения. Ей приносило радость это маленькое поклонение. Что же до тайн... В тот день, после того как Ронга все-таки отыскала киноварь в собственном рюкзаке и, оставшись на ночь в «Лилиях» якобы из-за ссоры в доме, уничтожила вещь-убийцу, Иджи Хонг Хуань охотно рассказала о своей смерти.

Подосланный Хин Му Нишаном убийца представился художником и сообщил, что принц, неспособный навестить возлюбленную, хочет обзавестись ее портретом, где она изображена среди осенних листьев, в самом прекрасном из нарядов. Иджи Хонг Хуань очень обрадовалась, ведь крайне редко принц так открыто выказывал ей свой восторг и привязанность. Он знал, как любит его жемчужина красный цвет и богатые одеяния, помнил наряд из четырех слоев шелка и тяжелого пояса, ведь снимал его так часто. Знал, что в таком наряде и со своими обожаемыми драгоценностями Иджи Хонг Хуань непременно пойдет ко дну, стоит только толкнуть ее в пруд во внутреннем дворе. Для верности же убийца оглушил ее и спеленал длинным и широким покрывалом перед тем, как толкнуть в воду, а после сбежал. Она очнулась в воде, но выпутаться из ткани уже не смогла, и умирала мучительно, с рвущимися от боли легкими и просветами солнца где-то там над ней — близко, но не дотянуться.

Выглядело так, будто она пошла прогуляться, закутавшись в покрывало от холода, и поскользнулась на первом льду, сковавшем камни у пруда.

— Я знала, что рано или поздно он возненавидит себя и сочтет людскую молву слишком опасной.

Свет был погашен, за исключением ламп на стенах бассейна. Иджи Хонг Хуань с нежной улыбкой провела рукой над водой, любуясь бликами золота.

— Что ж, по крайней мере, мой любимый принц дал мне уйти во всем великолепии.

— Если тебя это утешит, то он так и не женился. И наследников не оставил.

Иджи Хонг Хуань улыбнулась так, будто ничего другого она и не ожидала.

— Почему вообще он себя ненавидел и чего-то там боялся? — поразилась Ронга. — Понимаешь, это же самая главная тайна! У императора в наложницах были девушки из публичных домов, у его братьев тем более, всеобщий любимец — я сегодня специально почитала! — младший принц Ан Нань чуть ли не жил в борделях, а ему-то что мешало?

Иджи Хонг Хуань выслушала эту пылкую тираду с легким удивлением.

— Он что, и впрямь заставил всех молчать... — произнесла она растерянно.

А потом поднялась и стала неспешно раздеваться. Ронга невольно затаила дыхание, замороженная и готовая ослепнуть. И... вскоре узнала, что легендарная красавица Хины, красный цветок Чжоуланя, непревзойденная Иджи Хонг Хуань... была мужчиной. Прекрасным мужчиной непередаваемой красоты.

От неожиданности Ронга выругалась, чем вызвала у Иджи Хонг Хуань мелодичный, переливчатый смех.

Насколько Ронга помнила историю — а помнила она ее отлично, воспитанная дедушкой Фэнгом и книжным шкафом, — уже следующее поколение императорской семьи преспокойно плюнуло на традиции. Точнее, вспомнило, что эти самые традиции установлены были лишь правнуками первого императора Хины, Хин Су Чжоу, а значит и традициями-то называться не могут. Маловато лет им, в общем, а кто не согласен — вот новый император, Хин У Фань, только закончил вешать сторонников императора предыдущего, своего старшего брата. Ему все претензии предъявляйте, короче говоря.

— Родились бы вы в другое время, — искренне посочувствовала Ронга, — все было бы иначе.

— Родились бы мы в другое время, — эхом ответила Иджи Хонг Хуань. — Или другими людьми... То были бы совсем не мы.

Ронга не стала прогонять ее, решив, что «кувшинкам» пригодится когда-нибудь симпатия могущественного призрака. Какое-то время приглядывалась, но Иджи Хонг Хуань и впрямь не причиняла вреда девушкам, а иногда и помогала. Бродила по «Лилиям», купалась и плавала, когда залы были свободны, отчего работники удивлялись и ругали друг дружку, забывших слить воду. От природы любопытная, разглядывала вещи и людей, говорила с Ронгой. Озорство призрака ограничивалось разве что перепутанной одеждой.

— Ты могла бы убить? — спросила Ронга прямо в один из дней. — Утопить, например, как угрожала в нашу первую встречу?

— Конечно, — не задумываясь ответила Иджи Хонг Хуань. — Только я не хочу, а ты не можешь меня заставить.

— Я могу, — в свою очередь призналась Ронга. — Но не хочу и не буду, пока ты не причиняешь никаких проблем.

Иджи Хонг Хуань окинула ее лукавым взглядом.

— Я люблю своих младших сестричек и тебя, но все же здесь потребуется нечто больше просьбы, — слегка насмешливо произнесла она. — Если тебе нужно кого-то убить,

драгоценная духовидица, то сначала придумай, что мне в том убийстве?

«Или как остановить тебя потом» — продолжила Ронга про себя. Любого взбесит принуждение, тем более к делам столь грязным и мерзким, как убийство. Куча обозленных на весь мир идиотов ломалась на этом — призывала духа, дух убивал обидчиков... а потом и идиота. И его семью. И кошку. Кошек Ронга очень любила, и в подполе «Лилий» их жило как минимум три.

«Я придумаю», — решила Ронга, вспомнив этот разговор. Она в очередной раз проезжала мимо Мин-О, где покоились останки Кенхи, убитой главарем мафиозной группировки, так часто отдыхающим в «Лилиях».

Кенха была не единственной причиной, по которой Ронга хотела убить Суджан Вона. Скорее, последней.

И, хоть ни Иджи Хонг Хуань, ни Кенха, ни кто другой в целом мире не мог ее услышать, Ронга повторила про себя: «Я обязательно придумаю. Обещаю».

4. Черепаховый суп

*я собираю заново — безуспешно -
пазл, которым стал для себя я сам
сложнее всего лежать в темноте кромеиной,
стараясь не слышать мертвые голоса*

Рэй Фейра

Ронга поправила кумкваты в вазочке. Тщательно вымытые, ярко-рыжие в едва заметную красную крапинку, самые сочные из всей огромной корзины, предложенной тетужкой Ондзин. Лучшие из лучших, ведь плохих или даже просто нормальных в саду тетужки Ондзин не бывало.

Дедушка Фэнг часто в сердцах бросал, что дружит со старой ведьмой исключительно из-за кумкватов. Ронга не верила, потому что как-то дедушка не разговаривал с ней два дня из-за недостаточно, на его взгляд, уважительного обращения с соседкой. Сама Ондзин, что характерно, как и Ронга, ничего неправильного не заметила, и когда пристыженная девочка явилась извиняться непонятно за что, тетужка взяла ее за плечо и неспешно повела обратно в И Дин Хо. Где и высказала дедушке Фэнгу все, что думает о его строгом обращении с внучкой. Дедушка в долгу не остался, и двое стариков проругались до тех пор, пока зачистивший дождь не разогнал их по домам. В общем-то, в том случае и заключалась вся суть их теплейшей соседской дружбы.

— Вот так-так, вот это и хорошо...

Пока Ронга за перегородкой ставила чайник, дедушка Фэнг появился в магазинчике и уже запустил руку в вазу. Немедленно закинув один кумкват в рот и набрав полные ладони остальных, дедушка бодро прошаркал к кухне тапками с отклеивающейся подошвой.

— Так не выкинул? — вздохнула Ронга, кивнув на тапки. — Ну-ка вылезай, хватит старье беречь.

Уже и без того удивленный полной вазой любимых фруктов на прилавке, дедушка Фэнг послушно сменил старые тапки на новые — жестковатые, льняные, на толстой подошве, словом, именно такие, какие дедушке больше всего нравились.

Задумчиво прожевав кумкват, дедушка Фэнг спросил:

— И что же тебе нужно?

Ронга непонимающе оглянулась от пароварки, где уже доходили кругленькие, пухленькие белые булочки. В сознании стремительно пронеслась одна только мысль: «Переборщила!». Надо было остановиться на кумкватах.

— Что натворила, а? — дедушка Фэнг присел за крохотный стол, половину которого занимала плетеная корзинка, полная бумажных пакетиков с травами. — Я б поругался, да вырастил слишком умную внучку — вся ругань стынет в полном рту.

Говоря так, дедушка не переставал жевать, и высыпанных на столешницу кумкватов было уже гораздо меньше, чем минуту назад в ладонях. Посмотрев на фрукты, Ронга принесла из магазина вазу и поставила вместо чайной корзинки.

— В шкафу еще есть, — сказала она сначала.

А потом уже собралась с духом и призналась:

— Оружие мне бы.

Челюсти дедушки Фэнга задвигались медленно-медленно. Взгляд на внуку он не поднимал. Ронга заметила, что двумя пальцами он сжал попавшийся под руку кумкват, и ноготь на указательном пальце, длинный, толстый и острый, прошил маленький фрукт насквозь, выступив над пальцем большим. Пугающий был ноготь. И дедушка такой же.

Вспышками приходили воспоминания, пока Ронга ждала его реакции.

Вот он, с все теми же кумкватами на сложенных локтях, прижатых к груди, мелкими шагами — не уронить бы! — шаркая тапочками, бежит к И Дин Хо по пустому тротуару. В жарком летнем мареве и солнечных лучах он поразительно бодр и ужасно счастлив, радостное хихиканье и мальчишеская улыбка не вяжется с глубокими морщинами и полуседыми волосами. Украл у Ондзин из корзины, отвернулась старая — а он хватъ, сколько в руки влезло, и припустил домой. «Ронги! — хохочет он на бегу. — Ронги-и-и! Спасай, родненькая! Заберет меня старая ведьма!». Тетушка кричит что-то ему вслед, а он смеется еще громче и еще радостнее и высыпает добычу на лавку перед Ронгой. Рубаха у него в соке от смятых кумкватов, в ноздри бьет свежий и сладкий запах...

И вот он в закрытом магазине, в тусклом свете лампы рисует киноварью на крохотных свитках письмом духов, стремительным коу-шу, проклятья и хулы столь страшные и грязные, чтобы проняли даже самых злобных тварей любого из миров. «Коу-шу от духов, — объясняет он, — от монстров, призраков и чудовищ, таящихся на границе взгляда». Ронге не страшно, но ей мерещатся чужие лица, она заставляет себя смотреть. За кистью бегут тени. В следующий раз, если явится перед нею мертвый пес, она должна знать, что делать. «Иглы И-Шиань, чтобы найти демонов, гвоздь Мо-Цзун, чтобы подчинить мертвеца, метелка А-Чин, чтобы прогнать призрака», — он говорит и перечисляет очень долго, но людей в его списке нет, как нет и орудий против них. Хотя люди как он, несомненно, умеют убивать других людей.

Дедушка Фэнг поднял на нее взгляд. Ничего в нем не было от того дедушки, который, как мальчишка, таскал фрукты из соседского сада.

— И на кого же ты собралась? — спросил он наконец.

«На редкую тварь, смерть во плоти, — собиралась сказать Ронга. — На чудовище страшнее Поедателя Солнца и подлее Отступницы-Эрмы». Так она хотела начать рассказ о Суджан Воне, главаре «Красного песка». Пусть она по развешиванию лапши не мировой чемпион, но дедушка ее, по крайней мере, выслушал бы. Но не успела она и рта раскрыть, как заскрипела столешница под длинным ногтем, оставляющим на старых досках черты.

«Ноготь Жу-И, — вспомнила Ронга, — в память о степной ведьме Ассyme».

Тот темный вечер из детства, один из первых подобных, с описанием почерков и слов, игл и гвоздей... Ноготь в цунь длиной, острый, чуть загибающийся, толще и крепче остальных, заставляет дедушкины руки выглядеть пугающе и самую чуточку манерно — из-за ногтя он не может сложить кулак, так что указательный палец всегда немного отставлен, указывает вниз. У дедушки есть страшный ноготь, у тетушки Ондзин, у дяди Тухтырбека...

«Ноготь Жу-И, — повторяет про себя Ронга, — чтобы предрекать».

Дедушка Фэнг возрился на иероглиф в следах кумкватового сока. Ронга прочитала его еще до того, как легла последняя черта, и тут же догадалась о реакции дедушки, и тут же вскочила на стол, а с него, через перегородку, в магазинчик и к двери. Благо, не успели закрыть, надеясь на последних вечерних покупателей.

Дедушка бегал быстро, но скакать через перегородки все же не мог да вдобавок занят

был криком и руганью. У самых дверей в спину Ронге прилетела ваза с кумкватами — брошенная с такой силой, что Ронга чуть не влетела носом в асфальт через дверной проем.

— «Человека»! — кричал дедушка Фэнг. — Вырастил волка на свою голову! «Человека»! Я кого растил? Я кого воспитал?! Змею, осу, пиранью?!

Странно, но Ронге совсем не хотелось обижаться на дедушкину злость. Если б она в чем-то сомневалась, то обиделась бы — не из-за криков, а из-за собственной глупости. Ишь что удумала, дура!..

— Ишь что удумала, дура! — Дедушка Фэнг стоял в дверях И Дин Хо, в бессилии сжимая кулаки.

Ронга молчала в ответ, с противоположной стороны улицы, достаточно широкой, чтобы очередная ваза, если что, до Ронги не долетела. Так они стояли минуты три, дедушка сначала осыпал ее отборной бранью, потом замолчал, тяжело дыша и глядя на внучку с отчаяньем. Сгорбился и помотал головой.

— Ой, дура-а-а... — протянул он жалобно.

Вдалеке послышалось поскрипывание и стук палки. Ронга осторожно приблизилась к дедушке, намереваясь отвести того в дом и уже там, тихонько, продолжить объяснения. Дедушка едва слышно повторял — «дура».

У тетушки Ондзин был прекрасный слух. И Ронгу она всегда баловала.

— Ты, старый, — вместе со скрипом и стуком послышался высокий, визгливый слегка голос, — сам дуру воспитал, если помнишь. Так ты у нас, выходит, кто?

Тетушка Ондзин приблизилась, запыхавшись.

— Дурень, — покорно мотнул головой дедушка Фэнг.

Услышав, как он согласился с соседкой, Ронга и впрямь испугалась за его состояние. Тетушка Ондзин тоже нахмурилась. В руках она почему-то держала разделочную доску, мокрую и пахнущую луком.

— Дурень, — повторил дедушка Фэнг и поднял голову. — Только тебе, каракатица, нечего тут стоять и рот разевать. Без тебя тошно!

Резко кивнув Ронге — пошли, мол, — дедушка Фэнг стремительно вернулся в магазинчик. Тетушка Ондзин проследовала за ним, степенно подобрав полу домашнего халата, которую вовсе не нужно было подбирать, чтобы спокойно ходить и даже бегать. Осколки вазы и рассыпанные по полу кумкваты она окинула обеспокоенным взглядом.

Ронга подождала немного, переводя дыхание. Когда прошла внутрь и прикрыла дверь, дедушка уже показывал тетушке Ондзин свой иероглиф.

— Ну, видишь? Видишь, чего девка удумала?

Тетушка Ондзин была растрепанная и неприбранная, в домашнем халате — байковом, зеленом, в розовые розы — и скрипучих резиновых тапках, с землею под ступнями. Видавшей виды тростью она почесала спину и повернула к Ронге свою толстую бульдожью голову в облаке седых волос. Дедушка Фэнг, благодаря сухой фигуре, старомодно собранным на затылке волосам и аккуратности в одежде, еще мог сойти за какого-нибудь мудрого мага, духовидца и прочая, какими их обычно представляют. Тетушка Ондзин же выглядела как средоточие всех пожилых соседок мира — одиноких, сварливых и немного безумных, способных только смотреть телевизор, кормить кошек и ругать молодежь.

Впечатление было ужасно обманчивым.

— Вижу, — медленно произнесла тетушка Ондзин, глядя на по-прежнему молчащую Ронгу. — Вижу, что девочка уже все решила, так что кричи не кричи... Да и я, по-твоему,

зачем в эту дыру явилась?

Она щелкнула длинным ногтем и предъявила доску — двумя руками протянула, как важный документ. Дедушка Фэнг нахмурился и фыркнул. Это значило, что слов у него не хватает, и случалось такое раз в десять лет, не чаще.

Тетушка Ондзин неспешно вышла из-за перегородки, прихватив со стола паровую булочку. Крепкие узловатые пальцы в остатках маникюра разломали булочку пополам, и первая половина тут же исчезла во рту тетушки.

— Прочитала у себя, — прожевав, сказала она, — прямо на доске разделочной, где вот этими вот руками лук рубила. Прочитала — «человек». И еще — «меч». Прочитала — а тут и вопли от соседей на всю улицу.

Ронга с надеждой уставилась на старуху.

— Меч? — переспросил дедушка Фэнг. — Мечи у меня есть, конечно, да только Ронга их в руках ни разу не держала. И не подержит! — прикрикнул он, заметив, что внучка открыла рот. — Предсказание предсказанием — вот пусть и сбывается. Как-нибудь. Без меня.

Тетушка Ондзин посмотрела на него, как на безнадежного идиота, щипая оставшуюся половинку булочки. «Меч» — это, конечно, звучало глупо. Но в паре случаев «меч» можно читать как «острое», а то и как «оружие».

— Как тебе в голову это вообще пришло? — в голосе дедушки Фэнга опять задрожали слезы. — Как вот в эту вот больную-то голову!..

— Призраку обещала, — соврала Ронга. Кенхе дела не было до убийцы. Но если б Ронга начала говорить про мафию, то пришлось бы рассказывать и про «Лилии». — Он... монстр, дедушка. Он хуже монстра.

Демон, может. Из тех, что в бездне варят суп из мертвецов. Варят и хохочут, топчут тянущиеся руки, давят головы... Дедушка про таких рассказывал, где-то между байками об утопленниках, душащих жертв волосами, и легендой о Поедателе Солнца.

Дедушка хотел что-то ответить, но тетушка Ондзин шикнула, взяла его под локоть и увела на кухню, тихо успокаивая. Такое безмятежное поведение вместо ругани друг на друга просто выбивало из колеи.

Тетушка Ондзин ушла спустя двадцать минут, кивнув Ронге на прощанье. На дедушку было страшно смотреть. Ронга стала собирать кумкваты и осколки вазы. Не хочет помогать — не надо. Главное, что не гонит из дома.

— Хоть бы сделала вид, что тебе трудно.

«Я и впрямь зверь, раз не переживаю сейчас? — подумала Ронга. — Не пытаюсь уговорить, объяснить, рассказать все что видела?». Она замерла на миг, потом потянулась за кумкватом, закатившимся под тумбочку рядом с дверью.

Не дождавшись мук совести, дедушка Фэнг спросил едва слышно:

— Шенву тебе было мало, да?...

Это был удар под дых.

Ронга догадывалась, что дедушка все понял по изменившемуся поведению внучки еще тогда, много лет назад. К тому же, он мог услышать, что часто в Духов день, в запертой комнате, Ронга говорит с одним и тем же человеком.

Но она никак не ожидала, что дедушка ударит ее этим.

Больно-больно.

Все так же согнувшись на коленях перед тумбочкой и протянув руку, Ронга оцепенела.

Скосила глаза на льняные тапки, на тяжелые шаги, удаляющиеся от нее к лестнице. Бессмысленно подождала, что бабушка остановится или вернется. Сглотнула сухим горлом, вспомнила как дышать и вытатила, наконец, из-под тумбочки этот проклятый кумкват. Сок и мякоть поползли по руке. Правильно, что она не успела рассказать бабушке все остальное. Не проболталась про «Лилии» и первую встречу с человеком, которого она хотела убить.

Он бы ударил ее и этими воспоминаниями, если бы мог.

Ронга легла на пол, прижав руки к животу, подтянув колени к груди, и беззвучно закричала. И кричала, пока уголки губ не потрескались.

...Бабочка Дзю кричала как-то так — широко распахнув рот, но не издавая ни звука. Сначала ее было слышно, и мадам Чен, с вежливым недоумением на лице, стучала в дверь. Когда крик оборвался, недоумение сменилось ужасом, и мадам Чен открыла дверь своими ключами.

Ронга и еще пара девушек ждали за ее спиной. Человек в черном костюме фамиллярно оперся о плечо мадам Чен и спокойным наглым тоном попросил лучше воспитывать служанок, а также подогнать им еще парочку. «А шлюхи?... Нет-нет, шлюх мы не тронули, как вы и говорили...»

На миг показалось, что вот-вот мадам Чен сбросит его руку и железным голосом прикажет сучьим детям убираться, как бывало не раз с нарушающими правила «Лилий». Но мадам Чен пошатнулась под тяжестью этой руки, ее взгляд метнулся за спину черного костюма, плечи дрогнули. Выражение лица вновь сменилось — на этот раз медленно и мучительно. Чудовищным усилием мадам Чен вернула себе хладнокровие. Не глядя, она вцепилась в плечо Ронги и подтащила ее ближе.

— Приберись хорошо, — сказала мадам Чен.

Ронга, которая с восьми лет не боялась ничего, подумала, что, наверное, за сегодняшнюю смену получит больше, и прошла в купальни.

Нет, ее не испугала Енджи в стандартной белой форме и красных пятнах. Не испугалс ее исчезнувшее лицо и ползущая по кафелю красно-розовая каша вместо него. Не испугала трясущаяся бабочка Дзю с трещинами в уголках губ и безумным взглядом. Не испугал даже нож, нацеленный на глаз Ронги в прорези маски.

Запомнился? Несомненно. Но все еще не было ничего страшнее Шенву, прижимающего руки к распоротому животу.

И Суджан Вон — демон, тварь, монстр — каким-то образом это понял.

— Пискнешь, мышка, — сказал телохранитель в черном костюме, — закончишь, как она.

Стало ясно, почему замолчала бабочка Дзю. Вряд ли она понимала, впрочем, что до сих пор сидит с широко распахнутым ртом и вопль, ее беззвучный вопль, резонирует от кафельных стен. Одной рукой телохранитель указывал на Енджи, другой приближал к глазу Ронги лезвие ножа. Ронга попыталась не фокусироваться на нем и не моргать, но не получалось. Из ступора ее вывел голос, похожий на шипение змеи.

— Ты сейчас порежешь ей ресницы. Не трогай.

Суджан Вон неслышно подошел, встал рядом с телохранителем и склонил голову к плечу, с нездоровым интересом разглядывая единственное, что давала разглядеть маска, — глаза.

— Такие длинные, — он легко похлопал телохранителя по руке. — Не трогай.

С полотенцем, обмотанным вокруг пояса, он выглядел даже немного беззащитно, как и

любой почти голый человек. Из-за татуировки — красных точек, покрывающих плечи, — казался больным, в сыпи. Абсолютно обычным был Суджан Вон. С приятной внешностью молодого клерка. Ронга видела его раньше в «Лилиях» — когда он еще не был главным в своей банде. Аккуратная короткая стрижка, чистая кожа, спокойное выражение лица и вежливая улыбка... Разве что глаза иногда подозрительно вспыхивали, но Ронга всегда списывала это на неровный свет.

Как оказалось, свет тут был не причем.

У абсолютно обычного человека Суджан Вон был взгляд фанатика. И ни намек на воздействие наркотиков, которыми «Красный песок» торговал.

Ронга не сразу смогла оторвать взгляд от лезвия и наконец-то осмотреться. Кроме телохранителя, главаря, бабочки Дзю и мертвой Енджи в купальных было всего пятеро, все в одном небольшом бассейне, имитирующем горячий источник, в облаках пара. Двое, судя по тому, как они жались к стенам, были совсем не из банды.

— Разрешите протереть пол.

Телохранитель, обменявшись взглядами с главарем, кивнул и приглашающе повел рукой. Хорошо...

Она не пискнет, и бабочка Дзю по-прежнему будет беззвучно кричать, но все-таки сделает всю полагающуюся работу. А потом они покинут этот зал, и мадам Чен заплатит им двойную, а то и тройную цену.

Все хорошо.

Ронга бросила в сторону бабочки Дзю взгляд, и Суджан Вон это мгновенно заметил.

— Чего ты дрожишь, дорогая? Разве мы были невежливы?...

Он поднял ее за плечи и, приобняв, осторожно повел к бассейну. У бортика его вежливость закончилась, и он просто толкнул бабочку Дзю в воду. Взвизгнув, под хохот трех бандитов и испуганное молчание двух других, бабочка Дзю рухнула, подняв тучу брызг.

«Молчи! — мысленно шептала Ронга. — Просто заткнись и работай как обычно!»

Бабочка Дзю, поймав ее взгляд, натянуто улыбнулась и прильнула к груди ближайшего мужчины.

— Эй! К этим двум! — Суджан Вон указал на жертв. — Мы же не негодяи, чтобы лишать таких прекрасных здоровых мужчин последних радостей в жизни.

Ронга принялась мыть пол.

«Все могло быть хуже. Все будет хуже, если дать хоть повод думать, что происходящее тебя волнует».

— Шлюха всего одна, а этих мудаков двое. — Змея снова зашипела. — Насчет служанок мадам Чен предупреждала, но... что если девчонки потрахаются, а вы просто подрочите? Всем будет интереснее.

«Я берег, но разольется река — стану дном».

Ронга аккуратно поставила швабру у стены, подтащила ведро и, чувствуя на себе похабные взгляды, стала убирать с пола то, что осталось от лица Енджи. Руками.

Это сработало — кто-то выругался и предположил, что Ронга безумна. Бандиты потеряли к ней интерес.

Но главарь — он был другим.

Весело рассмеявшись — ну просто обаятельный юноша из соседнего дома! — Суджан Вон притопнул ногой и сказал:

— Ладно, я что-то мерзну. Красавица, где тут у вас термостат?

Термостаты и трубы теплообменника располагались на стене, сложной конструкцией в нише, скрытой деревянными ставнями в рисунках стиля «цветы и птицы». Обычно температуру регулировала, по просьбе посетителей, служанка. Ронга маленькими, быстрыми шажками, склонив голову — все как положено слугам в «Лилиях»! — прошла к нише и отодвинула ставни.

— Сделай воду погорячее.

Она заподозрила неладное, когда бандиты бодро повыскакивали из бассейна.

— Еще горячее.

Бабочка Дзю беспомощно оглянулась на нее из воды. Ее кожа заметно покраснела. На лицах двух мужчин читался ужас.

— Еще, — сказал Суджан Вон, — горячее.

«Дзю», — одними губами сказала Ронга под маской.

Улетай, бабочка.

Улетай.

И снова он как будто увидел невидимое. Колдун, монстр, чудовище!..

— Горячее.

Он подошел и пальцем подцепил ее маску снизу. Потянул вверх.

Ронге показалось, будто с нее снимают кожу.

— Не получится горячее. — Пальцы непроизвольно вцепились в гипсовый подбородок. — Он не рассчитан на столько.

— Это имитация натурального источника, верно? В горячих источниках Иньцы, — он улыбнулся, — можно варить мясо. Побывай там как-нибудь, обязательно... Горячее.

Он смотрел спокойно и выжидательно, немного склонив голову вперед и не моргая. Бабочка Дзю, тихонько всхлипывая и содрогаясь всем телом, глядела с неверием и страхом. Бандиты — с насмешкой. Двое мужчин, истекающих потом, — с мольбой.

...Все взгляды мира
были
обращены к ней.
Все взгляды мира

Ронга сдвинула рычаг еще на несколько миллиметров вправо, отмеряя температуру подогрева. Один из мужчин, не выдержав, попытался выскочить из кипятка, один из гангстеров спихнул его обратно пинком в голову. Второй стоял, прижавшись спиной к кафельной стене, вбирая остатки хоть какой-то прохлады.

Вероятно, он думал, что Суджан Вон отпустит их, наигравшись.

«Дзю», — губы болели от невозможности позвать ее.

Еще один миллиметр спустя Дзю не выдержала и, скуля, вскарабкалась на бортик, упираясь дрожащими руками. Там упала, пытаясь прижаться к каменному полу всем телом сразу. Стала кататься и рыдать.

— Заткнись.

Она его не слышала, в шоке от боли и в эйфории от того, что ее не убили. Тогда телохранитель поднял ее за волосы и с размаху ударил по щеке. Голова Дзю отлетела далеко

назад, увлекая за собой тело. Со стороны Ронги, в шести шагах, упавшая Дзю казалась куклой. Она застыла там, только осторожно, медленно подтянула колени к груди. Ее спина была цвета свежего куриного мяса.

— Ну, — негромко сказал Суджан Вон, — теперь тебя ничто не держит.

Пожалуй, он действительно считал, что Ронгу останавливает только бабочка Дзю.

...Пожалуй, так и было?...

Ронга никогда не встречала этих людей раньше.

И ей жутко, дико, до тошноты хотелось быстрее покончить со всем этим.

Под фанатичным, восторженным взглядом она вывернула температуру на максимум.

В ту же секунду, не давая Ронге избежать зрелища, Суджан Вон развернул ее лицом к бассейну. Сам встал за спиной, сдавив ладонью шею, чтобы Ронга не опустила голову.

Оба мужчины закричали и попытались вылезти, но подручные Суджан Вона действовали быстрее. Скрученные полотенца удавками легли на шеи жертв.

Ронга попыталась зажмуриться, но тут же над ухом раздалось шипение:

— Закроешь глаза — и я их вырежу.

И она смотрела.

И слушала.

Хрип, плеск, треск ткани, сиплое дыхание у виска.

Те двое задыхались и варились заживо. Потом — только варились.

Телохранитель пинком отправил к ним тело Енджи. В воздухе начал проступать мясной запах. Все это время Суджан Вон сжимал ее горло, кусал ее плечо, и она чувствовала, как поднимается его член, упираясь ей в поясницу.

Колдун.

Обращающий в монстров.

Обнажающий монстров.

...Скорее, второе.

Зачем врать? Она легко убила их.

Он отпустил Ронгу, когда даже вода перестала плескаться. Быстро, пока он не передумал, но и без паники, чтобы не подстегнуть бешеный нрав, Ронга развязала тесемки широкой рубахи и стащила ее. Миновав кипящий котел, опустила рубаху в воду соседнего бассейна, прохладную по сравнению с воздухом, и набросила ее на бабочку Дзю. Для ее ожогов нужна была проточная вода, но за неимением... Ронга поставила ее на ноги и быстро повела к двери.

«Так выводят людей из пожара», пришло ей в голову, когда двери распахнулись и кожу облизал холодный — ледяной! — воздух.

А потом ее наконец-то стошнило.

— Потрясающее обслуживание, — сказал Суджан Вон позже, уже покидая «Лилии». — Очень послушные служанки.

Мадам Чен действительно заплатила ей больше, но и заставила провожать дорогого гостя, раз уж бабочка Дзю осталась в беспомощности лежать в раздевалке, в окружении подруг.

Так что Ронга низко кланялась, зная, что там в купальнях тело Енджи без лица плавает с телами неизвестных, а демоны нынче действительно варят суп из мертвецов. И совсем не в

мифической бездне.

5. Монетки для мертвецов

«Человек».

Предсказание дедушки Фэнга было безжалостным — мироздание, похоже, искренне считало такую сволочь как Суджан Вон человеком. Иероглифы тетушки Ондзин на забытой — забытой ли? — доске оказались поинтереснее. Ронга так и не рассмотрела их вечером, так что утро началось с листания справочников.

«Человек» тетушки Ондзин значительно отличался от «человека» дедушки Фэнга. Последний был написан самым распространенным иероглифом, ни с чем другим не спутать, все крайне однозначно. Значение первого же сводилось, скорее, к «существу». Форме жизни на земле. При определенном контексте иероглиф мог читаться даже как «растение». Ронга, кем бы ни считал ее дедушка после изъясненного желания убить человека, на подобное не тянула. Суджан Вон?... Возможно, его ноготь Жу-И и посчитал не совсем человеком, но Суджан Вон никак не был связан с мечами. Хотя у бандитов Ронга иногда замечала ножи, кинжалы, прямые мечи «под эпоху Сан», не имеющие к эпохе Сан никакого отношения, и чуть изогнутые широкие мечи хинской пехоты до распространения пороха. Иероглиф обозначает кого-то из его банды? Или совсем другого человека?...

Услышав шаги на лестнице, Ронга побросала в рюкзак пару вчерашних булочек и поспешила на улицу. Объясняться с дедом не хотелось. Раз спускается, то хочет извиниться, а стариковские раскаянья всегда вызывали у Ронги омерзение. Упоминание Шенву было подлым? Да. Заслужила ли она это? Да. Но говорить с дедом сейчас выше ее сил, нужно время.

...Не успела.

— Ронги-и! — окрик прозвучал почти как обычно.

Позвал и замолчал, стоя за ее спиной. Побег сразу превратился в глупую детскую выходку.

— Да все нормально, — повернув голову, поспешно сказала Ронга. — Все хорошо.

Ни слова ни говоря, он бросил ей крохотную бархатную коробочку. Ронга чудом поймала ее и, неловко кивнув, вышла из дома.

Дедушка все-таки не оставил ее без помощи — в коробочке оказалось пять монеток с дыркой посередине. Ритуальные деньги Коруби! Их клали в рот или, нанизав на нитку, вешали на запястья трупов. Конечно, что еще вручить человеку, способному говорить с духами, вместо оружия? Призванным духам и призракам всегда надо платить — можно предметами, можно собой или другими людьми, но вот от любой вещи или любого человека призрак мог отказаться. И только монетки Коруби всегда котировались у потусторонних созданий. Хотя, конечно, это должны были быть правильные монетки, а не простые сувениры, но неправильные дедушка ей и не дал бы.

Что же до самого призыва... Заклинатель должен был быть близок к призываемому, связан с ним при жизни или после смерти, иначе любой ритуал оказывался бесполезен. В Духов день призраки могли появиться по одним им ведомым причинам. Могли никуда не уйти после смерти, и тогда с ними можно было договариваться просто при встрече. Но ни один духовидец не мог так просто взять и вытащить случайных призраков с того света. Точнее, мог, но не выживал после — работа с потусторонними силами всегда договор, а не рабство. На принуждение призраки очень сильно обижались.

Ронга, конечно, вспомнила Хана. Единственный дух, с которым она и впрямь обладала очень сильной связью и которого не хотела бы видеть. Еще была Иджи Хонг Хуань, которую звать не надо, если действовать в «Лилиях», ставших ее посмертным домом... Вот, пожалуй, и все полезные знакомства, которыми Ронга обзавелась за свою жизнь. Духи всегда были лишь духами, не слишком значимыми, и в этом было, что называется, «счастье в миру, беда в войну». Никто из близких не умирал — славно. Но кого теперь звать?...

Однако шагать ей все равно стало гораздо легче.

Обернувшись на ходу, она увидела, как дедушка Фэнг поправляет обереги, и, зажав в кулаке пять монеток Коруби, помахала ему рукой.

Вниз к станции... Ронга ехала в знакомом поезде, и в туннеле духи, как всегда, обнаруживали себя — распахнутыми ртами, криками ужаса, бело-красными лицами. Только теперь, в эту короткую минуту темноты, весь сонм призраков, как голуби на хлебный мякиш, кинулся к Ронге — она достала одну из монет Коруби и подкинула в воздухе.

«Дай».

«Дай, мое».

«Дай, дай».

«Дай».

Действовали монетки. Отлично действовали. Если бы не скорость, с которой поезд миновал место катастрофы, то призраки начали бы умолять или пугать. А в Духов день могли бы и попытаться отобрать силой.

Ронга спрятала монету и обхватила рюкзак, прижимая его к животу. У нее было несколько планов и время, чтобы их обдумать. Но что-то подсказывало ей, что ничего, разумеется, не пойдет так, как она задумала. Из-за все тех же иероглифов, связь которых с реальностью она так и не поняла.

Предсказание тетушки Ондзин начало сбываться, как только Ронга подошла к «Лилиям». Этого человека, застывшего в десяти шагах от входа в бани, «человеком» назвать было очень трудно. Разве что не допуская существование живых мертвецов?... Впрочем, даже не знакомые ни с чем подобным прохожие бросали на его высокую, сутулую фигуру испуганные и брезгливые взгляды. От него несло. Несло потом и грязью. Давно не мытые черные волосы сосульками спускались на спину, панاما с мятыми широкими полями скрывала верхнюю половину лица, джинсы, майка и накинутая на плечи спортивная куртка выглядели так, будто он стирал их песком и полоскал в пыли.

Но дело было не только в странном внешнем виде. Чем-то жутким веяло от него. Чем-то... неполноценным. Бывает так, что люди лишаются рук и ног, но остаются более цельными, чем все кругом. А бывает так, что у человека вырезают кусок души, и он, как ни старайся, никому не покажется нормальным.

Так вот этот мертвец даже не пытался прикинуться живым.

Ронга автоматически поискала взглядом меч. Иероглиф «существо» — вот он, а где оружие?...

В эту же секунду мертвец, будто почувствовав чужой взгляд, развернулся в ее сторону всем телом. Ронге показалось, что под полями панамы сгустилась чернота, но воспринять зловещую ауру незнакомца всерьез она не могла — мертвецов она не боялась, а панاما была слишком дурацкая. Кажется, у тетушки Ондзин была такая, только в цветочек.

Не выдержав, Ронга рассмеялась. Мертвец вскинул голову и отшатнулся, будто его ударили, но разглядеть лицо Ронга не успела — мертвец развернулся и бросился бежать. И

очень быстро, для мертвеца-то!..

Но Ронга тоже отлично бегала да вдобавок неплохо знала район. Только в тупичке у заброшенной прачечной, ждущей перестраивания в часть соседнего супермаркета, приступ нездорового и внезапного азарта отпустил ее. Она слишком полагалась на предсказание. Она слишком увлеклась погоней. Она зря напугала какого-то бомжа и зря подставилась сама, забежав в этот забытый небесами закуток.

— Эй! — Но несмотря на доводы рассудка она решила все-таки поговорить, раз зашла так далеко. — Не бойся.

Она подергала дверь, но дверь была заперта. Куда вскочил мертвец, она не видела, но рассудила, что влез в лишенное стекол окно — спрятаться можно было только в прачечной. Лезть следом она не стала, но заговорила в это окно:

— Слушай, я просто заметила, как ты смотришь на бани. И... если тебе надо помыться, то чуть дальше по улице есть общественные бани, гораздо дешевле «Лилий». И в Мидзине есть ночлежка для бездомных, прямо рядом с главной городской больницей, тебе любой подскажет.

Она покривила душой. Любой бы вряд ли подсказал — не потому что не знал, а потому что незнакомец был жутким типом.

Подождав немного, она вздохнула и добавила:

— А если ты собрался кого-то там убить, то не стой у дверей как истукан. Это выглядит подозрительно.

Она не успела закончить фразу, как раздался шорох и скрип где-то за стеной, сбоку от окна, и через мгновение появившийся напротив Ронги мертвец выбросил вперед длинную жилистую руку.

Ронга отшатнулась. Рука перед ее носом как-то обмякла, расслабилась насколько возможно, оставаясь вытянутой, и несколько секунд повисела так, будто ее владелец раздумывал, куда ее теперь девать. Ронга, не отдавая себе отчета в действиях, быстро коснулась кончиков пальцев, чем заставила руку дрогнуть, а мертвеца быстро убрать ее. Как улитка или моллюск, как черепаха голову, он втянул конечность обратно в оконный проем.

Лицо по-прежнему скрывалось под полями дурацкой панамы.

— Ты и правда, — сказала Ронга медленно, — собрался кого-то убить?... Ты и правда «существо» из предсказания Ондзин?

Она явно вывалила на него слишком много информации в одном последнем предложении. И живой сообразительный человек бы удивился, как минимум. И предпочел бы уйти.

— Я вернусь! — крикнула Ронга в темноту. — Я вернусь, когда найду твой меч!

Даже в темноте заброшенной прачечной, в смоге и пыли сонного утра, она видела, как болезненно, жутко содрогнулся его удаляющийся вглубь здания черный силуэт.

После этой встречи меч оставался лишь вопросом времени, хотя в какой-то момент Ронга и задумалась о множестве переносных значений, в которых иероглиф мог использоваться.

А потом она встретила Его.

Ослепительное Острие.

И во всем мире не было ничего прекраснее Него... И во всем мире не было ужаснее пути, которым она его достала.

Ее смена близилась к концу, когда в «Лилиях» раздался звук небесного гонга и сами

боги, не иначе, заставили Ронгу повернуть голову, отвлекаясь от икебан в холле, и взглянуть на вошедших.

Они были из «Красного песка», шестеро, и в одном из них Ронга узнала телохранителя Суджан Вона. Того, который целился ей в глаз ножом, и ударил бабочку Дзю, когда та вышла из кипящей купальни.

Седьмым был Суджан Вон.

Ронга сразу поняла, что из бань выйдут не все. Гангстеры «Красного песка» обычно заходили в «Лилии» по трое-четверо. Если больше — значит, кто-то из них по какой-то причине должен умереть. Это случалось нечасто, но все же Ронга отметила закономерность — главным образом, потому что мадам Чен обычно отправляла убираться или прислуживать именно ее. Решила, что у нее стальные нервы — те сваренные заживо были самым чудовищным случаем в «Лилиях», а Ронга вынесла его без истерик. По крайней мере, на взгляд мадам Чен. Благо, сами трупы обычно убрали все-таки гангстеры. Возможно, потому что уже не требовалось запугивать мадам Чен и демонстрировать, кто стремительно стал главным в Микуо. Возможно, потому что бандиты все-таки опасались возможного заявления в полицию... Возможно, потому что Суджан Вона обычно с ними не было.

Он появлялся в «Лилиях» довольно часто, но обходился без убийств. Издевательства и пытки, впрочем, сопровождали каждое его появление. Ронга не раз прислуживала во время его визитов, отключившись от всего. Он так и не видел ее лица, и это спасало от лишнего внимания, но все-таки иногда Ронге казалось, что он всегда ее узнает.

Однако сейчас их было больше обычного, и пришли они вместе с главарем... Ронга начала догадываться о том, кто не покинет купальни. Этот телохранитель, он всегда был рядом с Суджан Воном. Наверняка он важен, ценен и превосходно дерется.

Но это недолго занимало ее мысли.

Ронга застыла перед гостями, согнувшись в почтительном поклоне, вместе с другими слугами в холле и, когда телохранитель Суджан Вона проходил мимо, увидела черные лакированные ножны, украшенные медью и рисунком из золотого порошка и мелких камней. Глаза второй законной владелицы магазинчика сувениров и древностей И Дин Хо буквально заболели от созерцания этого шедевра. Смысла ноль, но смотрится отлично — и медь состарена очень уж красиво, и рисунок из порошка выбран изящный. Продать туристам за тройную цену — раз плюнуть!.. А вот человек, более-менее знакомый с историей и оружейным делом старой Хины, смеялся бы долго и заразительно.

Подняв взгляд, Ронга окончательно убедилась — да, смеялся бы. Традиционный меч Западной Жу можно было отличить от обычных однолезвийных легких мечей по кольцу-навершию, а примерное время создания — или имитацию эпохи — распознать по тому, заострен меч на конце или нет. Долгое время Западная Жу была оккупирована Хинской империей, и затупленные мечи, неспособные колоть, обладали символическим значением — показывали, что Западная Жу смирна, спокойна и не собирается атаковать. Так продолжалось, пока великий генерал, имя которого Ронга не помнила, не сверг хинского наместника. Заколел, разумеется. Заточенным накануне мечом.

Мастер по ножнам вывел на них крупными иероглифами имя меча, усугубляя безвкусицу. «Ослепительное Острие» — имя, впрочем, было прекрасным и ясно обозначало эпоху.

И великий генерал, национальный герой и освободитель Западной Жу от хинской оккупации, должно быть, рассыпал громы и молнии у себя на небесах.

Если даже забыть про название, то кольцо-навершие тоже говорило о Жу, да вдобавок фигура в кольце походила на священную цаплю, до сих пор обожаемую в этом маленьком государстве с непростой судьбой. И вот происхождение меча как раз сводило на нет все старания телохранителя выглядеть круто — ножны просто сделали по традициям другого государства. Хины. И, конечно, сделали с расчетом на то, что если владелец будет носить оружие, то как положено, на поясе, так что вот тебе кольца для крепления... Мечи Жу всегда носились только в руке, а в бою воины часто пользовались не только клинком, но и ножнами. Судя по блестящему лаку, телохранитель Суджан Вона ни разу не использовал меч правильно.

Меч явно не заслуживал такого владельца.

Оцепенение, близкое к помешательству, завладело Ронгой. Она как будто вступила на конвейерную ленту или, если быть поэтичнее, позволила течению реки подхватить себя. Она ни секунды не сомневалась, что про этот меч говорила тетушка Ондзин, и ни секунды не сомневалась, что у нее будет шанс им завладеть.

Слуг потребовали не сразу. Сначала зал Семи небес покинули Исинь и Вэйти, бледные и дрожащие, потом мадам Чен подозвала Ронгу.

— Опять, мадам Чен? — Ронга усилием воли заставила себя делать вид, что все как обычно.

— Снова, идиотка! Двойная ставка и не вздумай болтать.

Ее раздражительность говорила о том, что «Красный песок» опять сотворил что-то жуткое... Ну, более жуткое, чем обычное убийство.

«Еще бы, — подумала Ронга, — телохранитель, должно быть, очень почетная должность, и эта свинья Суджан Вон крайне зол».

Ронга прошла в холл перед залом. Одежда валялась как попало, меча не было видно.

Правильно. В прошлый раз телохранитель ведь, полностью собранным, ждал у дверей, пока хозяин наиграется.

В голове это прозвучало очень легко — «в прошлый раз». Как будто ничего особенного не произошло. Ронга не ждала от себя сочувствия или печали, она и ночной истерики уже стыдилась, но все-таки не могла не отметить, как легко ей было перешагнуть через воспоминания. Возможно, где-то в глубине своего холодного сердца она понимала, что придется увидеть что-то страшнее?...

Возможно, ее манил ослепительный свет несчастного клинка.

Как в дерьмовейшем из фильмов ужасов, бассейн был красный-красный. В воздухе висел запах железа. Двое гангстеров уже покидали зал. Суджан Вон с безразличным видом полулежал в меньшей, чистой купальне, на его коленях бессмысленно ерзала Хуанг-Вэй, почти оцепеневшая от страха.

Ронгу он, казалось, не заметил вовсе.

На миг ей пришла в голову безумная мысль выкрутить подогрев воды на максимум.

Потом — ударить его голову о мраморный бортик.

Утопить.

Перерезать горло.

Последняя мысль ее отрезвила. «О чем ты думаешь? Он здесь и он один! А ты не воин, но шаманка!». Нельзя было звать Хана — дух был слишком свиреп и мог заодно разорвать и Хуанг-Вэй, Ронга не могла поручиться, что остановит его вовремя. Но Иджи Хонг Хуань ни за что не тронула бы «кувшинок».

К рукавам слуг «Лилий», с внутренней стороны, пришивались кармашки, как в традиционных хинских костюмах. Сейчас там лежало пять монеток Коруби. Ронга зажала одну в руке.

— Чего уставилась? — голос раздался у нее за спиной.

Потеряла голову настолько, что стояла и пялилась на кровавый бассейн?... Как глупо.

— Мне казалось, тебе не привыкать к подобному.

Суджан Вон успел вылезти и теперь с легким интересом смотрел на нее. Тот безумный фанатичный огонь в его глазах еще не загорелся. Или, возможно, уже потух. Хуанг-Вэй попыталась ускользнуть, но Суджан Вон не глядя протянул руку и схватил ее за волосы. Девушка остановилась как вкопанная. Слова призыва застряли у Ронги в глотке. Она не сомневалась, что даже за несколько секунд Суджан Вон успеет свернуть Хуанг-Вэй шею, если ему что-то не понравится.

— Вы с кем-то перепутали меня, господин, — низко поклонившись, залепетала Ронга, стараясь изменить голос. — Ничтожная слуга впервые прислуживает столь важным гостям.

Пусть он отвлечется. Пусть удивится. Пусть переключит внимание на нее целиком и отпустит Хуанг-Вэй.

Быстрым резким движением он сбил на пол ее маску. Ронга еле сдержала порыв схватить ее, только испуганно попятилась, непрерывно кланяясь.

— Чем недоволен драгоценный гость?...

Хуанг-Вэй вскрикнула — он по-прежнему держал ее за волосы и теперь двинулся вперед за Ронгой. Следующим рывком он дернул ворот ее форменной рубахи с такой силой, что одна из завязок лопнула. Осмотрев оголенное плечо, он нахмурился. Ронга вспомнила, что тогда она уводила бабочку Дзю, накрыв ее своей рубашкой, будучи в одной только майке, — теперь Суджан Вон, видимо, сравнивал фигуры. Ронга притворно задрожала.

Хуанг-Вэй он так и не отпустил. Потеряв к «новенькой» интерес, он улыбнулся и, рассыпаясь в издевательски-слащавых комплиментах, увел ее с собой в холл.

Проводив их взглядом, Ронга подошла к двери и подождала, пока шум за ней не стихнет. Потом, для верности, просунула швабру в дверную ручку, блокируя вход. Сняла сандалии и носки... На большее не хватило.

Кровь стирается быстро. Чтобы форма вновь стала белой, достаточно будет постоять несколько минут под ледяным душем... Это лучше, чем нырять к мертвецам голышом.

В холле оружия не было, те двое унесли с собой только несколько ножей и пистолет, значит, меч все еще с хозяином.

Зажмурившись, Ронга нырнула. Хотелось визжать.

Сразу же ей показалось, будто мертвые руки обхватили ее и потянули вниз, но это была, конечно, только одежда. Ладонь скользнула по чьим-то волосам, от неожиданности Ронга распахнула глаза и увидела, как в алом облаке, все еще истекая кровью из разрезанного горла, несется на нее мертвец с перекошенным от ужаса лицом. Ронга оттолкнула тело локтем, и голова на мягкой, с перебитыми позвонками, шее склонилась на грудь, словно в неизбывной печали. Второму мертвецу, в отличие от первого, такая же искалеченная шея не мешала крутить головой во все стороны и размахивать руками и ногами. Как марионетка, он непрерывно дергался и подпрыгивал, не тревожа воды. Третий кричал без звука, прижавшись к стенке бассейна, и рот его распахивался шире и шире, продолжаясь рваными ранами от уголков губ к ушам.

Духи еще не покинули это место, и четвертый...

Ронга обернулась в кровавой воде и складках ткани. За ее вытянутыми руками, белыми рукавами, выросла черная фигура. Телохранитель, как обычно, оставался полностью одет и собран. Его голова стала одним большим куском истерзанного мяса. Пустые глазницы смотрели на нее. Рот, из-за сбитого наискось подбородка и содранной кожи ставший лишь косой щелью в месиве плоти и костей, слегка приоткрылся, рождая признание:

— Мы были как братья.

Прозвучавший в голове голос призрака привел Ронгу в чувство. О, как же горько прозвучал его голос!

«Кусок говна, — подумала Ронга с ожесточением. — Вы были как братья, а он, какой нехороший, взял тебя и убил! Сука. Сраный ублюдок, еще порыдай тут! После того как чуть не убил бедную Дзю!».

Думая так, она ринулась вниз, к телам на дне бассейна и искомому мечу. На радость уже не хватало сил — воздух заканчивался, накатывала паника. Ронга долго, до звона в ушах провозилась с кольцами на ножнах, от злости и мельтешащих рядом духов не сообразив просто вынуть клинок, и, наконец, оттолкнулась ногами от трупа и взлетела, сжимая меч в руках.

Свежий воздух обдал ее лицо и заставил мгновенно похолодеть. Откуда тут сквозняк? Она же запирала дверь!

Дверь оказалась выломана, и Суджан Вон сидел на корточках у бортика бассейна. Он был небрежно одет и держал в руке пистолет. Выражение его лица было... неопишным. Ронга никогда не видела ничего настолько зловещего и одновременно растерянного, восторженного и полного ненависти.

На один короткий миг она подумала о том, чтобы ударить его мечом, скрытым под водой, но тут же отмела эту мысль как невыразимо глупую. С ее навыками она, скорее, убьется сама. Ронга отпустила рукоять, мысленно извинившись перед Ослепительным Острием и одновременно решив, что она совершенно точно сошла с ума, раз говорит с ним.

— Что. Ты. Творишь.

Дуло пистолета указывало точно на ее голову. Нырнуть означало почти наверняка ее лишиться.

— Плыви сюда. Или я выстрелю.

Ронга приблизилась к бортику. Суджан Вон наклонил пистолет так, чтобы он упирался точно ей в лоб. Так они застыли секунд на двадцать.

Ронге на ум наконец-то пришли нужные слова.

— Вы были как братья.

Сказав это, она тут же метнулась вправо, чтобы выстрел, если он будет, ее не задел. Но Суджан Вон даже не заметил ее движения. Он отшатнулся и резко поднялся. Взгляд метался от центра бассейна к Ронге и обратно. Пользуясь его замешательством, Ронга проворно взобралась на бортик и нащарила в слившемся, мокром рукаве кармашек с заветными монетами.

Произнести что-либо она, впрочем, не успела.

Суджан Вон быстро пришел в себя. Его ладонь легла на горло Ронги и сжала так, что мгновенно потемнело в глазах.

— Откуда ты знаешь? Кто ты такая? Насколько конченной надо быть, чтобы нырять к трупам?

Догадавшись, что в такой хватке она просто не может ничего сказать, Суджан Вон немного расслабил пальцы. Ронга захохотала против своей воли, выплескивая все напряжение и ненависть.

— Эт-то т-ты, — с трудом проталкивая слова в ноющем горле, сказала она. — Это ты зовешь меня конченной?!

От неожиданности он только хмыкнул, не найдя слов. Дуло пистолета вновь прижалось к лбу Ронги.

— Что это? — свободной рукой он разжал ее кулак с монетой Коруби.

...И замолчал.

Ронга уже поняла, что ей лучше тоже молчать, давая этому человеку время делать собственные выводы и не выбешивая лишний раз. И еще она поняла, что он ее не убьет. По крайней мере, сейчас. Ведь когда она повторила слова призрака, то впервые увидела страшного колдуна потерянным. Почти что... сожалеющим? Бери да ври, как говорил дедушка Фэнг. Бери да пользуйся чужой бедой, рассказывая о якобы необходимых обрядах и вещах, которые надо купить именно в этой лавке, куда несчастный случайно зашел. Такое состояние было единственным, которым дедушка Фэнг гнушался пользоваться, чтобы впарить побольше ерунды с дальних полок.

— Коруби.

Слово прозвучало так, что Ронга могла бы решить, будто говорит и впрямь человек, а не ядовитая змея.

В следующую секунду монетка звякнула о стены и пол, а Суджан Вон подсек ей ноги и уронил на спину. От боли в затылке мгновенно потекли слезы, Ронга попыталась вырваться, но не смогла — колено надавило на грудь с такой силой, что ей показалось, ребра сейчас выгнутся в другую сторону.

С потрясающей четкостью Ронга поняла, что бесконечно слаба перед подобным человеком, даже со всеми своими монетами, призраками и отсутствием страха.

— Думала, я не понял, что это ты? Что это всегда, каждый раз была ты?! — колено переместилось на ее живот, к горлу подкатила рвота и желчь. — Ты убийца, если помнишь, так перестань смотреть на меня так!

Суджан Вон нависал над ней, сторбившись, напряженный до предела, с вздувшимися на лбу и руках венами. О чем он говорит, Ронга не понимала. Из-за боли она вряд ли могла смотреть осмысленно. Он говорил что-то еще, бесцельно водя дулом пистолета по ее лицу, и она не могла ни вырваться, ни сконцентрироваться и попробовать позвать хоть кого-то.

Иджи Хонг Хуань, почему ты гуляешь по всем баням, но не именно здесь именно сейчас?...

Слабая надежда на то, что призрак отреагирует на ее отчаянье, быстро развеялась. Они не были близки, и в этот день Ронга вовсе ее не видела, чтобы предупредить о своих планах.

— ...Или ты и им клала монетки в рты? — Ее щеки коснулась нить слюны. — В их грязные вареные рты?

Сказав так, Суджан Вон засмеялся, покачиваясь и все сильнее вдавливая пистолет в ее щеку. Отсмеявшись, он убрал колено с ее живота и просто застыл сверху, выжидательно глядя вниз.

— Ваш брат попросил меня об этом, — чувствуя, как внутренности возвращаются в правильное положение, сказала Ронга. — Если не дать мертвецу монетку с собой, то вечно будет он скитаться без провожатого по долинам теней.

Чушь редкая.

— А может, стоило спросить меня сначала?! — не на шутку разозлился Суджан Вон. — Это мой брат, и я решу, что ему делать после смерти!

— В следующий раз я обязательно спрошу, — прошептала Ронга, попытавшись подтянуть руки к груди. Она хотела сделать вид, будто молит о прощении, и попытаться вытащить из рукава другую монету.

— Правда? — Казалось, он и впрямь удивился.

Пистолет стукнулся о ее зубы и, чтобы не лишиться их, Ронге пришлось разжать челюсти. Ствол пистолета скользнул прямо в горло, Ронга попыталась опять, в тысячный раз, дернуться, но даже пошевелиться не смогла. Суджан Вон почти лег на нее, продолжая говорить:

— Раз ты обещаешь в следующий раз позвать меня на свои маленькие ведьминские ритуалы, как я много раз звал тебя, то так и быть — я тебя не убью. Поэтому и еще потому, что он действительно был моим братом. Ты рада?

Он поднялся. Ронга перевернулась на бок, непрерывно кашляя и хрипя. У выломанных дверей он повторил, требовательнее и злее:

— Ты рада?!..

— Очень, — через силу произнесла Ронга. — Спасибо. Я обязательно вас позову.

Она покинула купальни спустя два часа, вновь достав из воды Ослепительное Острие, кое-как убравшись и простояв под ледяным душем, пока не появилась Иджи Хонг Хуань и криком не заставила ее выйти из кабины.

— Иджи Хонг Хуань, — сказала Ронга, не слушая ее взволнованные вопросы. — Там где-то у бассейна с кровью лежит монетка Коруби. Она твоя. Забери ее и в следующий раз, когда придет Суджан Вон, просто будь рядом с ним, пожалуйста. Мне бы очень пригодилась твоя помощь сегодня, но я...

«Но я», «но я», «но я».

Но одна она не выдержит. Уже не выдержала. Чуть не умерла, даже со всеми своими пятью монетами.

Ослепительное Острие пришлось спрятать в холле, вынув доску в шкафчике для одежды, иначе бы Ронга не смогла объяснить его появление мадам Чен. Меч и необходимость его скрыть напомнили Ронге об утре.

О невероятно далеком и прекрасном утре.

— Мой мертвец, — прошептала она, выйдя на улицу.

Теперь он стоял у черного входа. Точно так же, как утром у главного.

— А если ты собрался кого-то там убить... — произнесла Ронга.

«...то не стой у дверей как истукан». Она хотела повторить сказанное утром, но слова сами собой преобразились в горле.

— ...то убей, пожалуйста, Суджан Вона.

Мертвец вздрогнул так, будто его ударили со всей силы.

— Мертвец-мертвец, — не замечая его реакции, продолжила Ронга, обхватив себя за плечи, — я достала твой меч со дна. Со дна моря, из рук мертвецов, как положено в нашей сказке. Ну?! Так ты убьешь его?

Он молчал.

— А, вот еще. Совсем забыла. — Ронга показала ему Коруби, протянула на ладони. — Мертвец-мертвец, хочешь монетку?

— Откуда ты знаешь эту мразь?

Ронга непонимающе уставилась на него. Поразительно складный вопрос для мертвеца. И поразительно много злобы. Эта злоба за один миг их сроднила, и в голову Ронги стали закрадываться подозрения.

Ну... Может... Может, мертвые все-таки не ходят среди живых, и этот человек совсем не мертв? Дикостью казалось, что в маленьком жутком мире Ронги — ледяной, продрогшей, хриплой Ронги — еще остались живые.

Не бывает такого.

Какие живые, идиотка?

Эй.

Вокруг тебя все давно умерли.

— Мертв...

— Да живой я, живой, — с легким раздражением бросил мертвец.

— Честно? — серьезно спросила Ронга, впервые за последние часы вдруг услышав городской шум вокруг, ощутив ветер на коже и землю под ногами.

— Честно.

Он протянул руку и сжал ее ладонь вокруг монетки. Ронга посмотрела на свой кулак, медленно опустила руку, а потом, не отдавая себе отчета в действиях, шагнула вперед и крепко обняла не-мертвеца.

От него несло грязью, потом, канализацией. Майка на груди пропылилась до последнего волокна. Рядом с ухом Ронги раздавался грохот, сравнимый с шумом несущегося паровоза. У не-мертвеца хватило чуткости не отталкивать сумасшедшую, и одно осознание этого и того, как выглядит все происходящее для него со стороны, заставило Ронгу разрыдаться прямо в этот шум.

6. Демонология

Отмытый мертвец все еще производил это неприятное впечатление — как будто смотришь не на человека, а на его ходячую оболочку — но теперь люди хотя бы не шарахались от него. Ронга отвела его к общественным баням, вручила денег и подождала. Он вышел уже через двадцать минут, чистый, но не испытывающий никакой радости по этому поводу. Он был просто олицетворением апатии, и из-за этого Ронга невольно становилась бодрее — останься она в своем прежнем состоянии, и они едва смогли бы начать диалог.

Минут пять Ронга пыталась выяснить, что взять ему поесть в забегаловке рядом с банями. Она сама после смены и всего пережитого чуть не захлебнулась слюнями от одних только запахов, пусть и были они не самыми приятными, а есть в одиночку перед человеком, который почти наверняка голоден, было бы бессовестно. Однако на ее вопросы он реагировал непонимающим взглядом и пожимал плечами. Невероятно острую курятину — другой в Микуо не готовили — он съел даже не поморщившись, жадно и быстро, но без какого-либо заметного удовольствия.

Словно вспоминая слово, морща лоб и медленно ворочая языком, он только тогда произнес:

— Спасибо.

— Пожалуйста. Хинский тебе не родной?

— Нет. Но я хорошо его знаю.

Судя по правильному произношению, знал он его и правда хорошо. Почему тогда «спасибо» выдавливал, как с ножом у горла?

Лицо под панамой оказалось нестрашным, но и не располагающим — худое и вытянутое, с острым подбородком и скулами, с чистой, но нездорово бледной кожей, с длинным и явно ломаным не раз носом. Темные глаза не выражали ничего, брови навсегда застыли слегка нахмуренными, с едва заметной складкой между ними.

После долгих, очевидно мучительных раздумий, он все-таки назвал свое имя:

— Байчу.

— Так откуда ты, Байчу?

— Западная Жу, — он ответил автоматически и тут же прикусил язык. Складка между бровями стала четче.

— Западная Жу? Здорово! — искренне обрадовалась Ронга, и Байчу вроде бы немного расслабился.

Меч и мертвец — соотечественники! Последние сомнения улетучились. Разве что...

— Ты умеешь драться на мечах? — прямо спросила Ронга.

— Конечно.

Сказано это было как нечто само собой разумеющееся, так спокойно, быстро и уверенно, что Ронга на несколько секунд даже прекратила жевать и удивленно подняла брови. Байчу ответил ничего не выражающим взглядом.

— На традиционных мечах Западной Жу — умеешь? — уточнила Ронга, хотя достаточно было и простого навыка.

Байчу ненадолго задумался. Потом медленно ответил:

— На длинных и коротких умею. — Он показала руками примерную длину. — На двух сразу, если короткие или один короткий, а другой длинный. На очень длинных тоже могу.

На таких. — Он широко развел руками.

— «Для поля», — автоматически добавила Ронга.

Байчу пожал плечами.

— На прямых и кривых. На тех, которые режут одной стороной и двумя. С тупыми концами и с острыми. Которые носят лезвием вверх и лезвием вниз. Которые...

— Этого хватит.

Байчу кивнул.

Почти все другие вопросы Ронги остались без ответа. На некоторые из них Байчу не хотел отвечать, на большинство — просто не мог. Его знания оказались весьма своеобразными. Он говорил и понимал на слух жу, хинский и дивэй, но лексика осталась где-то на уровне младшей школы — на некоторые слова Ронги, специально заговорившей больше и цветистее обычного, он реагировал только непониманием. В принципе, именно этим трем языкам обычно учили детей в состоятельных семьях Западной Жу и Хинсана, но на выходца из состоятельной семьи Байчу походил меньше всего. Ронга предположила сначала, что он бросил школу где-то в младших классах и этим объясняется его скудный словарный запас, но тут выяснилось, что Байчу... не умел писать и читать. Совсем. Даже на уровне младших классов. И знал вряд ли больше пары десятков иероглифов — в основном, тех, которые он видел на улицах и запомнил как картинки, соотнося с местами. Все это выглядело так, будто он просто вырос в среде, где говорили на трех языках, и как губка впитал все что слышал, не обучаясь ничему. Что удивляло еще больше, в собственном невежестве он признался с абсолютнейшим равнодушием.

Он — по крайней мере, по его словам, — мог драться любым мечом, но вопрос о школе боевых искусств поставил его в тупик. На дальнейшие расспросы о богатом боевом опыте Байчу ответил только «дрался», причем с таким каменным лицом, что Ронга сочла за благо остановиться.

Поведение тоже было странным. Немного понаблюдав, Ронга пришла к выводу, что апатия и некоторая заторможенность это не следствие какого-то стресса, как бывало с самой Ронгой, а скорее... привычное состояние? Да, он был грязен и прекрасно понимал, что это плохо, но не испытывал никакого дискомфорта по этому поводу. Был голоден, но не стремился утолить голод, по крайней мере, пока он не становился чудовищным. Ел что попадалось в руки и спал где придется, не пытаясь найти место покомфортнее и еду повкуснее. С первого взгляда Байчу казался даже умственно отсталым и не особо самостоятельным, но... он каким-то образом выследил Суджан Вона и даже пришел к выводу, что именно в «Лилиях» его будет проще всего убить. Несложно было догадаться, что он мстит за кого-то, и это немного пугало — абсолютно не осознавая собственных потребностей, Байчу знал свою цель и держался за нее мертвой хваткой. Следил. Приходил и выжидал каждый день... Безоглядно верил всему, что говорит случайно встреченная им девушка, просто потому что их цели совпадали, а он очень, очень, очень сильно хотел убить Суджан Вона.

— Я маг, — будничным тоном сказала Ронга. — Ночами призываю духов и пляшу с ними под полной луной.

Байчу покивал — мол, хорошо, маг, духи, всякое бывает.

— Ты проведешь меня в бани, когда Суджан Вон будет там?

— Конечно. Просто приходи как обычно, к черному входу. Я подготовлю одежду и маску. Если Суджан Вон придет, ты прикинешься слугой.

И он приходил. Много дней.

...В детстве Ронга кормила так бездомных котят. У черного входа И Дин Хо, тем, что осталось с ужина. Только теперь делилась своим обедом, перед тем как отправиться на станцию и поехать домой.

Наблюдала, как он ест — неловко и быстро, как будто опасаясь, что сейчас отберут, хотя Ронга ни разу не дала повод думать о себе так. Еда так и не вошла у него в привычку, он каждый раз удивлялся, принимая контейнер с рисовыми колобками, бобовыми пирожками или пресными паровыми булочками. Из-за общей заторможенности это удивление было едва заметно, но где-то через неделю Ронга смогла его распознавать — как иероглиф в стремительных «сумасшедших» почерках. Она, в конце концов, превосходно читала любой из них.

После еды Байчу говорил «спасибо», низко кланяясь, протягивал пустой контейнер двумя руками и смотрел, как Ронга убирает посуду в рюкзак. Печально смотрел, непонимающе — точь-в-точь как те котята, которым каждый раз выставляли еды, но никогда не пускали дальше порога. Призраки и кошки редко ладят, а в И Дин Хо призраки бывали часто.

Сходство было таким потрясающим, что однажды Ронга невольно потянулась рукой к его волосам. Она наверняка бы опомнилась и остановилась еще на середине движения, но тогда едва успела его начать — стоило дернуться, немного податься вперед и приподнять руку, как Байчу заметно вздрогнул и вжал голову в плечи. Руки, держащие пластиковый контейнер с жареной рыбой, задрожали, складка на лбу обозначилась четче.

— П-привидение, — от неожиданности Ронга заикнулась и ткнула пальцем за его спину. — Показалось. Хотела позвать.

Байчу какое-то время еще смотрел на ее руки с недоверием и страхом. Что бы ни было в его прошлом, поняла Ронга, вряд ли там с ним обходились хорошо.

На второй день Ронга принесла из дома подходящую одежду — из старой дедушкиной, хранящейся в шкафу только из-за страсти к накопительству. Байчу принял ее, но очень долго соображал, зачем ее ему вручили и почему. В рубашке традиционного хинсанского покроя, с завязками и высоким стоячим воротником, он уже немного походил на слугу в «Лилиях», так что прохожие не удивлялись, замечая его неподалеку. Ронга могла бы поставить правую руку на то, что Байчу уверен — одежду ему выдали именно из-за вопросов маскировки, а не потому что его майка и куртка лоснились от пыли и грязи.

На восьмой день Ронга отыскала свой старый телефон и радостно сказала, что теперь Байчу вовсе нет нужды здесь ждать. Достаточно только время от времени подзаряжать аппарат в соседней забегаловке и быть неподалеку. Байчу снова покивал, но так и продолжил приходить. Ронга поняла, что это из-за еды и немного порадовалась — все-таки так она была точно уверена, что в самый ответственный момент ее воин с сияющим мечом не свалится в голодный обморок.

Она могла бы приносить еду, впрочем. Или оставлять. Необязательно было караулить под дверью... Так она подумала на десятый день и развернулась уже у самой станции, чтобы пойти сообщить Байчу о своем решении. Ей в самом деле не хотелось лишний раз молчать рядом с ним эти десять-пятнадцать минут, постоянно оглядываясь, но и оставлять своего союзника голодным не хотелось тоже.

Это было после дневной смены, и Ронга думала, что застанет его уже спящим все в той же заброшенной прачечной. Она запоздало укорила себя — пусть сейчас тепло, а Байчу

очевидно мог спать и на асфальте, и в луже, она могла бы догадаться и притащить пару одеял!

Но Байчу не спал.

Он листал что-то в ее старом телефоне. Телефону было лет десять, а не пользовалась Ронга им года два — когда нашла, то долго не могла понять, как вообще раньше что-то с ним делала. Экран маленький, изображение зернистое, аж глаз режет, отзыв ужасный. Технологии развивались стремительно — теперь даже нынешний телефон Ронги, тоже довольно старый и очень дешевый, казался чудом техники по сравнению с той моделью. Ронга просмотрела содержимое памяти лишь мельком, не особо заботясь о том, что отдает. У нее никогда не было привычки пользоваться телефоном как электронным блокнотом или фотографировать что-то личное. Там не было фотографий ее или дедушки, только какие-то кадры, сделанные со скуки, — голуби на мусорном баке, трещины в асфальте, яркие апельсины на уличных прилавках, носки ее кроссовок на сидении в ежедневных поездках «Мадара — Мидзин», линии электропередач, цветущие ветки весной, осенние листья, пригоршни снега в ту недавнюю аномально холодную зиму и покрасневшие, как помидор, пальцы на морозе. Всякая подобная ерунда, не несущая никакого смысла или красоты, вдобавок в ужасном качестве.

Ронга долго пыталась вспомнить, что же именно такого интересного она сфотографировала на тот телефон, раз Байчу надолго замирал, положив пальцы на экран.

Ничего не приходило на ум.

Но Ронга догадалась, что, может, не стоит лишать крупниц человеческого присутствия того, кто способен подолгу смотреть на бессмысленные фото. Внимательно смотреть, внимательно и грустно, с какой-то тихой обидой — на подсвеченном экране лице эмоция снова вырисовывалась перед Ронгой, как бледный смазанный иероглиф.

Так смотрят на то, что хотят, но никогда не получают.

Они всегда молчали, потому что весь свой запас красноречия Ронга исчерпала еще в первую встречу и задала все вопросы, которые могла. Сам Байчу не спрашивал ничего. Пару раз он рассказал, что видел рядом с банями людей из «Красного песка», в выходные Ронги между сменами. Один раз после «Спасибо» сказал «Очень вкусно» с такими интонациями, что создавалось впечатление, будто он просто копирует услышанную где-то фразу и до конца не уверен в ее значении. Возможно, так и было. Обычный разговор между ними двумя казался немыслимым и невозможным, они ведь не были друзьями — они были людьми, которые сговорились убить другого человека. Однако впервые с детства — с тех пор как бабушка двойняшек Нуми и Нускры умерла, а Вэй Ляо с соседней улицы вместе с родителями переехал в Лушунь — у Ронги был кто-то, с кем можно видеться в свободное время. Пусть и встречи эти были чудовищно неловкими.

И, спрятанный, ждал своего часа меч Ослепительное Острие.

Однако желание Байчу — вероятно, смутное и неосознанное, как и все его желания, кроме желания убить Суджан Вона — все-таки видеть и ждать Ронгу, а не сидеть где-то с телефоном в руках, рано или поздно должно было сыграть против них. Вина Ронги, что она так и не сумела этого объяснить.

Но, в то же время, у Ронги не получилось жалеть об их совместном молчании, даже когда несколько парней из «Красного песка» втащили полумертвого Байчу в двери «Лилий»...

Мысли в голове Ронги сменялись молниеносно.

Благословляя маску, она склонилась в дежурном поклоне. Смеясь, бандиты представили Байчу мадам Чен как их давнего друга, подвыпившего по случаю встречи, но, конечно, смысл происходящего мгновенно стал понятен всем. У Ронги же в голове билась, угрем извивалась цепь событий.

Они заметили Байчу, очевидно, не впервые, раз сочли слишком подозрительным.

Но не убили на улице — втащили сюда, собираясь повеселиться по привычке.

Они выбрали зал Семи Небес. Тот, где в холле, за доской в шкафчике, прятался меч. И было очевидно, кого пошлет мадам Чен помогать дорогим гостям и их новой жертве.

Какие потрясающие совпадения!

Да, с этими гангстерами не было предводителя, но все равно совпадения означали, что время ждать и молчать прошло, не остается никакого иного пути, кроме как действовать.

Ронга улыбалась под маской, не испытывая ни малейшего трепета.

Она скользнула вслед за гостями мелкими шажками, не выдав собственного нетерпения. Как положено слугам — взгляд опущен, руки спрятаны в рукавах, деревянные сандалии быстро и тихо стучат по плитам... Едва войдя в холл перед купальнями, Ронга так же аккуратно — только в десять раз быстрее! — подошла к нужному шкафчику, выкинула оттуда пиджак и брюки, вытащила заднюю панель и достала меч.

Вокруг рукояти была обмотана золотая цепочка с изящной крохотной подвеской-птичкой. Подарок дяди Тухтырбека Ронге на восемнадцатилетие и единственная ее вещь, которая понравилась Иджи Хонг Хуань настолько, что та сама несколько дней назад явилась спрашивать, где и когда Ронга откопала вкус к красивым украшениям.

«Иджи Хонг Хуань!» — Ронга подбросила вверх к потолку монетку Коруubi. Хватило бы и ее одной, но Ронге нужна была полная уверенность в том, что призрак из всех сил постарается ей отплатить. Не обхитрит и не обманет, даже если она не точно сформулирует приказ. Свою беспомощность — на полу, с дулом пистолета во рту — она помнила слишком хорошо.

Красные одежды мелькнули на границе зрения, красно-золотое облако метнулось вместе с Ронгой к двери в купальне.

— Чего ты хочешь? — прозвенела Иджи Хонг Хуань.

Ронга, скрыв меч рукавами и своим полусогнутым телом, прошла к бассейнам.

Байчу топили весело, с задорным мальчишеским смехом. Он вырывался с яростью, то и дело выныривая и глотая воздух, умудряясь избегать ударов по голове.

На Ронгу внимание обратил только обязательный телохранитель у дверей. Но первее, чем он заметил меч и потянулся к ней, Ронга закричала:

— БАЙЧУ!

На одну секунду бандиты отвлеклись.

Одной секунды ей хватило.

Засвистел, завизжал меч Ослепительное Острие, покидая опостылевшие ножны. Полетел, впитав все блики и отсветы волшебного зала-театра. Упал рукоятью точно в ладонь Байчу, и хрипло закричала священная цапля в кольце-навершие.

Люди вторили ее крику.

Вместе с мечом взлетела монета и золотая цепочка... чтобы тут же исчезнуть в воздухе! Стоило только Ронге договорить на выдохе, обращаясь к Иджи Хонг Хуань:

— Помоги ему!

Дальше Ронга бросилась вперед и влево по полу, мгновенно ставшему мокрым, — такие

волны взвились в крохотном бассейне, где секунду назад еще топили Байчу. Она увернулась от неловкого, растерянного жеста телохранителя. Его навыки вдруг разбились о странную и жуткую картину: вот только что человек бился в воде, полузадушенный, а вот выпрямился в полный рост, и рука его стала длинной и ослепительной, и ярко-белый кончик ее прочертил дугу, и взлетела в воздух, в красном веере капель, отрубленная голова. Вот нечто алое и золотое, со звоном и смехом ударило его по руке, заставляя выронить пистолет, и бросилось в волны, и белые руки в красных рукавах утащили под воду визжащее тело.

Он все-таки опомнился. Примерно вместе с Ронгой. Только если Ронга была заморожена этой картиной, то он ошарашен. Тем не менее, через несколько секунд Ронга уже бросилась бежать. Телохранитель кинулся за ней. Он так и не подобрал свой пистолет — его уже смыло в бассейн — но по-прежнему мог ее убить.

Ронга могла бы выбежать из холла перед залом в общее помещение, к слугам и мадам Чен, но чем больше людей вокруг, тем больше вероятных жертв и ненужных вопросов. По этой же причине она не могла позвать Хана, хотя монетка Коруби вертелась в ее пальцах.

Также, Ронга не могла позволить этому бандиту сбежать. Узнав о произошедшем, Суджан Вон вряд ли сразу попытается достать убийц. Сначала — просто вырежет «Лилии» подчистую. Если узнает, что одной из виновных была его «знакомая» служанка.

Развернувшись к телохранителю, Ронга безотчетно выставила вперед раскрытые ладони с зажатой между пальцев монетой, словно призывая его остановиться. К ее невероятному удивлению, это сработало — он затормозил на миг и даже отшатнулся. Впрочем, быстро понял, что за жестом ничего не последует и шагнул вперед.

— Стой! Если хочешь жить! — выдохнула Ронга первое, что пришло на ум.

Что делать дальше, она не представляла. Хан — не вариант, Иджи Хонг Хуань еще занята — слышался плеск и ее звонкий хохот.

— Кенха.

Имя родилось на губах быстрее мысли в голове.

— Кенха, — повторила Ронга почти жалобно.

Единственная, кого она вспомнила в тот момент. Единственная, кто хотя бы теоретически была связана с Ронгой настолько, чтобы прийти на помощь.

— Кенха...

Она не успела договорить последний слог, как нечто черно-белое, в ручьях воды и брызгах, вылетело в холл, проводя ослепительную косую дугу.

Снизу вверх!..

В следующий миг в оглохшие вдруг уши Ронги уже прорвался шумный выдох фигуры за спиной телохранителя. Лицо того стало удивленным и еще более испуганным, чем раньше, он пошатнулся.

Сверху вниз!..

Байчу завершил движение и второй взмах лег точно в колею первого — телохранитель упал, и на его спине Ронга увидела только одну рану, от плеча до бедра по косой. Кровь мгновенно залила тело и пол.

Повисла тишина, только в купальнях еще раздавался тихий плеск.

— Что ты сказала? — спросил Байчу внезапно и жадно. — Ты назвала имя!

— Знакомый призрак. — Ронга оторвала взгляд от тела и ответила, как будто ничего не произошло. Надо было думать, что делать дальше. — Одолжи-ка меч на минутку.

Он послушался. Ронга перешагнула через тело, подошла к зеркалу рядом со шкафчиками

для одежды и банных принадлежностей, и осторожно коснулась лезвием своего виска. Байчу тут же, с круглыми глазами — что было его самым ярким проявлением эмоций за все время знакомства — остановил ее, но Ронга и не пыталась удержать меч. Хватит небольшого пореза, главное, крови побольше. Подумав, Ронга вытерла красные пальцы об угол тумбы.

— Переоденься в их одежду, — сказала Ронга. — Заверни во что-нибудь меч и уходи отсюда. Если тебя попытаются остановить, то беги. Так будет даже лучше — мне недолго сидеть здесь.

Конечно, вряд ли «кувшинки» будут ее рассматривать и сыпать догадками, но порез все равно слишком мало походил на след удара, а действительно биться головой о стены и углы у Ронги не хватало духу. Так что она нашла в шкафчике кусок пемзы и, сжав зубы, быстрыми и сильными движениями растерла ранку до состояния глубокой кровавой ссадины. Запоздало подумала, что надо было колоть висок, а не резать. Вернулась в купальни и выбросила пемзу в бассейн, на бортике которого с брезгливым видом сидела Иджи Хонг Хуань.

— Ты все-таки поранилась, сестричка? — с преувеличенной заботой проворковала красавица. И тут же залилась злорадным смехом.

Пройдут годы, а может, только месяцы — и она перестанет быть ласковой девой. Жестокость и скука возьмут свое, и нужно будет изгнать милую Иджи Хонг Хуань.

Ронга ничего не ответила, только кивнула и подобрала с пола ножны. Когда она зашла обратно в холл, то Байчу, уже переодетый, заворачивал в чей-то пиджак Ослепительное Острие. На протянутые ножны он взглянул со странным выражением и бросил только:

— Неправильные.

Но все-таки забрал.

Собравшись, он вопросительно взглянул на Ронгу. Она выгребла из чьего-то кошелька горсть мелочи и смятых купюр, вложила в карманы Байчу.

— Иди на станцию, садись на поезд, они там ходят часто. Едь до... Скандзы. Как освобожусь, найду тебя там.

Не то чтобы Ронга думала, что кто-то побежит за ним и успеет впрыгнуть в тот же поезд. Просто это было лишней предосторожностью. Если кто-то узнает, куда он поехал, то пусть это будут Скандзы, на четыре остановки дальше Мадары.

Он кивнул безо всякого выражения и пошел к двери. Ронга посмотрела на труп телохранителя и поняла, что даже если Байчу не вызовет подозрений и никто не попытается его остановить, то лужица крови скоро затечет под дверь и дальше, поэтому на всякий случай легла рядом с тумбой, прислонилась ноющим, горящим виском к холодному кафелю и закрыла глаза.

Кажется, из-за пережитого волнения она и впрямь отрубилась на какое-то время. Тем убедительнее было ее пробуждение на руках испуганных и обрадованных подруг.

Мадам Чен, разогнав «кувшинок», протянула к ней, сидящей на скамейке в раздевалке для персонала, руку. Длинные пальцы безо всякой жалости провели по ее виску. Похолодев, Ронга мигом поняла, что мадам Чен наверняка сомневается в происхождении раны. Ронга несколько секунд смотрела в ее глаза, размышляя, что делать.

Надо обойтись без слез и соплей, это точно. Мадам Чен их ненавидит. Да вдобавок считает, что Ронга невероятно хладнокровна. Значит — признаться, что она ударилась сама, чтобы избежать меча убийцы?...

Ронга не успела додумать, как мадам Чен резко встала и пошла к двери.

— Отправляйся домой. Пусть кто-нибудь тебя проводит, мне не нужны проблемы.

Возможно, уже сегодня новости о случившемся дойдут до Суджан Вона, и уже сегодня кому-то придется объяснять, что произошло. Если Ронга останется здесь, то и допрос пройдет здесь, чего мадам Чен совсем не хотелось.

Никто, разумеется, не интересовался документами или местом жительства работников заведений, подобных «Лилиям», — и как раз из-за этого мадам Чен приказала девочкам проводить ее. Она собиралась дать бандитам ее адрес.

Что ж, прекрасно, значит сегодня ее работа здесь закончится. Во всяком случае, ничего лучше Ронга придумать не смогла.

— Не возвращайся туда, — сказала она Руру, когда они вдвоем покинули «Лилии». Висок Ронга залепила пластырем. — Это не дружеский совет, знаешь, это я прямо говорю — Суджан Вон может растоптать каждого там, когда узнает об убийствах.

— Как будто это так просто. Кое-кому надо содержать сестру.

Руру шла рядом и смотрела строго в землю. Спустя восемнадцать шагов она спросила:

— Это сделала ты?

— Нет. В какой-то мере. Не знаю, как сказать.

Голос Ронги был довольно веселым. Ей и правда хотелось радоваться. Все получилось, так ведь? Байчу был прекрасен, монетки работали, никто не попытался ее задержать. Но на лице Руру застыл только страх и отвращение.

— А как же... призраки?

Они были удивительно похожи внешне, со спины не отличить, но очень разнились по характеру. Вдобавок отношение к сверхъестественному легло между ними пропастью. Руру восхищалась и побаивалась всех этих призраков, духов, божеств и божков. Всего того старого зла, живущего на границе зрения. Ронга же, даже если бы воспитывалась не дедушкой Фэнгом, при встрече с восставшим мертвецом разве что попросила бы того не разбрасывать внутренности и пользоваться одеколоном. Просто такой характер, слишком приземленный, чтобы ставить кого-то выше себя, просто потому что этот кто-то сдох.

— Да-да, — сказала Ронга, схватившись за мысль. — Именно, призраки. Они ведь там остались и прогнать их теперь некому. Так что лучше не возвращайся, Руру. Я... придумаю что-нибудь. Через пару дней, максимум, неделю, все закончится, обещаю. Я вернусь и ты вернешься, и все будет хорошо. Честно.

Руру смерила ее обиженным взглядом. Потом посмотрела по сторонам и себе под ноги.

— Развернись и уходи, — сказала Ронга. — Не хочу, чтобы ты знала, где я живу.

— А если откажусь, то что? — хмыкнула Руру. — На меня натравишь... кого-нибудь?

— Да.

Она бы так не сделала. Но только по той причине, что никого рядом не было. И если бы сделала, то, конечно, не с целью убить или ранить. Но все равно что-то прорезалось в ее голосе, что Руру вздрогнула, кивнула и ушла, оставив ее одну на улице.

Петляя между домов как заяц между деревьев, Ронга добежала до метро, там села в вагон и уехала в другой конец Мидзина, пересела на пригородный поезд и пересекла весь Мидзин заново, чтобы уехать намного западнее нужного, выйти на крохотной станции, снова сесть на поезд и тогда, с двумя пересадками, все-таки вернуться к линии, ведущей через жуткий тоннель, и проехать мимо Мадары в Скандзу.

Несмотря на хаотичные метания, Ронга все равно не выплеснула охватившее ее нервное возбуждение — радость пополам с паникой. Выйдя на остановке, она почти сразу увидела

Байчу и замахала ему рукой.

Скандза был маленьким поселком в пяти-шести ли от перрона, представлявшего собой насыпь с брошенными сверху бетонными плитами, самодельными скамейками и кривой табличкой. Вечером и утром здесь еще можно было застать местных жителей, но сейчас, около пяти часов вечера, станция пустовала. Только Байчу сидел, будто примерзнув к скамейке, иотреагировал не столько на Ронгу, сколько на ее тень, выросшую на плитах.

Он очень медленно поднял голову — от тени к человеку. Так медленно, что Ронга испугалась и огляделась лишний раз, хотя тщательно следила, чтобы никто ее не преследовал. В Скандзе вышла она одна.

— Все в порядке? — спросила она, подбежав. — За тобой не следили?

Байчу долго не мог ответить.

Ронга догадалась — он не верил до конца, что она действительно придет. Только этим можно было объяснить его удивленное выражение лица и внезапную немоту. «Если он при мне расплатится, — подумала она с внезапным недовольством, — это будет дико неловко и в духе всех этих идиотских фильмов про киллеров с чрезвычайно ранимой душой. Хотя с другой стороны, тогда мы будем квиты». Благо, Байчу избавил ее от неловкости и ответил, наконец, на вопрос.

— Да, следил один. Шел почти от бань — он, кажется, был с теми людьми, которые меня поймали, но остался в машине. Здесь вышел вместе со мной и напал, когда увидел, что я никуда не ухожу с перрона. Я хотел избавиться от него раньше, но вокруг всегда были люди.

— И... где он?

Байчу указал пальцем на плиту и для верности топнул ногой пару раз.

— Там.

Сообразив, что он имеет в виду, Ронга прыгнула с перрона с обратной от поселка стороны. Перрон поставили давно и за его состоянием не следили, так что искусственный холм порядком осыпался, а плиты слегка скособочились, угрожая съехать. И теперь в свободном пространстве между насыпью и плитой, тщательно утрамбованный и даже подпертый несколькими камнями, лежал труп. Лицо щекой на земле, в косых солнечных лучах, казалось почти умиротворенным.

Ронга взобралась по насыпи к трупу и пошарила по его карманам. Нашла телефон и с помощью Байчу вскарабкалась обратно. Огляделась — со стороны Скандзы никто не шел, а значит, никто не заметил их возни.

— Не уверена, что Суджан Вон сможет отследить его телефон, но лучше перестраховаться, — сказала она и бодро улыбнулась.

Кажется, она слышала треск рвущихся мышц, когда Байчу попытался улыбнуться в ответ.

Вскоре они снова сели в поезд. На этот раз до Мадары, и где-то на середине пути Ронга вышвырнула разбитый телефон в окно.

По пути она вспомнила, что не может просто так привести в дом постороннего человека. Так что Байчу устроился в одной из многочисленных заброшек полуживой Мадары — ждать, пока Ронга не расскажет все дедушке и не объяснит, что ее сообщнику ужасно надо где-то переждать день-два. Пока они не придумают, как именно действовать дальше.

Дедушка Фэнг, будучи человеком не менее хладнокровным чем внучка, да вдобавок плотно пообщавшись накануне с тетушкой Ондзин, принял новость почти спокойно. Вроде

бы он даже обрадовался, что внучка не одна в этом кошмаре. Но это не помешало ему, как Ронга и ожидала, до глубокого вечера проходить хмурым и молчаливым и, обдумав все, вновь заговорить с внучкой только ближе к полуночи.

— Так это о нем наша старая карга написала на доске? Не очень-то популярный иероглиф, чтобы обозначать человека. — Дедушка Фэнг повторил ее собственные размышления, и Ронга невольно улыбнулась. — Кто он? Человек все-таки? Одержимый, может?

— Вроде не похож. Но странного действительно много. Сам взглянешь? Мы договорились, что он придет утром.

— Хитрова-а-аны, — с тенью насмешки, благодаря которой у Ронги полегчало на сердце, протянул дедушка. — Но на троих все равно не готовь. Может, я его выгоню.

Полночи дедушка Фэнг возился с книгами в лавке и своей комнате, шуршал листами и что-то бормотал себе под нос, попутно выпивая весь запас чая с лавандой. Утром в магазинчике было не продохнуть от чайно-лавандового запаха, а дедушка Фэнг, первым делом выйдя на порог проверить амулеты, сообщил, что хочет рассказать сказку.

Ронга вытащила на лавку у дверей поднос с тремя чашками. Дедушка Фэнг нахмурился и покачал головой, но ничего не сказал насчет лишней посуды.

— Так вот, — он присел и ударил себя по коленям. — Сказка, значит. Для маленьких деток. Девочек, — он кивнул в сторону Ронги и махнул рукой куда-то вниз по улице, — и мальчиков.

Повернув голову, Ронга увидела, что уже бредет вверх по тротуару высокая худая фигура со свертком в руках.

— Было это еще до рождения Хины. Было это, когда землею правили десятки царей. — Дедушка Фэнг принялся говорить, с сомнением глядя на приближающегося Байчу. — И вот в одном царстве случились распри между богатыми торговцами, Ванем и Чжанем.

Ронга хмыкнула. Вань и Чжань фигурировали в доброй половине хинских сказок как вечные противники, строящие друг другу козни. Обычно неудачные. Однако эта история пошла не по канону.

— Вань коварно подставил Чжана в глазах царя. У несчастного отобрали и все товары, и дом, и землю, убили и его, и его сыновей, а вот дочь, красавицу Маян, хотели отдать в наложницы Ваню, очернившему ее отца.

Дедушка сделал страшные глаза. Ронга поддержала, повторив гримасу. Подошедший Байчу посмотрел на них по очереди и открыл рот, но дедушка Фэнг не дал ему ничего сказать.

— Однако девочка оказалась очень гордой, — наставительно подняв палец, сказал он, всем своим видом показывая, как же гордость важна в этой истории и вообще в жизни, — и отказалась даже с места сойти, не то что отправляться в дом подлого Ваня. Приспешники злодея посмеялись над ней, да и оставили в деревеньке, которая теперь принадлежала семье Вань. Оставили — привязав к столбу на площади у колодца да раздев до исподнего. Чтобы примирела. Люди в то мутное время были привыкшие к подобным переменам, не питали сильной любви к предыдущему хозяину, а вид униженной девчонки, которая только вчера, в шелковых одеждах, на смирной лошадке, проезжала мимо гнущих спину крестьян, очень их радовал.

Никто не кормил Маян и не поил, а от выпитых собственных слез жажда становилась все чудовищней. Однако на третью ночь в деревне объявился демон.

Байчу беспомощно оглянулся на Ронгу, словно спрашивая, к чему весь этот старческий бред. Хоть он ничего и не произнес при этом, Ронга шикнула в его сторону.

— ...Рыжая дева с очень молодым голосом, в лисьей маске да с лисьим хвостом, выглядывающим из-под дорогих крашенных халатов, появилась рядом с колодцем. Поднесла воды бедняжке у столба. В сотый раз взмолилась наша Маян о свободе — но в этот раз надежда у нее в груди разгорелась чуть сильнее, ведь дева в лисьей маске была первой, кто поднес ей воды за три дня. Слегка придя в себя, впрочем, Маян испугалась, увидев лисий хвост, который незнакомка ничуть не скрывала, а даже показывала, ведь был он очень пышный и такой густой, мех блестел что золото, всем хвостам хвост!

«Кто ты?» — спросила бедняжка-Маян.

«Демон, — не задумываясь, ответила лисица. — Что, на свободу уже не хочешь, струсил?»

Дедушка Фэнг пересказывал диалог в лицах: складывал брови домиком и прижимал к груди морщинистые руки, когда говорил за Маян, высоким и тонким голосом; демона-лису изображал, уперев руки в бока, сузив и без того узкие глаза и постоянно улыбаясь, меняя тон на откровенно нахальный.

Ронга посмеивалась, зачищая заготовку под амулет куском наждачной бумаги. Вчера ночью дедушка разбросал их везде, в своем таинственном бдении, а она хотела занять чем-то руки. Байчу, все еще ничего не понимая, тем не менее уселся прямо на асфальт, скрестив ноги, и со всем почтением стал слушать дальше.

После традиционных для сказочных сделок препирательств и попыток выяснить настоящую цель демона (что удавалось только национальным героям), а также демонских шуток и поддразниваний, персонажи перешли к делу.

— ...Маян была не самой глупой и отлично понимала, что даже умереть ей здесь не дадут. Отвяжут, вылечат и придумают что похуже, чтобы так отправилась гордая дочь Чжана убажывать самого ненавистного ей на свете человека.

«Выходи за ворота, там сторож спит, — сказала лисица. — У частокола лошадь привязана, там одежда в тюке и чуть-чуть еды. Сразу все не ешь, сразу много не пей, едь медленно, пока не привыкнешь. А что дальше с собой делать будешь — мне без разницы».

Побоялась Маян вслух удивляться — с чего бы это демону ее спасти? Да так спасти, чтоб сторожей усыплять и лошадей приводить?... Только спросила, что теперь должна.

«Полжизни заберу, — подумав, сообщила лисица. — Идет?»

Что оставалось Маян? Хотя бы точные годы не назвала, и на том спасибо.

Так спаслась Маян, и хоть искали ее позже, но без задора — демона в деревне не только она встретила, и не хотелось никому вставать на пути у столь коварных и злобных существ.

Лисицу же в лесу той же ночью догнали. Один очень смелый парень из деревенских — одет как они, говорит так же, разве что рожа хитрая. Сразу видно, что работать не любит и труда всячески избегает, раз даже вот ночью по деревне шлялся вместо крепкого сна и все спасение Маян наблюдал.

«Так ты правда демон?» — спросил дурачок, остановив деловую лисицу.

«А что, не видно?» — разозлилась та и испугалась. Его шагов она совсем не слышала!

Деревенскому парню от дедушки Фэнга достались наивные, широко распахнутые глаза, восторженная улыбка и манерно прижатая к горлу ладонь. Ронга даже подумала, не путает ли он по старости типичный образ «дурень хинский национальный» с «юной милой принцессой».

— ...Хотела лисица прошмыгнуть мимо, да только парень не только смелый, но и ловкий оказался.

«Я и сам хотел ту девчонку отпустить, — признался он, схватив ее за руку. — Очень я люблю таких гордых и упрямых».

«Хотел-хотел, да перехотел, — пробурчала лисица, силясь вырваться. — Поздно, чего тут! Теперь половина ее жизни — моя! А ты руку отпусти, иначе отгрызу!»

«Грызи», — ответил парень.

Лисица, не будь дура, и вцепилась. Парень пальцы не разжал, только захохотал громко, страшно, аж птицы ночные петь перестали от жути. Полилась из прокушенных пальцев кровь темная, вязкая, шепчущая на сто голосов. В ужасе отшатнулась лисица, отплевываясь и пытаясь унять разом зашумевшую голову, заговорившие в ней чужие души.

«Я и впрямь собирался освободить ту девчонку, потому что люблю людей гордых и упрямых. Только мне, так повелось, в людские дела вмешиваться себе дороже. А вот тебе, я посмотрю, ничего не мешает и среди людей вертеться, и демоном прикидываться».

Не заметил он, как успела лисица выхватить из рукава уголек и кое-как, но все-таки накарять на ладони охранный знак.

«А хвост ты свой потеряла, — добавил парень, — еще когда через забор лезла. На вот, заberi».

Ронга скрестила руки на груди, недовольная таким тривиальным финалом, а Байчу так и не сменил выражение лица — на нем по-прежнему красовалось мучительное непонимание. Дедушка Фэнг счел это успехом, так как важно покивал и победно хлопнул в ладони.

— Да-да, вот так-так, именно так... Именно так одна из первых шаманок рода Фэнг, тогда еще не помышлявшая о собственной лавке и оседлой жизни, зато превосходно умеющая носить лисьи хвосты и маски, встретила с первым из демонов, которые с тех пор всегда испытывали к роду Фэнг особый интерес и приятие.

— А что с Маян? — спросила Ронга. — Я думал, сказка про нее... Сбежала и вышла замуж за короля соседней страны, а потом встретила свою спасительницу и осыпала ее дарами?

— А? Что? Нет, Маян стала рыбачкой, а эти двое идиотов всю жизнь прошлялись по земле, дурача народ. Пока прапрапра... родственница не умерла. В тюрьме. За мошенничество. И за... Умерла, в общем.

Дедушка Фэнг решил не разрушать дальше образ лихой прабабки с лисьим хвостом, а вместо этого поднял чашку, отхлебнул немного чая, довольно улыбнулся и сказал уже спокойным деловым тоном:

— Та родственница и выяснила, путем долгих проб, ссор и примирений, как еще можно обнаружить демона. Так что нынешним шаманам и колдунам уже необязательно грызть каждого подозрительного человека, и демонология после ее открытий стала ужасно скучной и нудной наукой. — Он не сдержался и захихикал в чашку с чаем. — Кхм... Так вот. Для начала, можно плеснуть в него содержимым ночного горшка, но городская канализация лишила нас такой прекрасной защиты.

— Дедушка, ты и впрямь...

Ронга новыми глазами посмотрела на Байчу.

— Еще не знаю. Но если я спрошу, он ведь не признается! Ткни его иглой И-Шиань.

Байчу равнодушно протянул руку. Дедушка Фэнг, кажется, расстроился.

— А еще демоны начинают чихать от запаха лаванды. — Он помахал ладонью над

чашкой с чаем, отгоняя пар в сторону Байчу. — Чудовищно чихать, до крови в горле... Мне жаль, — вздохнул он, — действительно жаль. Потому что будь ты проклятым монстром, столь же коварным, сколько живучим, то мне было легче оставить с тобой внучку, которой ты вдруг решил помочь.

Байчу взглянул на него, не поменявшись в лице. Он по-прежнему не встал с асфальта, но следующие действия дедушки Фэнга заставили его едва не упасть назад и быстро подняться, широко распахнув глаза.

В руке дедушки Фэнга закачался амулет — взгляд Байчу заметался от него к двум другим, на балке под козырьком И Дин Хо. Так вот чем еще занимался дедушка ночью, кроме как пил чай и читал про демонов!

Ронга заметила, что имя на деревянной дощечке написано простым хинсанским письмом, которым дедушка даже в быту почти не пользовался. Самая молодая система ему совсем не нравилась, она была слишком далека от привычных вещей, она была... будущим. Его собственное имя было написано письмом старой школы, имя Ронги — отмененным алфавитом Сан, «принадлежащим прошлому и будущему», имя Байчу... Ронге стало тревожно от того, что дедушка Фэнг так просто вписывает его в их привычную жизнь.

Байчу же был едва ли не в ужасе.

Как замороженный, он следил за движениями дедушки Фэнга, завязывающего красные шнурки вокруг балки хитроумными узлами, и его пальцы, вцепившиеся в сверток с мечом, белели до синевы, вены на руках вздувались.

— Вот так-так, — сказал дедушка Фэнг будничным тоном, хотя глаза его будто покрылись стеклом. — Надеюсь, это вас хоть немного уберезет, детки.

— Он решил помочь мне, — медленно произнесла Ронга, — потому что тоже хочет убить Суджан Вона. Этого монстра. Здесь нет ничего настолько... значимого.

«Здесь нет ничего, из-за чего бы стоило практически принимать незнакомца в семью! — хотела крикнуть Ронга. — Что с тобой, чего ты так боишься? Что ты предчувствуешь, раз даже чужака наградил мощным домашним оберегом?!»

Именно тогда Байчу решил заговорить.

— Вероятно, я помог тебе не только поэтому. Точнее, не просто так это был именно я и именно ты, понимаешь? — он перевел дух, не отрывая взгляда от колышущихся на ветру амулетов. — Это имя... Хотел спросить еще вчера, но забыл. Ты назвала имя тогда.

Ронга нахмурилась, восстанавливая в уме вчерашние события. Разве она звала кого-то по имени?...

— Кенха.

Байчу еще немного помолчал, как будто надеясь, что Ронга все поймет и объяснит вместо него.

Ронга и поняла.

Только отказывалась верить.

Просто... Просто она радовалась совпадениям раньше, но теперь совпадения захватили не ее и какого-то странного человека, а ее и ее единственную семью! Судьбы бы не боялись, если бы ее проявления связывались с чем-то хорошим!

— Я знал человека с таким именем, — вздохнул Байчу. — Возможно ли такое, что...

«Нет, — подумала Ронга. — Нет, невозможно, и думать нечего!»

Кенха была из Западной Жу.

Байчу был из Западной Жу.

Кенха болтала о том, как все ее немисливо любили.

Байчу выглядел как человек, которому вырвали сердце.

Нет. Нет-нет-нет-нет, это невозможно!

ЭТО СЛИШКОМ.

Ронга сама не поняла, что поразило ее настолько сильно: что Байчу действительно знал Кенху когда-то и, чего уж тут, и вправду мог мстить именно за нее; или что она, Ронга, столкнулась сначала с убийцей Кенхи, а потом с призраком Кенхи, а потом с возлюбленным — или кем?! — Кенхи, и, как ни крути, а именно с Кенхи-Кенхи-Кенхи начались ее серьезные раздумья о том, чтобы и впрямь убить мафиози, и... Кенха привела ее ко всему этому.

Кенха привела его ко всему этому.

— На могилку сходить не забудьте, — дедушка Фэнг разрушил тяжелое молчание и похлопал внучку по плечу. — И завтракайте, чего встали?

Байчу положил сверток с мечом на скамейку, обхватил чашку двумя руками и выпил горячий чай, не отрывая губ от глиняной кромки, пряча за чашкой лицо как можно дольше. Дедушка тем временем развернул пиджак, ужаснулся ножнам и пообещал подыскать что-то получше, как будто все было нормально, обычно, и привычный мир вовсе не взрывался вокруг них с ошеломительным грохотом.

В завершение всего Байчу поднял взгляд на вывеску И Дин Хо. Медленно пошевелил губами, будто бы он, не умеющий читать, мог разобрать черты и штрихи древнего письма. И все же, посмотрев на вывеску так и эдак, он поднял руку и указал на центральный иероглиф.

— Что все это значит? Я знаю только средний знак. А остальное?

После долгого молчания, пока Байчу недоверчиво переводил взгляд с дедушки на Ронгу и обратно, дедушка Фэнг тихо спросил:

— И что же ты здесь разобрал? Что значит средний иероглиф, по-твоему?

Байчу явно засомневался в своих способностях, но, взглянув вверх еще раз, все же решительно сказал, и слово затрепетало на ветру вместе с домашними амулетами:

— Смерть.

7. Убийца дракона

Жили-были Вань и Чжань. И Вань решил обмануть Чжаня, как водится, но не сумел. И захватить наркерынок Западной Жу, откуда Чжань был родом, у Ваня не вышло. Даже на шажок продвинуться не получилось. Тогда Вань, будучи наполовину хинсанцем, наполовину жу, вернулся к хинсанской семейной ветви, и там уж у него все прекрасно сложилось. Но обиду коварный Вань не забыл. И при случае взял да убил Маян, гордую красавицу, любимую дочь Чжаня, что приехала поглядеть на хинсанские красоты.

Был он злобен, этот Вань, и жесток, и сотни подлых духов шептали в его голове, рассказав, как заставить призрак несчастной девушки страдать и после смерти. Да и само провидение, казалось, встало на его сторону, ведь очень скоро в Хинсане грянула революция и все забыли про родителей Маян, жаждавших справедливости. Да только ничего не забыл благородный рыцарь...

...Даже в голове, голосом дедушки Фэнга, это не становилось похоже на сказку.

Кенха стала жертвой в распрях между двумя гангстерскими группировками. Она, принцесса на подушках с коноплей, мало подходила на роль несчастной красавицы Маян. Хотя бы потому, что главным героиням сказок положено быть добрыми и сострадательными, но Кенха выросла в той среде, где сострадательность воспитывают лишь по отношению к семье. За весь разговор с Ронгой, за всю свою безудержную болтовню, Кенха, какой бы милой она не была, ни словом не обмолвилась ни про наркоторговлю, ни про особое развлечение семьи Гэци.

Может, она и не знала, чем ее отец зарабатывает на жизнь. Может. Но про подпольные бои, где преступные группировки выставляли лучших своих бойцов, она обязана была знать. Ведь именно благодаря ним она познакомилась с Байчу.

Гэци были хорошей семьей, очень богатой и уважаемой. Конечно, они никак не могли обойтись без собственных бойцов. Они обучали их с детства... После короткого и малопонятного рассказа Байчу Ронга собственными силами, прошерстив несколько подозрительных сайтов, восстановила события его жизни и подтвердила, повторила про себя: «Они обучали их с детства». В основном, сирот. Иногда — детей менее удачливых гангстеров, чем-то провинившихся перед боссом. В Западной Жу подобное не было чем-то из ряда вон выходящим — детишек дрессировали как тигров, с разницей только в том, что дрессировщики иногда приказывали животным атаковать других животных. Больше от них ничего не требовалось. Их растили как слуг или рабов, чтобы в голову не закралась даже мысль укунить кормящую руку. Не учили читать и писать, почти не показывали им внешний мир, чтобы как можно меньше мыслей о свободе посещало их головы. Кормили идеями о верности и возвращали благодарность к своим благодетелям... Из многих впоследствии вырастали действительно преданные телохранители. У бойцов вроде Байчу даже был целый ряд поэтических названий — «цепные псы», «королевские тигры», «клинки семьи» и тому подобное. В искусстве Западной Жу это была одна из любимых тем, чрезвычайно романтизированная. Ронга даже могла вспомнить несколько популярных фильмов про «вернейших из воинов». Просто раньше она по умолчанию считала все это простым вымыслом.

Сам Байчу говорил о семье Гэци виноватым голосом — он явно корил себя за то, что сбежал. Сначала просил отпустить его, обещая вернуться, но над его просьбой ожидаемо

посмеялись — если они не смогли найти и наказать виновных в смерти Кенхи, то что бы сделал этот душевный инвалид, умеющий думать только по линии взмаха меча или кулака? ... У Байчу хватило мозгов подслушать разговоры и слухи и задуматься о давнем конфликте Гэци с полукровкой Суджан.

И кто бы мог подумать — Суджан Вон, обосновавшийся в Хине, оказался конченным психопатом, имя которого в Микуо старались не называть лишний раз, так же как имена демонов преисподней или Поедателя Солнца.

Итак, Кенха была прекрасной принцессой, а Байчу ее рыцарем. Полюбившим ее с первого взгляда — это неземное создание, в поисках дорогого папочки заскочившее в тренировочный зал семьи Гэци. Ронга удивлялась — Байчу даже слова «любовь» не знал, однако дальше все, что бы он ни делал, как бы он ни старался, чего бы ни добивался, все было ради нее. Как будто все, чего он был лишен, чего не знал и не понимал, воплотилось в юной беспечной девушке.

И она сияла.

Кенха была старше него на восемь лет, и относилась к будущему «клинку семьи» с любопытством и снисходительной добротой — как к ненужному, но все-таки подобранному с улицы котенку или щенку, счастливому уже от того, что его гладит теплая рука. Его детские клятвы верности веселили Кенху, не подозревавшую, что ребенок может воспринимать это в сотню раз серьезнее, чем она. Позже, после того как Кенха вернулась с долгой учебы в Дивэе, четырнадцатилетний Байчу уже размышлял о себе и небесном создании более здраво — он никто, но он может изменить это; она его не полюбит, но никто не может помешать ему любить ее; он будет защищать ее, конечно, ведь он сильный и умелый, и не зря с первой встречи пытался стать лучше всех только ради того, чтобы младшая Гэци улыбалась, глядя на ринг. Он как раз успел сказать ей все это перед ее поездкой в Хинсан, что милую Кенху очень развеселило.

А потом она пропала, и расследование привело к неутешительным результатам, и Байчу решил стать лучше всех еще раз. Но теперь уже — чтобы отомстить.

Ронга знала, что ему хочется узнать, говорил ли о нем призрак Кенхи. Ронга напрягала память, восстанавливала в голове каждое ее слово и интонацию в тот день, но нет — ничего не указывало, что Байчу для Кенхи значил хоть что-то, кроме еще одного повода порадоваться собственной неотразимости. «Был даже мальчишка один, все клялся, что защитит от любой беды...», голосом, полным самодовольства и искристого хвастовства, — вот и все, чего добился Байчу за годы своей щенячьей влюбленности. Если Кенха вообще говорила тогда о нем, а не о ком-то другом.

Ронга не осуждала ее, конечно, — никто не обязан любить кого-то просто в ответ. Но за Байчу было немного обидно. Они задержались в И Дин Хо на сутки, ночью ему постелили в конце коридора на втором этаже, так как две свободные комнаты дома-магазина оказались заставлены ящиками и завалены разномастным хламом. Когда Ронга проснулась, по привычке рано, она увидела, что Байчу уже аккуратно свернул свой матрас и сидит на стуле у окна, глядя на дорогу к станции вниз. На коленях он держал меч в новых ножнах, ладонь на рукояти.

Он охранял их. Их с дедушкой.

Ронга надеялась, что он хотя бы поспал.

— Она говорила про тебя, — сказала Ронга, стараясь звучать как можно убедительнее. — Ты ведь был единственным подростком среди бойцов в то время? Да,

точно, говорила. Улыбалась. Сказала, что... — Она потеряла лоб в фальшивых раздумьях. — Что-то о том, что ты всегда побеждал, и она ждала твоих боев.

Что еще она могла сказать? Насколько она поняла, Байчу не питал каких-либо иллюзий на свой счет. Что-то более сентиментальное звучало бы неправдоподобно.

— Она вообще много болтала.

Плечи Байчу несколько раз вздрогнули, Ронга с тревогой взглянула в его лицо и выдохнула — он улыбался.

— Да. — Он произнес это запоздало, как будто опомнившись. Как будто не зная что сказать, но считая, что сказать что-то обязательно надо.

«Он старается, — подумала Ронга с жалостью. — Он так старается быть нормальным».

Они ехали в Скандзу, и внутри у Ронги все перекручивалось и сжималось, пульс скакал, пот выступал на лбу и руках. Чтобы заглушить волнение и нетерпение, она и затеяла этот разговор. Байчу перестал скрывать свое прошлое — то ли из-за дедушки Фэнга с домашними амулетами, то ли из-за Ронги с призраком Кенхи. Трудно было понять, верит ли он в судьбу: бездомный, нашедший дом, и один мститель, встретивший другого. Ронга и с собственным мнением насчет провидения не могла определиться.

У нее не получалось отрицать. И ей не хотелось верить.

Потому что вера сразу добавляла пару тонн веса на ее плечи: теперь вы не просто двое людей, спланировавших убийство, теперь вы Орудия Судьбы. Или что-то в таком духе, значительное и возвышенное.

От этого вмешательства высших сил в свою жизнь ей становилось трудно дышать.

— Все в порядке, — сказал Байчу, бросив на нее косой взгляд. — Мы просто убьем его.

За окном мелькали деревья, солнечные пятна скакали по вагону, пассажиры переговаривались, и так же просто, как они, обсуждающие погоду, цены и вчерашние новости, Байчу сказал про убийство.

«Отлично, — подумала Ронга, — теперь меня успокаивает он». Человек, которому пригодился бы врач. Или друг. Или... хоть кто-то. Человек, чье душевное здоровье требует гораздо большего внимания, нежели здоровье Ронги.

— Людей многовато, — пробормотала она, чтобы сойти с темы.

Нечего тут было обсуждать.

Весь прошлый день Ронга прикидывала так и эдак, что же делать. Глупо было надеяться на встречу с Суджан Воном два на одного. Глупо было думать, что с ним не окажется толпы вооруженных головорезов. Еще пару дней назад, до резни в «Лилиях», Ронга могла просто ждать его следующего визита в купальни — четыре, пять, даже шесть отдыхающих охранников не значили бы почти ничего для Байчу с Ослепительным Острием и Иджи Хонг Хуань. В крайнем случае, Ронга позвала бы Хана... Но теперь Суджан Вон знал, что существует кто-то, способный и готовый напасть на него. А они даже примерно не представляли, где его искать.

Поэтому — им нужен был мертвец.

Тот знакомый с перрона Скандзы.

Успокаивая себя мысленно, Ронга повернулась к окну. Погода стремительно портилась, и тучи заволакивали небо. Очень скоро потемнело настолько, что в стекле стало заметно отражение Байчу, сидящего напротив. Сосредоточенное, всегда немного скорбное выражение лица. Ронга понимала, что это лишь специфические черты и привычка хмуриться, но не могла отделаться от ощущения — несмотря на свои спокойные слова, Байчу

не верит в успех.

Она стала жалеть, что утром выпила только две ложки успокоительного.

Ее нервы тихо звенели, когда она и Байчу вышли из поезда.

Люди двигались особенно медленно и особенно тупо: неуклюжий парень сто лет заносил в вагон велосипед; ребенок упирался и орал перед посадкой, заставляя молодую мать краснеть и чуть не плакать; старухи из Скандзы остановились поболтать, как будто не могли этого сделать по дороге к поселку. Ронга терпеливо ждала, пока весь этот бардак прекратится и поезд благополучно покинет перрон.

Серые тучи потяжелели, готовые пролиться дождем, и миру вокруг не хватало резкости.

Наконец, поезд исчез вдалеке, а последние старухи покинули станцию. Ронга посмотрела в их согнутые медленно удаляющиеся спины, потом по сторонам, и резво прыгнула с перрона с обратной от поселка стороны.

Судя по графику, у них было сорок минут, за которые следовало оживить труп, придать ему приличный вид и расспросить о Суджан Воне. Ронга собиралась управиться за пятнадцать.

Все пошло не по плану почти сразу.

Мертвый гангстер вонял, весь в трупных пятнах, мухи уже отложили личинки в его глазах и ноздрях, Ронга едва сдержала рвотные позывы. Она не вытаскивала тело из-под плиты, ей нужно было лишь достать его голову. «Гвоздь Мо-Цзун — чтобы подчинить мертвеца». Накануне дедушка Фэнг наскоро, очень бегло показал Байчу несколько самых популярных среди шаманов символов и вещей. Именно тогда Ронга и додумалась, как можно использовать мертвеца под перроном.

Она как раз аккуратно вбивала длинный гвоздь в его висок, и железный штырь в сложной гравировке исчез в плоти на три четверти, когда Байчу быстро похлопал ее по плечу. Он должен был следить за окружением, и, по правде, бояться им было нечего — очень глухое место, много времени до поезда, почти заброшенный поселок и никому не интересный лесок. Шансы кого-то встретить были малы, крайне малы... Но, тем не менее, он шел.

Со стороны леса, парень в красной куртке. С фотоаппаратом, болтающимся на груди.

— Отвлеки его! — бросила Ронга и только через секунду поняла, кого и о чем просит. Байчу говорил-то так себе, не слишком уверенно, а лгал, должно быть, абсолютно ужасно.

Он скинул с плеч куртку, чтобы хоть как-то прикрыть труп, — бесполезное занятие.

— Я... — Ронга вскочила, не зная, что она сделает. Поднять мертвеца она не успевала. — Я что-нибудь придумаю!

По ее плечам застучали первые капли дождя, они звучали тревожно.

Не может все закончиться, не начавшись! Из-за какого-то проходимца!..

Она собиралась поговорить с ним всего лишь. Выдумать что-то. Заболтать. Она бы могла убедить его, что зловоние и нездоровый цвет кожи — это всего лишь последствия затяжной пьянки их старого друга.

Но он, приблизившись, заметил тело и перепугался, так что бросился бежать, стоило Ронге сделать пару шагов.

Она не могла дать ему уйти!

Как назло, бегал парень отлично, не хуже нее. Совсем свихнувшись от страха, он сорвал с шеи фотоаппарат и понесся еще быстрее. Погода подвела его — дождь хлынул стеной, и парень просто поскользнулся на мокрой траве, не добежав до первых деревьев.

Все поплыло вокруг Ронги — вода застилала глаза. Только его красная куртка выделялась ярким пятном.

Она была как сигнал тревоги.

И он закричал.

— Тихо! — взвизгнула Ронга, упав на колени.

Скользкой от воды ладонью она закрыла ему рот. В ушах стоял звон.

Он укусил ее за руку и попытался вырваться. Ронга ударила его по щеке.

— О-о-он ж-же...

Парень стучал зубами, смотрел круглыми глазами и не мог выговорить толком ни слова.

— Послушай меня. — Ронга пыталась говорить спокойно, но, очевидно, это стоило делать до того, как закрывать ему рот и бить по лицу.

— Он же мертв! — выкрикнул парень. — Мертв!

В его голосе был такой чистый ужас. Такой правильный. Такое идеальное, рафинированное чувство самого обычного человека, вдруг столкнувшегося со злом.

Ронгу это взбесило.

Если бы он понимал!..

Второй удар вышел сильнее и медленнее. За эти пять секунд, пока рука летела к чужому лицу, Ронга успела сотню раз подумать об остановке и отвергнуть эту мысль безо всякой причины.

Просто пусть он замолчит.

Просто пусть он не мешает.

Просто пусть он...

Он вновь стал бороться, Ронга пыталась перехватить его руки и била все чаще и сильнее. Дождь хлестал по ним, земля под телом парня превратилась в месиво травы и грязи.

— Да успокойся! — крикнула Ронга, в очередной раз подняв руку.

В ту же секунду в горло под ее подбородком ткнулось что-то твердое. Не сильно, но ощутимо.

Отрезвляюще.

Байчу держал меч в ножнах, упирая рукоять ей в шею. Его лицо не выражало ничего. Он сказал что-то, неслышное в шуме дождя, но его спокойное присутствие все равно охладило и Ронгу, и парня в красном. Байчу махнул рукой в сторону перрона и повторил уже громче:

— Он очнулся. Очнулся!

Там на бетонных плитах кособоко сидел труп, прикрываясь от дождя курткой Байчу. Он по-прежнему выглядел странно даже издалека, но мертвый не смог бы держать куртку двумя руками над головой, верно?

— Простите, — пробормотала Ронга. — Простите! Я... я подумала... О-он указал на тебя! Сказал, что это ты с ним так!

— Избил его, — пояснил Байчу, помогая парню в красном подняться.

Парень, разобрав слова, решил снова бежать, по всей видимости.

— Фотоаппарат! — воскликнула Ронга, и это его затормозило.

Никогда еще, ни перед одним покупателем, от чьей щедрости зависел их с дедушкой ужин, Ронга не заискивала так рьяно и так искренне, как перед тем бедолагой. Она принесла ему фотоаппарат — благо, зачехленный, он не пострадал от удара, — сунула в руки деньги и со слезами на глазах попросила прощения, порываясь осмотреть пока красные, но уже

медленно синеющие отметины от ударов. «Все этот кретин, перепугал до смерти, перепутал с опухших глаз, а мы сами из мидзинских трущоб, привыкли все решать ударом в рожу, а вы побежали, а мы не знали, а мы...»

Байчу смотрел на этот цирк, не меняясь в лице, но Ронге чудилось справедливое осуждение.

Труп склонил голову на грудь, продолжая укрываться курткой. Если не приглядываться и не принюхиваться, с десяти шагов он сошел бы за обычную пьянь, а подойти ближе парню не дали. Слегка ошавевшего теперь уже от напора раскаивающейся Ронги, его проводили до дороги в поселок и вернулись к мертвецу.

Ронгу трясло, ее бил озноб, руки не слушались. В ушах звенело — словно натянутая струна не прекращает дрожать. С большим трудом Ронга вернулась к тому, зачем они приехали в Скандзу: стерла грязь и личинки с лица трупа, обрызгала одеколоном, надела на него темные очки, дурацкую панаму Байчу и мешковатый свитер, уложенный в рюкзак сегодня утром.

Спросила, где обычно можно найти его хозяина.

При звуке знакомого имени труп шевельнулся самостоятельно, без приказа. Долго смотрел на Ронгу черными стеклами очков, а потом распахнул синий рот. Там, на языке, виднелась монетка Коруби. Голосовые связки уже не работали, Ронга с силой захлопнула обратно его челюсть и подсунула под руку маркер и тетрадь. К дождю добавился ветер, куртка вместо зонта перестала спасать, и корявые черные штрихи расплывались в каплях, едва появляясь под одеревенелой рукой.

Адреса. Один, два, три, четыре. Пятый — «Лилии».

Вот так и должно было все случиться, да? Так просто, так спокойно. Ритуал — адреса.

...Так какого демона ты, ублюдок в красном, приперся именно сегодня именно сюда двадцать минут назад?!..

Ронга вздохнула в сотый раз. Успокоиться не получалось, что-то бурное и горячее до сих пор горело за ее ребрами. От этого хотелось расцарапать кожу и проникнуть туда, в плоть и внутренности, найти это, болезненно жаркое, и сжать в кулаке, заставляя погаснуть.

Она хотела узнать, как у Байчу получилось закончить ритуал с гвоздем Мо-Цзун, но опасалась обращаться к нему лишний раз.

Что бы он ни сказал — все будет правдой.

Да, она избила человека.

Да, она не собиралась останавливаться.

Да, она не чувствовала стыда.

Да, ей понравилось.

Может, что-то сломалось в ее мозгу, когда она поворачивала рычаг подогрева воды в купальнях много месяцев назад. Может, гораздо раньше, ведь не может же человек не бояться ничего, так?

Впервые Ронга подумала, что, вероятно, дедушка Фэнг боялся и злился совсем не из-за того, что внучка собирается подвергнуть себя опасности.

Поток мыслей, безумный и стремительный, прервался с донесшимся сквозь шум дождя свистком электропоезда. Байчу подлез под руку трупа и помог тому дойти до вагона. Чтобы не раздражать пассажиров и не привлекать лишнее внимание, они остались сидеть в тамбуре. Ронга состроила виноватое лицо, когда мимо прошла женщина с холщовой сумкой. Женщина бросила на них брезгливый взгляд и покачала головой.

Убедившись, что все расселись, Ронга приподняла край панама на трупе и немного вытащила гвоздь Мо-Цзун из его виска. Тело как будто даже стало выглядеть живее — мертвец сел с прямой спиной, подобрался, перестал клонить голову низко-низко. Ронга подтянула его колени к груди, потом приподняла тело и заставила то сесть на корточки. Так он еще больше походил на живого.

— Ты пережал чуть-чуть, — пояснила она для Байчу, — с гвоздем.

Тот стоял, поглядывая в окна на дверях тамбура, чтобы предупредить Ронгу о приближающихся людях.

— Чем глубже гвоздь, тем меньше у тела сил и воли действовать самостоятельно. Каждая линия гравировки — это окова. Сдерживает энергию, которую ты вернул в тело. — Ронга помолчала, дожидаясь вопроса или какой иной реакции. — Интересно, кстати, как ты ее вернул?

— Дед рассказывал вчера вечером.

Заговор и восемнадцать точек на теле трупа, которые следовало нажать в строгой последовательности, возвращали телу не дух, но память. Для возвращения духа у Ронги были монетки Коруби — в течение четырех дней после смерти его еще можно было вернуть, используя знакомое ему тело.

— И ты все запомнил?

Бессмысленный вопрос. Очевидно, прекрасно запомнил. Но Ронга не могла молчать. Струна, звенящая внутри ее черепа, звучала громче и пронзительнее в тишине.

Байчу тоже решил, что ее вопрос про ритуал не имеет никакого смысла. И спросил не меньшую глупость:

— Что с тобой?

Ронга замерла с пальцами на шляпке гвоздя Мо-Цзун. Он серьезно?...

Поезд качнуло, Ронга завалилась вбок, потом поднялась и еще раз критически осмотрела труп. Нормальный.

Нормальный, а она не очень.

— Ты же видел, — спокойно сказала Ронга. — Я готова была придушить того парня... Да и почему «была»? — Она нервно рассмеялась.

На лице Байчу отразилось легкое удивление.

Ронга уже успела забыть об этом вопросе, сидя на корточках рядом с мертвецом и вдыхая-выдыхая по внутреннему счету, как Байчу начал говорить. Он полжизни провел среди людей, ревуших и воющих в припадках ярости — одни бросались на него, другие орали ему, призывая убить. Желание убивать, сказал он, есть у каждого, и в этом нет ничего плохого до тех пор, пока ты можешь остановиться.

— Но я не могла, — ответила Ронга.

— Ты не знаешь этого. Я подошел очень рано.

«Я знаю», — подумала Ронга, но ничего вслух не сказала.

— Но да, — продолжил Байчу, прислонившись спиной к двери и глядя ровно перед собой, — я думал, что ты... немного лучше.

Ронга хмыкнула, пытаясь унять внезапную обиду. Ее эмоции до сих пор не могли улечься, любой пустяк ранил до крови, даром, что она сама мысленно крыла себя отборной руганью. Но все-таки — дорогой «клинок семьи», ты, должно быть, каждую добрую к тебе девушку считаешь сияющей звездой, ослепительной и чистой, так?!..

Она с трудом запихала издевательский вопрос обратно в глотку.

— Не смей меня осуждать! — Наконец, сказала Ронга, поднявшись и для верности погрозив Байчу пальцем. Байчу в ответ помотал головой с самым серьезным лицом. — Осуждать себя могу только я. И я прекрасно с этим справляюсь! И еще...

Она потерла виски, переводя взгляд с трупа на Байчу, потом в окно и на собственные носки кроссовок. Ронга не могла не отметить, что во всем произошедшем был один плюс, но озвучивать его было не по себе.

— Теперь я точно знаю, как вести себя с Монстром, — улыбнувшись во весь рот, сказала она. — Потому что я сама...

Она не договорила.

8. Схожесть

Ронга слышала, что «Красный песок» взял свое название благодаря, как часто бывало в Хинсане, старой поэзии. Кровь на песке, косые брызги из ран, летящие капли с лезвия меча, раны и смерти на тренировочных площадках — в таком духе. Но под предводительством Суджан Вона группировка стала производить наркотик с таким же названием, который весьма быстро стал их визитной карточкой. Ронга думала, что кровь, вполне возможно, входит в состав «песка». Это было бы очень в стиле старомодного Микуо, где до сих пор в почете традиционная медицина, замешанная на традиционной же мистификации, — все эти высушенные почки и селезенки, лапки белых кроликов и хвосты черных кошек, крылышки бабочек, стертые в пыль, и прочие обрезки ногтей с рук мертвеца.

Кровь на песке. Асфальт на парковке рядом с заброшенным техцентром был сплошь бурым, отдающим краснотой в косых солнечных лучах. Редкие дожди, включая сегодняшний, не смогли его отмыть.

С самого начала Ронга и Байчу рассматривали, в первую очередь, именно это место — старое здание на окраине Микуо, успевшее побыть фабрикой и складом, но запомнившееся местным именно как техцентр. Он был довольно известным, но одна амбициозная строительная компания выкупила землю и сломала зубы о дурную славу Микуо. В течение последних десяти лет фирма пыталась согласовать свои проекты и продать квартиры в еще не построенных домах, однако люди предпочитали селиться дальше от центра, но зато в современных безопасных районах, а не на этой свалке цивилизации. Попытка сдать землю и здание обратно в аренду бывшему владельцу тоже не увенчалась успехом — прихватив лучшую половину работников, тот уже успел с радостью перебраться на север Мидзина, ближе к пасторальным пригородам и фермам.

Техцентр находился достаточно далеко от жилых районов, был окружен забором из листов жести и являлся, со всех сторон, лучшим местом, чтобы убить кого-то, хоть тихо и спокойно, хоть шумно и хаотично.

В общем-то, именно для этого «Красный песок» и использовал его обычно.

Также здесь часто проходили сделки и переговоры — труп написал так, но Ронга подозревала, что природа этих переговоров не имеет ничего общего с дипломатией.

Рядом с парковкой находился снятый кузов грузовика, от которого несло бензином, гарью и прогорклым жиром. Само здание состояло из блоков с широкими щелями на стыках, в которые забились земля и грязь. Оттуда прорастала трава и выющиеся растения, сейчас, в конце лета, сухие и черные. Окна с левой половины здания, над подъемными дверями и въездом для машин, были выбиты. Справа — забраны решетками, не везде сохранившимися целиком. Вероятно, на правой половине техцентра находился магазин и склад запчастей, об этом же говорили остатки рекламных щитов на фасаде.

Три машины, две черных и одна красная, стояли почти у самых дверей. Ронга не разбиралась в автомобилях, но они выглядели новыми и современными, казались быстрыми и хищными даже в статике. Труп написал пальцем на земле, что на красной ездит только главарь, и Ронге пришлось пару минут унимать собственное взбесившееся сердце.

Тот факт, что Суджан Вон именно сегодня вновь посетил самое идеальное для их плана место, говорил либо о судьбе, либо о невероятной удаче, либо о...

Либо о том, что он их ждет.

— Сколько человек он обычно берет с собой на... переговоры? — спросила Ронга.

Труп написал: «Четыре. Пять».

Пятерым хватит двух машин, даже если главарь будет ехать в своей один, что вряд ли.

Значит, судьбу и удачу отсекаем — много людей здесь сегодня для них и только для них.

Они прятались за снятым кузовом. Ронга подтянула на нос воротник толстовки, чтобы поменьше вдыхать мерзотный запах и чуть приподнялась, разглядывая машины в бинокль. В кабине одной из черных остался человек.

— Я могу пробить стекло, — сказал Байчу, разглядев его в свою очередь.

— Он заметит тебя в зеркало быстрее, чем подойдешь. Поднимет шум.

Байчу промолчал, только немного повернул голову в ее сторону, словно предлагая продолжать. Он сидел на корточках, неспешно и аккуратно избавляя Ослепительное Острие от ткани.

— Пойдет он.

Ронга ткнула пальцем в труп. Труп в ответ взглянул на нее черными стеклами. Мухи роились над ним, несмотря на репеллент и одеколон.

— Иди-иди. Я тебе заплатила, и ты все еще работаешь на меня. — Она ткнула палец перочинным ножиком и кровью обозначила на стеклах очков две точки. — Это будут мои глаза. Иди. Надеюсь, вы там, ребята, просто обожаете друг друга и...

Труп пошел, неловко и медленно ступая деревянными ногами. Ронга прекратила болтать и сосредоточилась на видении. Шаг мертвеца выровнялся, на лице появилась неуверенная улыбка.

Штрихкод в человеческом мире, среди духов кровь — самый большой лжец. Хочешь скрыть призрака, дай ему свою кровь и на какое-то время для сил небесных и демонических он будет человеком. Хочешь управлять одержимым мертвецом — дай ему с собой свою кровь, хотя бы на платке, положенном в карман. Гвоздь Мо-Цзун позволял поднять его, монетка Коруби вернуть дух, кровь же была лучшим способом следить за его действиями, контролировать точно и реагировать на изменчивую ситуацию. Шаману приходилось сидеть в трансе, конечно, но и мертвец двигался почти как живой. Разве что с привычками и повадками шамана, но Ронга не собиралась вести долгие беседы с мафией.

Парень в машине сначала смотрел в боковое зеркало, потом наполовину высунулся из окна. Труп шел спокойно, держа на виду пустые руки, так что он не слишком волновался. С расстояния двадцати шагов, он, видимо, узнал мертвое лицо. Беззлая ругань оборвалась удивленным «Хэнсо?».

«Ну, теперь мы знаем, как тебя зовут, — Ронга ухмыльнулась про себя. — Будь милым, Хэнсо, мальчик».

Однако никакое видимое дружелюбие не задавит этот подсознательный ужас, который вызывает у людей встреча с мертвецом. Неправильно, неестественно, так не должно быть! Мозг пытается подобрать рациональные объяснения, но сердце уже заходится бешеным боем. В толпе не страшно, если не приглядываться к чрезвычайно бледному лицу, потому что толпе не страшно в принципе ничего, но в безлюдной местности, вдалеке от города... Парень вылез из машины, но вскоре попятился обратно к дверце. Одной рукой он выхватил и направил на труп пистолет, другой вытащил телефон из кармана брюк.

И тут в дело вступил Байчу.

Пока труп отвлекал внимание, он спокойно подошел к бандиту с другой стороны. Тот заметил человека с мечом, но не успел даже удивиться — длинное тело Байчу согнулось над

капотом машины, рука вылетела вперед, и Ослепительное Острие ткнуло чужую шею движением вперед-назад, легко и быстро, как игла швейной машинки. Из места укола толчками полилась кровь, бандит хотел закричать, но смог только залить кровью рот и подбородок, руки вцепились в шею. Прежде чем его ноги подкосились, Ронга руками трупа подхватила дергающееся тело и на всякий случай все-таки прижала ладонь к его губам. Байчу посмотрел на мертвеца, сжимающего в объятиях другого мертвеца, и потер потную шею. Из техцентра доносились слабые звуки — чья-то болтовня, редкие всплески смеха.

Подернувшись на мгновение актом насилия, мир вновь стал совсем обычным.

Ронга подбежала и кивнула на распахнутую дверцу машины:

— Сядь. Заводи. Выруливай напрямую к двери. Байчу, отойдем.

Услышав шум мотора, ребята в здании заволновались. Послышались быстрые шаги и удивленные голоса. Этот ход был незапланированным — мысль пришла Ронге в голову при виде машин.

— Попробую выкурить кого-нибудь оттуда, — коротко пояснила она.

Когда шаги раздалась совсем рядом, буквально за стеной, сказала:

— Вперед.

И придержала Байчу за рукав, потому что он явно не понял, что команда относится не к нему.

Труп вдавил в пол педаль газа, машина — действительно мощная и современная, — быстро набрала скорость и влетела в двери техцентра. Один из подбежавших на шум парней кинулся вперед к стене, избегая столкновения. Двое других отшатнулись назад — и они выжили. Автомобиль с надсадным визгом развернулся, чтобы врезаться в стену багажником. Несколько раз. После первого удара бандит еще мог двигаться, хотел броситься в сторону, но просто упал, не в силах быстро реагировать из-за ушибов и переломов. Машина, сминая багажник в гармошку, стучалась и стучалась о стену, будто заевшая заводная игрушка. Оравший поначалу бандит, чьи голени смолотились в пыль под задними колесами, быстро затих.

На несколько секунд двое других мужчин, избежавших удара, застыли. Через глаза трупа Ронга увидела дверь в дальней стене, ведущую на склад, и еще человек десять или больше. Суджан Вона среди них она разглядеть не успела — бандиты резво столпились вокруг него живым щитом.

Как из другого мира, Ронга почувствовала дрожь — Байчу собирался вломиться в техцентр. Она сильнее сжала руку на его локте.

— Пусть... Пусть сначала действует труп.

Ее голос расслышал один из тех двух.

— Он бежит к двери, — Ронга отпустила локоть Байчу.

Боковым зрением трупа она увидела, как раньше воина появляется в проеме его меч. Сам же труп в это время вывалился из машины, немедленно поймав пулю в голову.

Какой хороший бандит! Время не тратит и стреляет так точно!

Если бы голосовые связки работали, то труп бы захохотал. А так только встряхнул головой и бросился к стрелку. По пути споткнулся, но не замедлил бега, оттолкнулся руками и ногами, бросил тело вперед. Бандит не переставал стрелять, быстро пятясь, но мертвеца тормозили не пули, а собственное онемевшее тело. Наконец, в отчаянном рывке, труп схватил свою жертву и рухнул вместе с ней на пол. Ронга хотела поднять труп на ноги, но ног не нашлось. Оглянувшись назад — Хэнсо с хрустом развернул голову на сто восемьдесят

градусов, ломая шею, — она увидела гангстера с окровавленным прямым мечом.

Секундой раньше — и он бы действительно спас своего приятеля.

А так Ронга развернулась обратно, не заботясь о защите уже давно мертвого тела, и попыталась добраться до шеи бандита, за чей пояс до сих пор держал Хэнсо. Не получилось — бандит, оглушительно крича, отбивался руками и ногами, уползая. Понимая, что жертва ускользает прямо из рук и что один человек это еще один шаг на пути к Суджан Вону, Ронга приказала труп кусать. Хэнсо опустил голову, зубами вцепившись куда-то в живот. Ткань рубашки, твердый пресс, скользкая кожа — выдрать кусок мяса удалось не сразу. От визга даже у Ронги заложило уши, так чего говорить о бандитах?

Но они не бежали.

Перед ними разворачивался долбаный зомби-хоррор, но они не бежали!

Ряды перед Суджан Воном немного поредели, несколько человек скользнуло к входу и Байчу. Гангстер с мечом позади Ронги повел себя решительно и хладнокровно — воткнул клинок в шею Хэнсо, прямо под затылком. Вместе с ней он пронзил и живот товарища. На миг заорав ещё громче, пробив воплем небеса и преисподнюю, тот, наконец, затих. Труп, обездвиженный, прижатый к другому телу, тоже замер.

Но не из-за удара.

Просто настоящее тело Ронги рванули куда-то вверх, быстро и жестко, а потом толкнули вниз, к земле. Но прежде чем она упала, в ее руку вцепилась чужая, липкая и горячая рука. Ронгу выбросило из транса — моргнув, она увидела перед собой землю, над головой свистнуло, а в следующее мгновение ее снова дернуло вверх, и лезвие клинка на этот раз прочертило дугу как раз на том месте, где только что была ее шея. Байчу заметил, что у него в руке уже не безвольное тело, и толкнул Ронгу себе за спину. Ее затылок ткнулся между его лопаток. Рука, теперь вывернутая назад и все еще сжатая ладонью Байчу, непроизвольно вцепилась в его рубашку, и только тогда Байчу отпустил ее.

— Так, — сказал он на выдохе, блокируя удар, — стой так.

Ронга бросилась вперед в выпаде вместе с ним, стараясь быстрее и ловчее шевелить ногами.

— Что ты...

— Он хотел... тебя... почти...

Почти убил ее, поняла Ронга. Догадался, что девка без сознания может быть связана с локальным зомби-апокалипсисом, следовал приказу или попросту решил убить на всякий случай? Укорить себя в том, что не додумалась предварительно спрятаться хоть в том же снятом кузове, Ронга не успела — очередной прием вынудил ее почти упасть на колени, спасая Байчу от широкого взмаха, а потом помчаться вперед. Точнее, в ее случае — назад. Спинай вперед.

Или...

Слишком глупо!

Байчу явно мешала ее рука, и вообще поза была неудобной и нелепой, а противник попался как минимум хороший, раз Байчу до сих пор гонялся за ним, в то время как остальные трое валялись в лужах крови.

Бандит, пригвоздивший мертвеца-Хэнсо, появился в дверном проеме.

— Второй!

Благо, он истратил все пули, стреляя в труп. Или и впрямь предпочитал только меч? Мысли в голове Ронги сменялись молниеносно, и одна была глупее другой. Она попробовала

отбежать, но ладонь Байчу мгновенно накрыла ее руку.

— Нет, — тяжело дыша, сказал он.

Байчу стоял лицом к входу, и Ронга не видела то, что видит он там. Но он не шевелился, поэтому она решила, что и противники стоят.

— Их трое. — Голос Байчу был тихий и прерывистый. — И только когда ты рядом, я смогу тебя защитить.

— Дай мне хотя бы развернуться, — быстро сказала Ронга. — Трудно ориентироваться, когда все задом наперед.

— Но мне так легче. — Ронга могла бы поклясться, что его скулы опять сводит той неестественной улыбкой. — Если ты будешь видеть, то будешь думать над движениями, а ты не умеешь драться. Поэтому просто следуй за мной.

— Дай хотя бы...

Она вырвала свою руку из хватки, он не пошевелился, боясь спровоцировать медленно надвигающихся мечников, но его страх Ронга почувствовала как свой.

Это было оглушительно — бояться впервые за долгое время.

— Ронга! — сквозь зубы прошипел Байчу, медленно отступая.

Его рука была в крови, ее ладонь тоже в ней испачкалась, так что Ронга, импровизируя, продлила пальцем красные мазки, рисуя схематичный защитный знак на собственной коже. Им не нужны были такие, строго говоря. Совсем не нужны. Из всех защит у них уже была самая сильная — домашние амулеты дедушки Фэнга.

Но их, очевидно, не хватало?...

Через секунду закончив, Ронга развернулась и прижалась к Байчу, обхватив его туловище обеими руками и уткнувшись лицом в его спину.

— Ронга! — злобно крикнул он.

Она подождала, дав ему отбить чужой удар и отступить вбок, блокируя целую серию атак. И только тогда выдохнула:

— Я закрыла глаза! Я ничего не...

Она не договорила, падая вместе с ним на землю. Затылок пронзило болью, нос, кажется, расквасило о твердую спину, но Ронга не разжала рук и не открыла глаз. Байчу сделал какое-то движение ногами — по крайней мере, Ронга не чувствовала их сверху пару мгновений, пока верхняя часть его тела практически вжала ее в землю, — и рванулся вперед. Вновь ощутив твердую поверхность под ногами, Ронга вспомнила, как дышать.

Судя по звуку, клинки были со всех сторон. Не три, а больше.

Сотня, может.

Тысяча.

Звон оглушал, но Ронге не нужно было слышать, только чувствовать и двигаться.

Правильная ориентация в пространстве позволила ей меньше тормозить, следуя за чужими движениями, а темнота избавила от лишних картин, способных поколебать решительность.

Движение. Еще движение. Ронга даже примерно не знала, как называется то, что он делал. С ее стороны это немного напоминало танец, впрочем. Осталось только слепо, во всех смыслах слепо доверять Байчу и держаться за него мертвой хваткой. Падать снова. Уклоняться. Сгибаться. Лететь вперед. Неотделимо, как раковина на спине улитки.

Реактивной.

Сумасшедшей.

Улитки.

Его дыхание становилось тяжелее, как и шаг. Судя по звукам чуть раньше, двух он все-таки достал.

Остался лишь один, или ему на подмогу пришли другие? Ронга слышала тысячу мечей, но ни одного пистолета. Может, остальные смотрят? И пристрелят, когда Байчу зарежет их последнего друга с любовью к холодному оружию?

От скольких пуль спасет защита дедушки Фэнга, от скольких уже спасла?...

Ронга хотела попросить дать ей несколько секунд, чтобы вытащить монетку Коруби и позвать Хана — как она и собиралась сделать раньше, убедившись, что Суджан Вон действительно в техцентре.

— Бай...

Наверное, звук ее голоса отвлек его. На сотую долю секунды.

Байчу отклонился назад, сделал несколько быстрых неловких шагов, но прямой меч противника оказался быстрее. Он нашел брешь в его защите, отбил Ослепительное Острие вправо и рыбкой скользнул прямо к груди.

Ронга не видела этого.

Но она почувствовала холод — его острый укол, опережающий укол железа.

Острие холода, острие смерти.

Ронга повернула руку и сжала в кулак.

...Можно ли считать, что ее нарисованный защитный знак и вправду пригодился?...

Холод обжег тыльную сторону ее левой ладони и внутреннюю — правой. Сначала она держала их одну на другой на груди Байчу, а теперь держала лезвие. Кончик прошел еще немного вглубь, между пястных костей, а потом резко дернулся назад и вверх.

— Отпусти! — крикнул Байчу.

Прежде чем Ронга разжала пальцы, она поняла, что эта рука с холодным лезвием теперь падает на землю.

Байчу вырвался из ослабевших рук Ронги. Крик прорезал воздух, но тут же оборвался. Раздался шум падающего тела и знакомый длинный выдох.

...Удивительно, сколько всего может вобрать в себя секунда.

— М-м-можно? — спросила Ронга, все еще не открывая глаза.

Она чувствовала, что жидкий огонь течет с ее рук.

— Можно.

Мягкий свет вечернего солнца показался ей ослепительным. Шесть тел лежало на земле. Байчу стоял, опустив меч, наполовину в поту, наполовину в крови, с неглубоким порезом на плече и разодранным коленом, видным в дыру на штанах. Других травм Ронга не заметила и медленно перевела взгляд на собственные руки.

Бинты были в ее рюкзаке за брошенным кузовом, но время утекало. Ронга прижала руки к животу, чтобы хоть как-то остановить кровь, и сказала:

— Они слышали крик и подойдут снова. Дух. И только дух. Второго такого я не выдержу. Достань у меня из кармана монетку.

Ее голос то звенел, то хрипел, контролировать его Ронга не могла. Байчу достал монету и вопросительно, с оттенком шока, взглянул на ее окровавленные ладони. Правая была рассечена вглубь наполовину, левая проткнута почти насквозь.

Ронга клацнула зубами. Байчу понятиливо вложил монетку ей в рот. «Как мертвецу», — промелькнуло у нее в голове. Она толкнула монетку языком и плотно сжала губами.

Она. Не. Сдохнет. Здесь.

— Ронга...

Байчу стоял рядом с ней, а в дверях техцентра, в двадцати шагах, выстроились гангстеры.

С пистолетами.

Они не стреляли только потому, что главарь еще не приказал.

...Ну, хотя бы он был здесь.

Несмотря на дикость происходящего, Ронга почувствовала неподдельную радость и воодушевление — он здесь! Где-то в глубине души она сомневалась, что он будет здесь, что им действительно так повезет, но вот... он здесь!

Ронга засмеялась, не разжимая губ.

Улыбка Суджан Вона, стоящего среди своих людей, была отражением улыбки Ронги.

Да, силы небесные, да! Они же так похожи! Он показал это в самом начале, в купальне со сваренными заживо людьми! Она доказала это совсем недавно, едва не убив случайного незнакомца!

И она так искренне, так безумно радуется, стоя раненой, с окровавленными руками, напротив толпы головорезов!..

Они прямо-таки родственные души!

Ронга надеялась на это. На то, что он промедлит, наслаждаясь картиной и ожидая ее следующего шага. Он ведь и впрямь хотел увидеть ее «маленькие ведьминские ритуалы».

Отодвинув монетку языком за щеку, Ронга хрипло сказала:

— Тебе очень понравится.

Потом она выплюнула монетку на землю и крикнула:

— Хан!

Ей хватило этого молчания и этих улыбок, чтобы как следует сконцентрироваться на нем — их единственном спасении.

— ХАН!

Байчу уронил ее на землю, толкнув вперед, и упал сам. Придавил рукой, не давая вскочить. Несколько пуль и впрямь пролетели над ними, но всего лишь несколько.

Всего! Лишь! Несколько!..

Ронга скорчилась на земле, сотрясаясь и всхлипывая в приступе хохота.

— Фас! — крикнула она, глотая песок. — ФАС! К тебе, Хан!

Хотя никаких команд ему, конечно, не требовалось.

Но нужно было следить, чтобы призрак не попытался напасть на Байчу или сбежать порезвиться в город!.. Справившись с собой, Ронга перевернулась и резко села. Байчу больше не удерживал ее, сам сидел на корточках, с Ослепительным Острием в руках, и внимательно следил. За тем, как...

...Как мутно-белая тень мечется между кричащими людьми и пули тонут в призрачной шерсти. Как бандиты, пытаясь избавиться от хватки невидимых зубов, бьют воздух и стреляют в пустоту, то и дело попадая в своих же товарищей. Как белый пес топит морду в чьем-то развороченном брюхе...

— Пойдем со мной, — сказала Ронга, когда Хан закончил с толпой.

Двое успели убежать внутрь техцентра, и Хан вернулся, наигравшись с их мертвыми телами, — Ронга видела в дверной проем. Один во время расправы хотел убежать через Байчу и Ронгу, и Ослепительное Острие лишил его головы.

— Пойдем со мной, Ханушка.

Ее голос был теплым и ласковым, вид — абсолютно безумным. Внутри все звенело и сжималось, Ронга все еще не могла поверить — у них получилось!

У них. Получилось.

Только Суджан Вона не было среди убитых, а значит, он спрятался в здании. Ронге бы очень хотелось убить его именно так — потусторонней силой, которой он так интересовался, невидимой тварью, чью работу он, вероятно, успел оценить.

— Не трогай бедняжку нашего Байчу, — продолжила уговаривать Ронга. — Будь у него мать, ни за что не стал бы наш маленький Байчу ее обижать. Наоборот, любил бы всю жизнь, на руках бы носил. Он ведь даже за нас, чужаков, умирать готов, а если б его кто любил, как мать...

Красный пес приближался к ним, медленно переставляя лапы и оскалив клыки. Байчу его не видел, но медленно чертил на земле перед собой охранный знак.

— Нарисуй больше и встань в центр, — быстро сказала Ронга.

Байчу действительно много запомнил из рассказа бабушки Фэнга. Если еще и нарисует правильно, то знак сделает его невидимым для призраков на какое-то время.

Пес зарычал.

— Ханушка, маленький, — Ронга поспешно протянула к нему руку, давая обнюхать и пытаясь тем самым отвлечь от движений Байчу. — Мой хороший... Пойдем к Монстру?

Хан склонил красную морду. Его тело подрагивало от нетерпения, хвост несколько раз вильнул. Ронга медленно выпрямилась и повела пса с собой.

Суджан Вон стоял у дальней стены. Рядом с Ронгой, Ханом и разбитым автомобилем валялись те двое пытавшиеся сбежать, чьи тела стали любимыми собачьими игрушками. Чуть подальше лежали слишком хорошо знакомые Ронге трупы — Хэнсо и тот, у кого она кусок мяса выдрала его зубами. Дальше... он.

Он улыбался еще безумнее и держал одну руку за спиной. Поза заставила Ронгу напрячься, но с такого расстояния и в полумраке она не могла рассмотреть, что он скрывает.

— Мне понравилось, — сказал он. — Мне действительно понравилось!

Его широкая улыбка не оставляла никаких сомнений в правдивости слов.

— У них были семьи, знаешь? — сказал он весело, указав свободной рукой на трупы. — Ну, не у всех, но у многих. У этого я даже был на свадьбе. И друзья были у всех, и близкие, и всякая прочая грязь, знаешь? И как же ты себя чувствуешь после этого, маленькая ведьма?

— Прекрасно, — честно сказала Ронга, заставив его рассмеяться.

Она по-прежнему прижимала ладони к животу, неосознанно завернув в подол толстовки, но теперь осторожно выпростала их из ткани, чтобы протянуть к нему руки.

— И все ради тебя, — с придыханием, стараясь вновь не сорваться в истерику, сказала она, делая несколько шагов.

Суджан Вон тоже сделал шаг, его лицо подернулось странным выражением, и за его спиной что-то дрогнуло, неловко шагнуло следом.

Ронга похолодела.

Примерно так она шагала за Байчу, да? Спиной к спине? Если б это была не она, а Байчу был бы не Байчу, если б были они Монстром и тем, кого он удерживает за спиной... они бы двигались именно так.

— Тогда, — со смехом сказал Суджан Вон, — знай, что у меня тоже есть для тебя потрясающий подарок.

Хан понесся к добыче длинными прыжками.

За спиной Суджан Вона оказалась невысокая девушка с белым лицом, и Ронга закричала, едва увидев знакомую фигуру.

...Очень знакомую.

— СТОЙ!!!

СТОЙ ХВАТИТ УХОДИ.

Я ОТМЕНЯЮ ПРИКАЗ.

УХОДИ УХОДИ УХОДИ.

Хан исчез в прыжке, в каком-то шаге от Суджан Вона.

— Это ты мне? — спросил он. — Нет... Нет, точно, не мне. Этим своим... духам, призракам, демонам?

Он плотнее прижал к себе Руру. Даже несмотря на гипсовую маску из «Лилий», Ронга легко узнала подругу. Они ведь были так похожи!.. Однако сейчас схожесть стала еще заметнее. Медленно приближаясь, Ронга стала замечать странности: Руру почти всегда носила серьги-подвески, теперь же их не было; вместо шелковых и шифоновых одежд «кувшинок» она носила простую форму слуг; волосы, которые Руру отпустила в последний год, вновь оказались обрезаны до плеч, вдобавок неаккуратно и неровно, как сама Руру, милая и опрятная Руру, никогда бы не постриглась. Все это... Ронга перевела взгляд на Суджан Вона. «Ты больной», — хотела сказать она, но первее нее вскрикнула Руру:

— Ронга!..

Только имя. Руру не успела сказать ничего больше — Суджан крепче сжал пальцы на ее горле и плотнее прижал ее спиной к себе. В другой руке он держал пистолет, дуло у гипсового виска. Маска оставалась неподвижной и бесстрастной, но боль и ужас в этом голосе выбили у Ронги злые беспомощные слезы.

Нет.

Нет-нет-нет-нет.

Руру, как?! Почему ты здесь?!!

— Представляешь... — Суджан Вон еще крепче сжал ее, отчего Руру слабо задержалась. Ее руки были связаны спереди. — Представляешь, когда я пришел в ваше чудесное заведение и вежливо сообщил о намерении убить по четыре человека за каждого своего, она сказала, что ты, Ронга... Так я узнал твое имя, да, оно ужасно...

Делая вид, что предается воспоминаниям, Суджан Вон картинно почесал затылок стволом пистолета, а потом медленно приподнял им гипсовую маску и вжал дуло в щеку Руру. Это слишком напоминало их последнюю встречу, рядом с кровавым бассейном. Ронга буквально не могла на это смотреть. Она хотела отвести взгляд, но заметила слабое шевеление где-то на границе зрения, и принудила себя не поворачивать голову.

— Ты знаешь, я впервые услышал твое имя, но сразу понял, что это та ведьма! — продолжил Суджан Вон. — С длинными ресницами и большой любовью к мертвецам! Ты больная, Ронга, ты знаешь?

Она знала. Суджан Вон помолчал немного, а потом повторил, громче и требовательнее, снова ткнув щеку Руру дулом пистолета:

— Знаешь?!

— Знаю, — согласилась Ронга. — Давно.

Ответ ему понравился. Он кивнул и продолжил:

— Так вот, эта маленькая дрянь сказала, что ты, Ронга, обязательно отомстишь мне,

если «Лилии» пострадают. Натравишь своих призраков, на части разорвешь, утопишь, изжаришь и съешь... Она много чего наговорила, эта сука, и в другом случае ей бы не удалось сказать и половины всего этого! Но вы так похожи, ты замечала?

— Да.

— Потрясающе похожи! Со всех сторон, кроме лица. Это так раздражало!

Дрожа от нетерпения, Суджан Вон стащил маску с головы Руру и переместил руку с шеи на ее волосы. Заставив Руру отклонить голову назад и вбок, Суджан Вон поцеловал ее в висок, прежде чем снова положить ладонь на ее горло.

...На его губах осталась сукровица.

Ронга сжала руки в кулаки, боль вспыхнула в ледяных, оцепенелых конечностях, крик зародился и умер глубоко в глотке.

Лицо Руру оказалось изрезано, исполосовано, все в красных чертах, губы распухли от укусов, на лбу и правой щеке кровь спеклась в сплошную темную корку. На этом белокрасном полотне нетронутыми остались разве что глаза.

«Ты сейчас порежешь ей ресницы, — вспомнила Ронга. — Не трогай. Такие длинные. Не трогай».

— Если ты подумала, что все это сделал я, то ты очень плохо меня знаешь, — сообщил Суджан Вон. — Я только начал, но продолжили мы вместе.

Руру зажмурила глаза. Ее горло дрогнуло, как будто она собиралась что-то сказать, но не смогла.

— Ты знаешь, почему «красный песок» так популярен, несмотря на огромную цену? — спросил Суджан Вон. — Потому что он позволяет людям обнажить себя до костей, вынуть наружу все это глубокое, спрятанное, визжащее. Оно... Оно кричит внутри, когда их что-то злит. Оно бесится, когда они не могут растоптать обидчика... А, или просто любого человека, который им чем-то не нравится! Они дерутся, убивают, умирают, наглотавшись «красного песка»! Трахаются, жрут себя и собственное дерьмо, делают все то, что никогда бы не сделали в обычной жизни!

Ронга подумала, что тень у правой стены движется слишком странно.

— Но мне всегда было интересно другое. Эта их агрессия, агрессия «красного песка», это все равно костыль, понимаешь? Гораздо интереснее, когда человек сам доходит до такой глубокой ненависти, что бросает его с ножом на первого встречного! И что же может толкнуть их на подобное?...

Она начинала понимать, к чему он клонит. И знала, как подыграть.

...Ей не хотелось думать, что это и впрямь всегда жило в ее душе.

— Сваренные заживо люди? — ухмыльнулась она. — Ты и впрямь считаешь, что тогда зародил это во мне? Зародил... зло?

— Нет-нет, ты не улавливаешь сути! — пистолет в его дрожащей руке опять ткнулся в щеку Руру.

— Все я прекрасно улавливаю. Зародил, пробудил, называй как хочешь, но ты и впрямь считаешь, что это ты толкнул меня к убийствам? — Ронга коротко рассмеялась. — Первого человека я убила в восемь, идиот. И что самое потрясающее — у меня не было никаких причин его убивать!

Суджан Вон молчал несколько секунд, с нечитаемым выражением лица. Когда он вновь заговорил, его голос был нежен и вкрадчив:

— Значит, я действительно в тебе не ошибся.

Ему не помешал даже Байчу, выросший за его спиной черной тенью. Ослепительное Острие лег на его плечо, с другой стороны от Руру. Байчу ясно дал понять, что вместе с выстрелом лезвие двинется к его шее.

Но Суджан Вон даже бровью не повел.

— Только ты зачем-то все еще держишься за этих своих странных друзей. Силы небесные, милая, если бы я был твоим братом или мужем, я бы никогда не позволил тебе проводить время со шлюхой или этим дебиловатым мстителем с его ножиком. И что теперь? Нет, он ведь и впрямь какой-то идиот, чего он хочет этим добиться?

И вправду?... Суджан Вон все еще был в полушаге от убийства Руру, и никакой меч бы его не остановил. Байчу и сам не понимал, как вывести из игры Руру, не навредив ей.

Ронга почти жалела, что он просто не ударил. Это убило бы ее подругу, но... это и закончило бы все.

Совсем все.

Но все-таки из-за присутствия рядом Байчу — Байчу, который не хотел убивать ни в чем не виноватого человека, — Ронге стало немного легче.

— Это всегда сопровождает хороших людей, верно, дорогая? — продолжил Суджан Вон. — Отсутствие фантазии. Катастрофическое! Ни одному из них не придет в голову сделать, например, вот так.

С этими словами он оттолкнул Руру — в сторону лезвия меча, лежащего на его плече.

Байчу отдернул Ослепительное Острие и не успел вернуть.

Руру рухнула на пол, и раздался выстрел.

Суджан Вон не потратил ни мгновения на разворот, даже голову не отклонил, только чуть-чуть повернул руку с пистолетом, недавно упиравшимся в лицо Руру, так, чтобы ствол скользнул по его шее.

Он выстрелил назад.

В Байчу.

Ослепительное Острие так и не закончило нового движения, рука Байчу дрогнула — пуля увязла под его ключицей. Суджан Вон развернулся, и следующая пуля попала Байчу в голень. Третья — в руку, потому что даже упав, Байчу не выпустил рукоять Ослепительного Острия.

Суджан Вон упер руки в бока, вздохнул и цокнул языком, как мать над несмышленным ребенком. Байчу попытался переложить меч в другую руку, но Суджан Вон спокойно отпихнул клинок ногой, рассеянно поводя дулом пистолета и прикидывая, куда выстрелить еще. Пинком заставил Байчу перевернуться. Он распластался на полу, неверяще глядя в потолок. Разбитая ключица, простреленная рука и голень. Мастерство позволило ему прорваться так далеко, что он просто не мог поверить, что вот сейчас все — совсем все! — закончится. Так бесславно и бесполезно.

— Что там у нас дальше...

— БЕГИ!

Голос Ронги отрезвил Ру-Мейру, которая до того, полумертвая от страха, могла лишь ползти к стене. Теперь она поднялась на ноги и побежала к дверям.

Раздался еще один выстрел.

Суджан Вон отлично стрелял — Руру упала и взвыла, глядя на свое простреленное колено.

— И где все твои призраки, маленькая ведьма? — спросил Суджан Вон.

Самое смешное было в том, что никаких призраков у нее действительно не осталось. Для управления трупом с отрезанными ногами ей нужно было войти в транс. Хан, наверняка расвирепевший от команд и их отмен, на этот раз не послушается ее так просто. А больше никого у Ронги и не было. Все ее силы оказались ничем по сравнению с одним Монстром и его самым обыкновенным пистолетом.

Она уже хотела снова позвать Хана и просто ждать, когда он убьет не только Суджан Вона, но и их всех, как... вдруг вспомнила.

Ей никогда не приходила в голову эта мысль.

Шенву.

Разве не был он ей близок после стольких Духовых дней?...

Разве привязанности среди друзей и родственников не сравнятся с его всепоглощающей ненавистью?

— Шенву.

— Что?

Как бывало уже не раз, Суджан Вона вело какое-то чудовищное чутье. Не обращая внимания на Руру, ползущую к выходу, и тянущегося к клинку Байчу, он уставился на нее, указывая пистолетом точно ей в сердце.

— Шенву, — повторила Ронга. — Человек, которого я убила в восемь лет.

«Помоги мне. Я отдам тебе не только последнюю монету Коруби, я отдам тебе все, что захочешь, если ты убьешь его».

Ронга прекрасно знала, чего он захочет... А он, появившись рядом с Суджан Воном, прекрасно знал, что она сдержит обещание.

Одним движением он выбил пистолет из его руки. Другим Шенву — знакомый Шенву, молодой, седой, белый и красный, — вспорол его живот ладонью. Затем, со злостью и мрачным ожиданием, взглянул на Ронгу. Она посмотрела вниз, где на коленях стоял, обнимая собственные ползущие из раны кишки, Суджан Вон.

Теперь. Точно. Все.

Упав на спину, Суджан Вон неловкими медленными движениями нащупал что-то в кармане куртки, сжал это в горсти. Дернул подбородком, огромными глазами глядя на Ронгу. «Подойди», — прочитала она по слабо шевелящимся губам. Она сделала шаг. Шенву смерил взглядом сначала его, потом ее, но посторонился, давая понять, что разрешает Ронге этот последний жест. Ронга наклонилась. Рука Суджан Вона вцепилась в ее толстовку и подтянула ее ближе.

— Ресницы, — шепотом сказал он. — Такие длинные.

В следующий миг его другая рука, с чем-то в кулаке, ударила ее лицо. Пальцы разжались, и в нос и глаза Ронги попало что-то мелкое, колючее и красное. Алое облачко взвилось вокруг ее головы, и она вдохнула быстрее, чем успела догадаться...

«Красный песок».

Ронга резко отшатнулась и упала на спину — все ее движения стали неуклюжими. Она хотела выплюнуть его, вытереть с глаз и из ноздрей, но мелкая пыль уже покалывала где-то глубоко внутри и с каждым жестом лишь быстрее растворялась на слизистых.

Рядом присел Шенву, и на его лице Ронга впервые увидела улыбку. Жуткую и фанатичную.

Так улыбался Суджан Вон, Монстр.

...В глазах у Ронги все поплыло.

Мир сделал оборот вокруг нее и изменил очертания.

— Ронги! Ронги-и-и! — на три голоса заканючили Нуми, Нускра и Вэй Ляо, собравшись у магазинчика И Дин Хо. — Дедушка Фэнг, а выпустите Ронги погулять!

Солнце жарило немилосердно, и в руках у Ронги уже лип к коже свежий медовый хлеб. Дедушка, пропахший кумкватами, отвлекся от плетеной корзинки и махнул рукой:

— Беги, Ронги! Шпана твоя заждалась.

Мадара была яркой, солнечной и горячей, как пряник в цветной глазури, а еще — очень большой. Огромной, как целый мир. Маленькие друзья Ронги быстрехонько разорвали хлеб на части, радуясь угощению и с хохотом вытирая друг об друга липкие ладони. Ронга, понимая, что происходит что-то невозможное, отступила.

— Хан, Хан! — закричали друзья. — Пойдемте к Хану!

Они побежали, и Ронга побежала следом. За знакомым белым заборчиком он уже ждал их — большой белый пес, добрый и очень терпеливый к детям. Он был сыт, потому что только что выжрал внутренности парня, лежащего перед его красной мордой. На лицах близняшек Нуми и Нускры, вокруг блестящих губ, виднелись алые следы. Вэй Ляо с соседней улицы, помладше и помедленнее, еще только доедал угощение, запихивая розоватые, сочащиеся кровью куски за щеки, как большой хомяк.

Опустив взгляд, Ронга поняла, что и ее руки липки не от хлеба.

Кровь пролилась с неба, выступила из земли. Лучшие воспоминания Ронги — детство, друзья, большая и яркая Мадара — оказались испорчены, уничтожены, смыты красными потоками.

Домик матушки Венлин остался нетронутым. Ронга, по щиколотку в крови, взглянула на крыльцо, где стояла, охая, старая женщина в синем домашнем халате.

— Ах-х, эта старая мразь!..

Ронга впервые за долгое время услышала голос Шенву. Он был спокоен, и вопреки всему Ронге было приятно видеть это. Наконец-то она смогла хоть что-то для него сделать! Хоть как-то загладить свою вину! Хоть...

— И ты... — Шенву развернулся и медленно пошел к ней. — Маленькая. Тупая. Злобная. Тварь!

Он поймал ее, как кот ловит мышь, — резко прыгнув вперед. Вместе они упали на колени, Шенву прижимал ее к себе, Ронга не сопротивлялась. Она обещала ему все, и такие сделки нельзя нарушать. Какая разница, заберет ее призрак с собой просто так или сначала они вместе переживут наркотический трип «красного песка»?

— Ты обещала мне все, — дрожащим голосом сказал Шенву. — Но самое большое, что я могу забрать — это ты. А ты ничтожество! Все такая же глупая, как и прежде, и даже друзей, которых я мог бы убить на твоих глазах, у тебя уже не осталось. Твой дед скоро сдохнет от старости, а те двое, с мечом и с порезанным лицом, и так уже умирают из-за тебя. Да и, по большому счету, тебе же плевать на них? Как было плевать на меня, верно?

— Верно, — согласилась Ронга.

Она надеялась, что у Руру и Байчу все еще есть шансы выжить. В конце концов, их ранения не были смертельными. Надеялась — но и знала, как стоит говорить с рассерженными призраками.

— Тебе было плевать на меня, — жалобно повторил Шенву. Он прижимал к своей груди ее голову и неловко гладил влажной кровавой ладонью ее волосы, их колени тонули в рыхлой красной земле. — Ты все пыталась, так пыталась добиться от меня какого-то

прощения, сделать свою совесть вновь чистой, забыть меня как страшный сон. Как я мог подарить покой человеку, которого так сильно, так безумно ненавижу?

— Никак, — снова согласилась Ронга.

Шенву взял ее лицо в ладони, заглянул в глаза. Сказал очень серьезно, наставительно:

— Самое печальное, маленькая девочка, что ты так и осталась идиоткой. Ну, ответь мне честно, почему ты тогда решила убить меня? Почему так разозлилась?

Ронга попробовала ответить, но ее речь быстро стала сбиваться. Она даже сама себе не могла сказать, что двигало ей в тот момент. Она не любила матушку Венлин, не дружила с ней, она просто...

— Я не знаю, — честно сказала она после нескольких попыток сформулировать собственные мысли. — Я просто... Она была милой, твоя мать, и всегда хорошо к нам относилась, а ты... Та встреча, ты смотрел на нее, как на грязь, а после радовался ее смерти...

Шенву оттолкнул ее, сильно и резко. Его лицо перекосилось от злости, он вскочил на ноги и указал на матушку Венлин, все еще стоящую на крыльце, бессмысленно охающую и взмахивающую руками, как заводная кукла.

— А ты бы не радовалась, если бы она сдохла?! Вот как ты думаешь?! Вот как ты считаешь?!

Он рывком поднял ее на ноги и зашипел, содрогаясь всем телом, сначала ей в лицо, а потом в самое ухо, все крепче и крепче сжимая пальцы на ее плечах:

— «Сыновняя неблагодарность», скажет такая же тупая дрянь, как ты. Не могла ты подумать, хотя бы на минуту, что старая сука заслужила эту злость и много больше того? Не могла ты представить, что я жил как свинья первые десять лет своей жизни? Детство, прекрасная пора, у тебя ведь оно было? Ты можешь представить, что все детство ты бы питалась объедками и иногда, смеха ради, гашеные в ничто мужики, у которых отсасывала твоя мать, заливали бы тебе в горло разбавленный спирт? Ты могла бы радоваться тому, что он хотя бы разбавленный? Не могла, так послушай меня сейчас — когда я говорю «старая сука», это значит «моя мать». Это не просто злоба, любой бы назвал ее так. Ты, ты, такая правильная и справедливая, убившая незнакомого человека за его презрение к милой старушке, ты бы первая избивала ее до крови, если бы знала! Ты бы простила ее, смеявшуюся над тобой вместе с приятелями, пока ты пытаешься выхаркать этот сраный спирт из своего желудка? Ты бы простила ее?!

— Нет, — Ронга помотала головой. — Нет. Прости.

Слезы текли из ее глаз, и сама она понимала, что никакое «прости» тут не поможет, но все равно повторяла, безостановочно говорила «Прости, прости, прости», только одно слово.

— Да-а-а, — протянул Шенву, оглушительно шмыгая носом и жестко ухмыляясь, — именно так она и говорила, просила прощения, когда приходила в себя. Я даже не убил ее сам! Я даже не бросил ее умирать, а выкинул сюда, к этой вшивой псине, которую она так любила!..

Шенву замер на какое-то время. Его взгляд вдруг стал растерянным, губы задрожали, все тело разом обмякло. Напряжение схлынуло с него за секунду. Жалобно, тихо он пробормотал, цепляясь за ее плечи слабыми пальцами:

— Ронга... Ты знаешь, сколько у меня шрамов от собачьих клыков?...

Охотясь на Монстра, она никогда бы не подумала, что чудовище долгое время жило совсем рядом с ней.

— И ты не знала ничего этого, маленькая девочка. Я был так рад тогда. Я заходил в этот двор и думал, что вот, наконец-то, я избавился от нее насовсем. Думал, что продам этот дом и больше ничто и никогда не напомнит мне о ней. Я был очень рад. Я был так счастлив... Поэтому зачем мне тебя убивать, девочка? Это слишком мало, это совсем не поможет, это ничего не исправит!

— Тогда скажи, что мне сделать, — произнесла Ронга. — Я все сделаю.

— Все?

— Все.

— Тогда...

Он взял ее за руку и повел по красным ручьям прочь от дома с белым забором.

— Каждый Духов день я смотрел на вас, — сказал он медленно и спокойно. — В интересном месте вы живете, и эта легенда...

Они остановились перед И Дин Хо, сейчас пустым, в кровавых потоках, извивающихся на стенах, как живые.

— Эта легенда... — повторил Шенву. — Про три иероглифа над дверями и про предсказания. Про смерть всего и вся... Это хорошая легенда, так ведь?

Ронга поняла, чего он хочет. Шенву стал раскачиваться с пятки на носок, отчего кишки из его распоротого живота расползались по земле. Он глядел на вывеску И Дин Хо и медленно, нараспев говорил:

— Ты убедилась, что ничего хорошего тут больше нет, верно? Что все не так, как тебе казалось, и самые страшные твари прячутся под масками людей, да? Тут нет, никогда не было ничего хорошего, и мне больно, и больно тебе, и это всегда будет болеть.

Он смотрел на вывеску в три иероглифа так мечтательно, с надеждой, что Ронга почти увидела в нем худого, синего от побоев мальчика, вырвавшегося из ада.

— Так закончи все это, — сказал он. — Закончи все это.

Где-то в глубине души Ронга понимала, что это просто призрак. Что их натура переменчива, и в этом Шенву может не оказаться ничего от Шенву реального. Она помнила все уроки дедушки Фэнга, не верила духам, но... Но песок застилал ей и нос, и рот, и глаза. И она и впрямь хотела бы закончить все разом — это быстро и удобно, разве кому-то будет плохо? Разве кто-то вообще заметит свою смерть?...

...И, что самое удивительное, теперь она могла разобрать три иероглифа И Дин Хо. Она хорошо видела значение каждого из них, и правда, пугающая правда о гибели мира, заточенной в знаки на старой доске, зарождалась где-то в глубине ее сознания.

Оставалось только произнести это вслух.

Ее губы там, в реальности, стали двигаться. Мучительно и медленно Ронга произносила звук за звуком, складывая их в слова.

Первое.

Второе.

Треть...

Она не смогла говорить. Что-то жесткое и ледяное, в песке и крови, втиснулось между ее зубов. Капкан сомкнулся на ее плечах, что-то тяжелое навалилось сзади. Она сжимала и сжимала челюсти, дергалась и пыталась отбиваться, но тело, все еще в трансе, не слушалось.

Оглушительно, протяжно взвыл Шенву, не дождавшийся своего вечного покоя.

«Он меня убьет, — подумала Ронга. — Заберет, что может, и будет прав».

И, едва увидев реальный мир, кусок пола и стены перед собой, этот заброшенный

техцентр, Ронга закрыла глаза. Ее сознание раздвоилось, и кто-то другой — может, это нечто внутри каждого, проснувшееся из-за «красного песка», — все пытался и пытался произнести эти три слова вновь, пока значения иероглифов И Дин Хо не начали стираться из памяти Ронги.

...Самым странным было то, что она так и не умерла.

Байчу почувствовал, что со временем Ронга успокоилась и перестала сопротивляться. Ее челюсть расслабилась, на пальцах Байчу остались кровоточащие следы от зубов. Подождав еще немного, Байчу медленно отпустил ее. Ронга не знала, как долго они стояли так, но судя по тому, что Байчу почти одеревенел, удерживая ее, времени прошло достаточно. Облизывая сухие губы, Ронга осознала, что в окна под потолком техцентра больше не проникает вечерний свет. Зато льет другой — лунный.

Они простояли так до глубокой ночи?...

И Байчу — на одной ноге. Его голень по-прежнему была прострелена, перетянута наскоро его же разорванной штаниной. Ее ладони тоже были перемотаны какими-то тряпками.

— Ты живой? — спросила Ронга, подлезая под его здоровую руку.

Он кивнул.

Запоздало Ронга увидела, что они стоят в центре охранного знака. Такого же, какой она начертила на своей ладони. Такого же, какой Байчу нарисовал на земле перед Ханом. «Нарисуй больше и встань в центр». И будешь невидим для призраков какое-то время. Байчу было нечем рисовать кроме своей и чужой крови, а кровь — превосходный лжец.

Они пошли к выходу.

— А где Руру? — спросила Ронга, вспомнив.

Байчу ответил непонимающим взглядом.

— Девушка с израненным лицом. Он выстрелил ей в ногу, и она...

Ронга перевела взгляд к двери, там никого не было. Смогла убежать?...

Радостные мысли покинули Ронгу, когда она вместе с Байчу дошла до выхода. Там во дворе, между трупов бандитов, лежало еще одно тело. Женское. Дверцы машин были открыты, на них и телах бандитов виднелись, в лунном свете, отпечатки ладоней.

Ронга пробыла по ту сторону не так уж долго, дольше стояла в реальности, пытаясь произнести сокровенные слова. Может, час прошел, пока она говорила с Шенву?... Час Руру выползала из техцентра и пыталась найти ключи, чтобы сдвинуть с места одну из машин и покинуть, наконец, это жуткое место.

Час, прежде чем призрак Шенву убедился, что не услышит значения иероглифов, и бросился убивать Ронгу. Ведь она разрешила, а он бы забрал хотя бы такую малость...

Только вот Ронга стояла в охранном круге. А Руру...

Он не имел права забирать ее, но они были так похожи.

— Со спины не различить, — пробормотала Ронга, переворачивая тело, бережно обнимая холодную голову, всю в порезах и корках крови.

Руру, маленькая и милая, добрая и ласковая, теперь смотрела пустым холодным взглядом, как будто ничего уже в целом мире не могло ее напугать.

...Так похожи, вновь подумала Ронга.

Так удивительно похожи.

Вместо эпилога: Хин Су Чжоу поднимает меч

Первой ласточкой стал сон, который тетушка Ондзин пришла пересказать дорогим соседям поздним зимним утром. Шли долгие новогодние выходные, и немногочисленные жители Мадары ходили по гостям и обменивались поздравлениями и едой.

— Мне снился Великий Император наш, светлоглазый Хин Су Чжоу, молодой и красивый, как сокол, — сказала тетушка Ондзин, ловко управляясь с огромным куском праздничного картофельного пирога. — Лицо белее молочной пены, вены синие на руках, а губы будто...

— Ох, старая, — вздохнул дедушка Фэнг, — хоть бы ни при детях.

Тетушка Ондзин махнула на него вилкой и перевела взгляд на Ронгу. Та складывала в пластиковые контейнеры бобовые пирожные, пытаясь не помять их и в то же время впихнуть побольше. Байчу пытался проделать то же самое с фигурным рисовым печеньем.

— Вот вы хоть послушайте, — голос тетушки Ондзин стал серьезнее и глубже. — Хин Су Чжоу поднял свой меч. Взял с подставки, кланяясь предкам, и обнажил. Ткань медленно скользнула и упала, и...

— Ешь лучше, — дедушка Фэнг цапнул из большого блюда и уронил в ее тарелку сразу три пирожных. — Пока эти все не забрали, приемышку подкармливать.

— А утром, — продолжила тетушка Ондзин, откусив сразу половину пирожного, — ко мне опять Байчу зашел, тренироваться, и смотрю...

Байчу действительно почти каждое утро и вечер ходил в сад тетушки Ондзин, потому что в И Дин Хо нельзя было взмахнуть мечом, чтобы не задеть что-нибудь важное и не очень. Однако его непонимающее выражение лица ясно говорило, что он-то, в отличие от тетушки Ондзин, утром не заметил ничего непривычного.

— Смотрю — мужчина. Взрослый, почти старик, волосы черные с проседью, борода эта ужасная, треугольником, как в Жу принято... Не обижайся, мальчик. Не обижайся и не отращивай себе такую, силами земными и небесными заклинаю.

Байчу покивал — мол, не будет, не будет. Тетушка благодарно прижала свободную руку к груди. Дедушка Фэнг закатил глаза.

— В фиолетовом весь, в три оттенка, как в Жу было после оккупации, среди военных. С широкой лобной лентой и цаплей на спине, опять же. Простые люди такого не носили. Так вот, дрался он. Байчу взмах — он два. Байчу шаг — он вперед помчался. И бьет, бьет! Воздух бьет. В ту сторону, где Мидзин...

Байчу после слов тетушки Ондзин задумался, казалось. Но свои мысли высказал только на улице, оставив стариков доедать пирожки и ругаться.

— Я видел его пару раз. Думаю, это владелец меча. Или один из владельцев.

— Зачем ему бить воздух? — спокойно спросила Ронга. — Бить... Мидзин?

Он пожал плечами и кивнул в сторону станции. «Пойдем. Пора».

Каникулы были слишком сумбурными, и тетушка Ондзин больше не напоминала о своих видениях, так что о них постепенно забыли.

Но потом случились слова дедушки Фэнга. Поздней весной, спустя почти год с убийства Суджан Вона, И Дин Хо продолжал жить в состоянии притупленной тревоги, и Ронге казалось, что невидимая дрожь исходит от магазинчика, медленно захватывая землю и людей все дальше и дальше. Далеко не сразу Ронга осознала, что это волнение уже никак не

связано с мафией. Никто их не искал, а если искал, то не мог найти, в Микуо окончательно обосновались новые хозяева — «Акульи плавники» вроде бы — и им дела не было до прошлогодних разборок в «Красном песке».

Происходило... что-то иное.

— Ронги-и, — протянул дедушка Фэнг, проверяя утром домашние амулеты, — Ронги, девочка... Забери ее сегодня насовсем.

Ронге удалось устроиться в мадарскую больницу медсестрой — зарплата меньше, но зато в глазах властей и общества она стала законопослушной гражданкой с уважаемой профессией. Это важно, если ты хочешь стать опекуном. Она как раз собиралась снова поехать в Мидзин, в школу-интернат, и, может, забрать Ру-Мейлян на выходные, если разрешат.

Дедушка никогда не выказывал особой привязанности к Ру-Мейлян и даже ворчал на то, что Ронга «опять тащит в дом всяких приبلудных», кивая на Байчу и игнорируя тот факт, что он сам предложил ему тут жить. Но тогда повторил:

— Забери насовсем. То есть, на лето, конечно, на лето.

— У них еще даже учеба не закончилась, — пробормотала Ронга обескураженно.

— Все равно спроси. Разрешат, думаю. Разрешат.

Ронге все еще не позволяли оформить опеку над Ру-Мейлян, хотя ее единственный кровный родственник, двоюродный брат Руру — тот самый «дядя», надоумивший ребенка поискать сестру в борделе, — подписал все документы в пользу Ронги, представив ее как «ближайшего друга семьи». Произошло это не без помощи Байчу, выразительно стоявшего за плечом Ронги во время дружелюбной беседы с полупьяным великовозрастным детиной. Тем не менее, руководство интерната и органы опеки не устраивали никакие разрешения, они в один голос твердили, что родственник вот-вот протрезвеет, устроится на работу, и девочка вернется в родной дом. Ронга сильно подозревала, что им нужна взятка, которой у нее не было.

И надо же — в тот день директриса интерната даже никаких вопросов не стала задавать. Сначала она долго смотрела на Ронгу, которую видела много раз, и морщила лоб в мучительных раздумьях. Потом пошуршала газетами на столе, включила и выключила маленький телевизор, уперлась кулаками в стол и коротко вздохнула:

— Забирайте.

Даже документов не спросила. Ничего не записала.

— Вы ведь не отсюда, так? Из... Мадары, да? Забирайте. Увозите.

В ее голосе был холод и беспомощность.

Чуть позже Ронга поняла, почему. Жители Мидзина острее чувствовали грядущую беду. Об этом говорили везде, но Ронга уже не работала в «Лилиях», появлялась в Мидзине только из-за Ру-Мейлян и не интересовалась новостями.

Это не из И Дин Хо расходились волны тревоги. Это до сонной Мадары понемногу доходили слухи.

О войне.

О том, что Западная Жу настроена слишком воинственно для их прогрессивного века. О том, что Хина и Западная Жу никогда не достигали взаимопонимания ни в одном вопросе. О том, что Западная Жу почти все деньги вкладывает в военную отрасль и это неспроста... О том, что у Хины на роду написано переживать волнения каждые тринадцать лет, и Слово на полу Синего дворца вновь кровоточит.

Последнее было, конечно, враньем, отвратительной выдумкой шарлатанов.

Однако в первый день лета в И Дин Хо приехал из Ушмы дядя Тухтырбек. Необычайно суетливый, он шнырял по магазинчику, выбирая с полок какие-то вещи по одному ему известному принципу. Огромный и толстый, с почти черным от загара лицом в шрамах и копной спутанных волос, он до визга напугал Ру-Мейлян, первой спустившуюся на шум. Впрочем, она быстро смирилась с этим страшным человеком, потому что за ним по пятам следовали две овчарки — усевшись у дверей магазинчика, они величественно принимали почесывания за ухом, пока хозяин кружил по И Дин Хо, нелепый и неловкий в своей непонятной спешке.

— Ну, чего уставились? — и не подумав ничего объяснять, сказал дядя Тухтырбек дедушке Фэнгу. — Зови эту старую сову и собирайся. Все собирайтесь.

Он впервые увидел Байчу и Ру-Мейлян, но отнесся к ним абсолютно спокойно, без капли удивления. Как будто они жили тут всегда и, как Ронга и дедушка Фэнг, прекрасно знали дядю Тухтырбека из Ушмы, с его необъятным животом, спутанными волосами и собаками.

— Там степь, овец сейчас гоняем. Лагерь, но уж лучше, чем здесь. Ребенку ничего, понравится, — метнув взгляд в сторону Ру-Мейлян и овчарок, добавил дядя Тухтырбек, — с живностью весь день-то... Понравится, говорю, ну, чего смотрите?

Сдавшись, наконец, он сел на табурет и глубоко вздохнул.

— Нигде нам не будет безопаснее, чем в И Дин Хо. Ну, орел ты лысый, — дедушка Фэнг улыбнулся, но без радости, — знаешь же.

Дядя Тухтырбек покивал. Слезы на грубом, жирном, темном лице выглядели дико и жалко.

— Дядь, — сказала Ронга, — ты ж и сам из дома не ушел бы.

— Не ушел бы, — подтвердил дедушка Фэнг. — И волоком бы не утащили.

— Амулет вырежи. Четвертый, — после недолгого молчания, сказал дядя Тухтырбек. И, подумав, добавил: — Осел.

В тот же день, проводив дядю Тухтырбека обратно к хинской границе, дедушка Фэнг вырезал этот четвертый амулет, с именем Ру-Мейлян. И письмо на амулете напугало Ронгу сильнее всяких слухов.

— Дедушка?! — требовательно спросила она, рассмотрев новую дощечку. — Дедушка!

Она не смогла произнести вопрос полностью. Имя Ру-Мейлян, как и имя дедушки Фэнга, было написано письмом старой школы.

— Раскричалась! — дедушка шикнул на Ронгу. — Потом как-нибудь сама напишешь, а пока, ради гармонии, пусть будет — вот прошлое, настоящее и будущее. Все красиво.

— Гармония это прекрасно, — раздраженно откликнулась Ронга. — Только ты-то куда собрался, раз ее, мелкую, старым письмом записал?! И что значит «потом, сама»?!

...Но, вопреки ее страхам, дедушка Фэнг никуда не ушел.

Сначала ушла тетушка Ондзин.

Просто умерла, написав завещание, подготовив собственные похороны, оставив ключи Ронге и попросив следить за садом, пока не приедет один из ее внуков. В завещании она сказала, что не хочет попасть под удар ни Су Чжоу, но того военного из Западной Жу, оставив нотариуса чесать затылок, а дедушку и Ронгу понимающе переглядываться. Дедушка Фэнг не плакал, не ругался, просто окаменел на какое-то время, а потом принялся стаскивать в подвал консервы, матрасы, теплые вещи и воду.

— У старой карги, — сказал он бесцветным голосом, — всегда были очень точные видения. Очень.

Сразу после ее похорон в Мадаре объявили тревогу. Заработали громкоговорители, которые Ронга всегда считала бесполезным забытым хламом, попросили людей спускаться в укрытия. В И Дин Хо роль укрытия исполнял подвал. За пределами магазинчика царила паника, но внутри все прошло тихо и спокойно — они спустились вниз и две недели ночевали в подвале, уложив матрасы рядом. Иногда и дневали. Ру-Мейлян не боялась ничего, набравшись от взрослых ледяного спокойствия. Только во сне, бывало, подкатывалась Ронге под бок, специально или нет, Ронга не понимала. Примерно так же, во сне, Байчу иногда протягивал к ней руку над головой Ру-Мейлян. Ладонь лежала в нескольких сантиметрах от ее лица, спящий Байчу казался печальным и беспомощным, и Ронга чувствовала себя умудренной годами матерью семейства, к которой тянутся неразумные детишки. От этого она нервно смеялась, зажимая рот и глотая слезы, чтобы никто ее не услышал.

Под конец система вещания уже не работала, и в Мадару приехал фургон с соцпомощью, благодаря которому жители и узнали, что Хинсан уже навоевался, мирный договор вновь подписан. Современные войны проходили стремительно и жестко. Начался долгий период неустойчивости и переговоров, но власти уверяли, что мирным жителям уже нечего бояться... Кроме того, что многим стало негде жить.

Частые бомбардировки снесли, в том числе, четверть Мидзина. Дрянной Микуо вопреки всем молитвам, устоял. Мадару военные действия почти не затронули, многие дома по-прежнему пустовали, и в городишко потянулись беженцы и погорельцы. На самом деле, это пугало больше, чем война, — возможно, потому что для И Дин Хо она прошла гладко. Но, в то же время, у И Дин Хо был Байчу, способный у любого отбить охоту воровать и грабить.

У магазина повыбивало окна и витрины дальним взрывом, снесло хлипкий козырек, часть товаров успели растащить мародеры, но в общем и целом он остался почти нетронутым.

Вывеска валялась на земле вместе со сломанными балками и амулетами. Табличка с именем дедушки была расколота надвое.

Как-то сразу все стало ясно. В принципе, Ронга догадывалась, что дедушка Фэнг никогда не согласится пережить тетушку Ондзин надолго. Пока Байчу и Ронга ставили новые рамы — в И Дин Хо нашлись и они, — дедушка Фэнг ходил вокруг магазинчика, вставляя бесценные замечания, с улыбкой разглядывая работу и довольно повторяя:

— Вот так-так... Вот сейчас приладим и как будто не было ничего, вот так-так...

Он свернул за угол И Дин Хо и вскоре замолчал.

Ронга все поняла, но все равно не смогла унять тоску, волнение и слезы. Она неловко спустилась с шаткой лестницы, которую придерживали для нее Байчу и Ру-Мейлян, и прошла до угла И Дин Хо, как в тумане, не слыша их вопросов и окриков.

Он сидел на скамейке прямо, положив морщинистые руки на колени, в чистой рубашке, с аккуратно перевязанными на затылке волосами. Он смотрел ровно перед собой с очень спокойным и добродушным выражением лица, как бог с многочисленных полок его сувенирной лавки. Небо стремительно темнело, и в сумерках дедушка Фэнг выделялся светлым и четким силуэтом.

Его кремация пришлась как раз на Духов день. Никто не знал, что и как говорить.

Только Ронга подумала, что дедушка сделал ей последний подарок — теперь Духов день будет навсегда связан с ним и его поминками, а не с теми людьми, которые погибли по ее вине.

Вернувшись с урной праха, она подтянула узелки на домашних амулетах, привычно тронула пальцами деревянные кромки. Красные шнурки были единственным ярким пятном того вечера. Ветер становился сильнее, улица была пуста, и, стоя рядом с Байчу и Ру-Мейлян, Ронга открыла крышку урны, дав праху свободно разлететься по улицам Мадары.

Ночью ветер усилился, и красные шнурки переплелись намертво, не распутать.

Больше книг на сайте - Knigoed.net